

# Я МОГУ БЫТЬ ЛУЧШЕЙ ВЕРСИЕЙ ТЕБЯ

роман



<https://vk.com/hushrussia>

Автор бестселлеров New York Times

ТАРРИН ФИШЕР

**Таррин Фишер**

**«Я могу быть лучшей версией тебя»**

*Автор: Таррин Фишер*

*Книга: «Я могу быть лучшей версией тебя»*

*Оригинальное название: «Плохая мамочка»*

*Серия: Без серии*

*Жанр: Триллер*

*Рейтинг: 18+*

*Главы: 52 главы*

*Переводчик: Антонина Гринвуд*

*Редактор: Ольга Мохова*

*Вычитка: Ирина Николаевна*

*Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его? (Иеремия 17:9)*

## **ЧАСТЬ 1.**

### **Глава 1. Психопатка**

*Плохая мамочка*

*Ты получаешь то, чего не заслуживаешь. Что за отстой. Я возмущена, потому что заслуживаю этого больше. Я могла бы быть лучшей версией тебя, вот в чём суть. Я — та самая женщина, во мне это заложено.*

У девочки светлые волосы. Они поднимаются на её головке с дуновением ветра подобно мягкому светлому ореолу. Вот бы у меня были такие в детстве! Может, и были, моя мать была слишком занята работой и не фотографировала меня. Зачем вообще нужны дети, если их не фотографировать? И каждый день новая отговорка. Хочу заявить между делом, что моя мать — та ещё сука. Я взяла телефон и сфотографировала девочку, пока та бежала, а волосы развевались по ветру. Фотография из тех, которые надо вешать на стену. Я восхищенно любовалась на созданную мной красоту.

Увидев её, я будто вышла из долгого забытья. Захрустели суставы, сильнее забилося сердце. Я закрыла глаза и поблагодарила вселенную за этот подарок. Я сделала ещё одну фотографию, потому что я уж точно не плохая мамочка.

Это она, я знала наверняка. Всё, чего я хотела, и на что надеялась. Замерев, я наблюдала, как она подходит к машине вместе с высокой, темноволосой женщиной. Это и есть мать? Может, няня? В их чертах не было ничего общего, кроме карих глаз. Девочка позвала её «Мамочка», и меня передёрнуло... Я поникла... Будто умерла. *Она совсем не та, кто ты думаешь, дитя.*

Я последовала за ними домой из парка на своём сверкающем белом Ford Escape — он выделялся на улице, как больная мозоль. Боялась, что привлеку к себе внимание, и мамаша заметит, что за ними следят. Я слишком заморачиваюсь, правда? Мой мозг как компьютер, где кто-то оставил открытыми кучу вкладок. Я далеко не дура, что есть, то есть. У умных людей слишком много разных мыслей, и все они — гениальные.

Пытаясь себя успокоить, я мысленно открыла вкладку «здравый рассудок». Большинство матерей многого не замечают. Или, по крайней мере, не замечают *самого главного*. Они слишком заняты, слишком сосредоточены на своём отпрыске: чистое ли у

тебя лицо, не съешь ли ты себе в рот что попало, выучил ли ты алфавит... Хотите моё мнение? Им стало слишком комфортно в современном мире. Раньше матери боялись всего как огня: дизентерии, гриппа, полиомиелита. В наши же дни камнем преткновения современной мамы стало количество высокофруктозного кукурузного сиропа в соке её ребёнка. Успокойтесь уже! Все вечно сходят с ума из-за ерунды. Представь, что незнакомка преследует тебя в чистом, совершенно неприметном белом джипе. Представь, что воспитываешь эгоиста. Представь, что лет эдак через двадцать ребёнок тебя возненавидит, потому что ты в своё время не обозначила границу.

Они остановились на заправке. Я объехала весь квартал и остановилась на парковке рядом, готовая в любой момент сорваться с места. Бездомный постучал в стекло, пока я сосредоточенно пялилась на их машину. Пришлось дать ему доллар, чтобы он свалил, да и я была в хорошем расположении духа. Мне открывался отличный вид на мамашу. Она водрузила насос на место и села обратно в машину. Я тронулась, и мы поехали дальше.

Я пыталась рассмотреть цвет волос отца, полагая, что он у девочки имеется. Сейчас уже не то, что раньше, и возможно всё — возьмите двух мужчин, двух женщин, дайте им ребёнка. Не подумайте, что я страдаю гомофобией, просто нечестно, что у геев могут быть дети, а у меня нет.

Их машина въехала во двор, а я припарковалась по другую сторону улицы, под деревом с огромными розовыми цветами. Наступило то время года, когда мир светится жизнью, всё новое пробуждается после долгой зимы. Всё, кроме меня. Я наблюдала за цветами, зная, что лишена жизни, но в этом нет моей вины. Люди подобны пиявкам, дезертирам. Мне было одиноко, потому что я была одна в своём роде. Все говорят — *найди своё племя*. Кто же моё племя и где их искать? Девочки-провинциалки, с которыми я выросла? Нет! Офисный планктон с моей первой работы? Ну уж нет! С самого детства я поняла, что буду одинока. Я играла с друзьями, видимыми лишь мне, а в более сознательном возрасте строить все мои отношения помогал интернет.

Я наблюдала, как она расстёгивает пряжки на детском сиденье и приподнимает спящую девочку на уровень бедра. Во мне расцветает ревность, но вдруг головка ребёнка соскользнула с её плеча. Мне хотелось тут же броситься к ней и...что? *Всё исправить? Забрать девочку?* Я раздражённо шикнула. Плохая Мамочка. Некоторым просто не стоит иметь детей.

Они жили в сером кирпичном доме в тюдоровском стиле, всего лишь за милю (*Примеч. перевод. — 1.6 км*) от моего скромного домика. Какое совпадение! Мысленно я занялась подсчётами. Два года, два месяца, шесть дней. Вдруг это и есть тот самый ребёнок? Я была в этом уверена, но всегда есть эта назойливая тень сомнения. После всего, что произошло, я ходила к экстрасенсу. Она объяснила, что однажды я повстречаюсь с душой моего ребёнка, и сразу это пойму. Сколько раз я это представляла, видя подростка, взрослую женщину, даже мою медсестру, когда буду старухой умирать в больнице.

Я достала пакет с крекерами из сумки и стала непроизвольно жевать. Я уже было задремала, когда ровно в шесть пятнадцать во двор въехал золотистый седан. Всем наплевать на золотистые седаны, потому что их хозяева обычно — скучные людишки, которым не хватает смелости купить красную или белую машину. Они — нейтральная сторона общества, со всем сочетаются. Я швырнула пакетик с крекерами на пассажирское сиденье, выпрямилась, отряхивая крошки с подбородка. Из машины вышел мужчина. Я прищурилась, чтобы в меркнувшем свете дня разглядеть цвет его волос, но было уже слишком темно. Вот

вам ещё один пример того, как переход на летнее время разрушает нашу жизнь.

Я подумывала выйти из машины. Можно было притвориться, что гуляю, и спросить у него дорогу. Нет, слишком рискованно. Он нес чемодан, покачивающийся в такт его шагам. Это все нереально! Мне хотелось подойти и предупредить его, что всё это у него однажды отнимут, таков порядок вещей.

Как только он ступил на крыльцо, включился свет, и я наклонилась вперед. Тёмные волосы! Седина уже, наверно, начала проступать на висках, но отсюда мне был виден лишь ореол его волос в желтом свете крыльца.

Затаив дыхание, я откинулась на спинку сиденья. Я была права. Прижав кончики пальцев к глазам, я заплакала. Горькие скорбные слёзы бежали вниз по лицу и затекали в свитер. Я плакала по всему, что потеряла, по тому, что никогда не испытаю. Я вытерла слёзы и увидела женщину. Она обвила руками его шею. Такая идеальная семья, будто счастье досталось им так легко в этом сером домике. Я сразу поняла, что она его не заслуживает.

## Глава 2. Ровно

— Да не помешана я на них!

— Совсем нет?

— Совсем нет. — Почему мой голос так странно прозвучал? Я дотронулась до горла, и, кашлянув, продолжила. Безусловно, они мне интересны. Я чувствую... связь. Но я не съехала с катушек.

Почему я всегда убеждаю людей, что я не сумасшедшая? Может, потому, что они все такие из себя нормальные и скучные?

— Фиг! — Мой психотерапевт придвинулась ближе ко мне. Свет отражался в её очках с красной оправой.

Я устала на её туфли, тоже красные. Куколка, у которой всё сочетается. Будто нельзя добавить сюда немного себя. Мои пальцы забарабанили по часам из розового золота, а затем я будто невзначай дотронулась до серебряных колец в ушах. Быть может, она заметит и вдохновится, ведь в этом и есть вся суть жизни — чтобы люди хотели быть тобой.

— Вы следили за матерью и дочерью из парка до самого дома, верно?

Она выворачивала мои слова наизнанку, делая из меня тронутую. Опасно иметь своего психотерапевта.

— Я просто проехала по своему кварталу после парка. Они живут совсем рядом. —

Я думала, что разговор закончен, но она продолжала меня сверлить взглядом.

— То есть, вы не следили за ними до самого дома и не ждали часами в машине, только чтобы увидеть отца девочки?

— Я припарковалась, было дело. Я же уже сказала — мне стало любопытно.

Она облокотилась на спинку кресла и стала что-то записывать в блокнот. Я было вытянула шею, но она отлично всё спрятала. Может, это она психопатка. Писать то, что я не могу прочитать — это демонстрация силы такая?

— Как часто вы их преследовали с того раза?

Вдруг на меня напала такая жажда, что язык, казалось, намертво пристал к нёбу. Я стала взглядом искать воду. Порыв жаркого воздуха ворвался в кабинет сквозь вентиляционное отверстие. Я стянула с себя новый свитер и провела языком по сухим губам.

— Несколько раз, — осторожно ответила я. — У вас водички не найдётся?

Она указала на мини-холодильник в углу кабинета. Открыв его, я увидела целые ряды бутылок. Схватив самую холодную из заднего ряда, я вернулась на своё место. Чтобы убить

время, я слишком долго открывала бутылку, потом начала жадно пить. Вот-вот она должна провозгласить, что сеанс завершен, и мы продолжим беседу на следующей неделе. Но психотерапевт молчала, и я начала сильно потеть.

— Что заставляет вас ощущать связь именно с этой матерью и дочерью?

Вопрос вывел меня из равновесия. Я провела ногтем большого пальца по запястью, пока сочиняла ответ.

— Не знаю... Я никогда об этом не задумывалась. Может, из-за того, что дочери столько же лет, сколько могло бы быть моей.

Она задумчиво кивнула, а я опустила на диванные подушки.

— А может, потому что женщина...

— Вы имеете в виду её мать?

Я стрельнула взглядом.

— *Женщина*, — упрямо повторила я, — не выглядит как другие матери. Она что-то вроде анти-матери.

— Вас это расстраивает или притягивает?

— Не знаю... Возможно, и то, и другое.

— Расскажите мне о ней... о матери. — она устроилась поудобнее в кресле, а я начала нервно оттягивать кожу вокруг ногтя.

— Она не одевается как типичная мать — кожаные брюки, футболка с Nirvana под пиджаком, все эти браслеты, которые едва помещаются на её запястьях. А однажды она одела черную шляпу и серую футболку, через которую всё просвечивало. Волосы — единственное, что спрятало её соски от чести быть всеми увиденными.

— И как другие матери в песочнице на это отреагировали? Вы обратили внимание?

Разумеется, обратила. Из — за этого я её и заметила. Я видела, как они пялились, и с той минуты заинтересовалась ей.

— Ей наплевать, что говорят другие мамы. Было заметно, что они её из-за этого недолюбливали. Она их отшила ещё до того, как они отшили её. По-моему, гениально. Они вроде стаи собак, только и стреляют в неё глазами, с любопытством и открытым раздражением.

— Вам нравится эта её черта?

Я задумалась.

— Да, мне нравится, что ей наплевать. Мне всегда хотелось такой быть.

— Всегда хорошо себя знать.

— Так почему же я за ними слежу? — я вдруг спросила. Всё вдруг показалось таким прозрачным.

— Наше время вышло. Увидимся на следующей неделе, Фиг, — улыбнулась она.

Было уже темно, когда я подъехала к дому Плохой Мамочки и припарковалась в соседнем квартале. Сначала я не хотела возвращаться, но не могла же я позволить какому-то психотерапевту меня запугать! Вечер был холодный. Я достала толстовку с заднего сиденья и накинула капюшон на голову, тщательно спрятав волосы. Я не боялась быть пойманной, но мои блондинистые волосы могли привлечь к себе ненужное внимание. В этой части города живут сплошные молодые семьи, послушно посапывающие в своих спальнях в полдесятого, но осторожность превыше всего. Вечерняя пробежка станет отличным прикрытием. Сама невинность! Если кто-то и выглянет в окно, они увидят девушку в трениках, ведущую здоровый образ жизни. Я наклонилась, чтобы поправить шнурки моих новых кроссовок,

белых с леопардовым принтом, купленных по интернету специально для этого случая. Я увидела их у Плохой Мамочки в парке и сразу захотела такие же. Я представляла нас с ней, случайно столкнувшихся в магазине или на заправке. Она воскликнет — «Ой, у меня такие же! Они такие классные, правда?» Я научилась этой технике от моей матери, которая, в свою очередь, испытывала её на мужчинах, после того как ушёл отец. *Притворись, что тебе нравится то же, что им. Так у вас будет что-то общее. А потом, глядишь, тебе и правда это понравится — беспроигрышная ситуация.*

До их дома оставалось несколько метров.

Я стала украдкой рассматривать эту маленькую улочку, покрашенные вручную почтовые ящики, пышно цветущие клумбы, и ни души. В большинстве окон уже выключили свет. Добежав до почтового ящика, я открыла его, увидев три конверта и маленькую коричневую коробочку. Я всё забрала, рассовав по карманам, и параллельно оглядываясь по сторонам. Кроссовки были тесноваты, и мне уже не терпелось улечься на диване с чашечкой кофе и почтой Плохой Мамочки. Может, я даже съем немного печенья, того, из коробки в клетку со скотчтерьером.

Войдя в дом, я сразу разделась. Штаны носят только неудачники. К тому же, они сильно давили на живот, и кожа нависала сверху — ощущение не из лучших. Я положила конверты на обеденный стол, даже не взглянув на них. *Терпение*, прошептала я. Всему нужно терпение. Я заварила чай, добавила молоко. Прихватив коробку с печеньем, отнесла чашку в столовую — я сама отреставрировала и покрасила деревянный стол и стулья. Усевшись, положила каждый конверт лицом вниз, оставив коричневую коробку напоследок. *Глубокий вздох...* Перевернула первый конверт. Её звали Джолин Эйвери.

— Джолин Эйвери, — повторила я вслух. Затем, чтобы не поддаваться чарам красивого имени, добавила, — Плохая Мамочка!

Я открыла конверт ногтем. Там была одна-единственная бумажка. Счёт от доктора, какая скука. Мои глаза скользили по бумаге. Две недели назад она сдавала анализ крови. Я пыталась выудить что-нибудь ещё из медицинских терминов, но безуспешно. Анализы... Зачем? Она беременна? Стандартная проверка? Мне самой проблемы со здоровьем были не чужды. В прошлом году у меня резко поднялось давление, и пришлось сдавать всевозможные анализы. У меня обнаружили пятна на мозге. Я во всём обвинила Джорджа, после всего, что он со мной сделал. Моё здоровье было идеальным, до того, как я поняла, каким подонком он оказался.

Я отложила бумагу в сторону и открыла следующий конверт. Он был адресован её мужу, Дариусу Эйвери. Информация по страховке, макулатура. Дариус и Джолин Эйвери. Я откусила печенье. В третьем конверте было приглашение на день рождения. Открытка была вся в красных и жёлтых шариках.

Вы приглашены!

*Третий День Рождения Джуианы!*

*Место: Парк Королевы Энн*

*Павильон № 7*

*Ровно в 2 ч.*

*Просьба ответить на мобильный Тианы*

Интересно, кто пишет «ровно» на приглашении на день рождения своей дочери. Видимо, кто-то с обсессивно — компульсивным расстройством. Есть такой тип женщин, которые выглядывают из окна своей спальни ночью, чтобы убедиться, что мусорный бак

соседей не касается их газона. Жалкие, мелкие людишки. Разве все не знают, что родители маленьких детей всегда опаздывают? Как-то не совсем вежливо напоминать об их грехах в приглашении.

Что же внутри коричневой коробки? Имя «Джолин Уайатт», должно быть, её девичья фамилия, было выведено на ней синими чернилами. Напевая, я отрезала скотч ножницами. Внутри была синяя бархатная коробочка — в такие обычно кладут украшения. Я открыла её и сразу разочаровалась, прикрепленная к коробочке красной нитью лежала небесно-голубая бусина. Я взяла её в руки и стала разглядывать. Ничего особенного — не о чем писать домой, как говаривала моя мать. Возможно, у неё свой магазинчик на *Etsy* (онлайн — площадка для продажи предметов, сделанных вручную — прим. пер.). Надо будет проверить потом. Значит, просто иметь ребёнка ей было недостаточно, и нужны были дополнительные виды деятельности, чтобы эта шатающаяся по барам и мастерица ожерелья шляха снова почувствовала себя собой. Я положила бусину обратно в коробочку и побросала все конверты в ящик стола, чувствуя приближающуюся мигрень. Не хочу больше думать о том, насколько неблагодарными могут быть некоторые. Меня затошнило. Она не заслуживает дочь. Я заснула на диване с мокрым полотенцем на лбу.

### Глава 3. Дом по соседству

Все меня спрашивали: «Фиг, а почему у тебя нет детей? Ты так хорошо с ними ладишь!». И что мне на это отвечать? Видите ли, мой муж оказался придурком, а свою девочку я потеряла.

Моя девочка... Я так долго её ждала, прошла два курса лечения бесплодия, которые опустошили наш банковский счёт и ни к чему не привели. Я уже потеряла всякую надежду, а потом... задержка в один, два месяца... Тест на беременность. Хорошие новости подтвердились в кабинете доктора. Озвучив результаты анализа крови, он протянул мне коробку с бумажными салфетками — я рыдала как ребёнок.

Она была размером с мандарин. Я скачала приложение на телефон, позволяющее следить мне за тем, как она менялась в размере. Я отправляла скриншоты Джорджу, а он отвечал радостными смайликами. Она была головастиком, а теперь стала маленьким человечком с ручками и ножками. А потом её не стало. Моё собственное тело раздавило её на мелкие кусочки. Жестокость, которой не должна испытать в своей жизни ни одна женщина. Джорджа в этот момент рядом не было, разумеется. Он работал. Я сама поехала в больницу и сидела одна-одинёшенька в коридоре, пока мне объясняли, что у меня выкидыш. Джордж не проронил ни слезинки. Он только сильно побледнел, будто увидел привидение, и сразу спросил врача, когда мы сможем снова пытаться забеременеть. Он хотел стереть нашу девочку и сделать новую. А ведь я для него срезала корочки с горячих сэндвичей с сыром и дула на суп, чтобы он не обжегся и не заплакал, бедное дитя. Я была зла, ожесточённая. Я объяснила выкидыш отсутствием заботы с его стороны. Что ж, удачи тебе и твоему ледяному сердцу, Джордж. Я больше не буду с тобой нянчиться. Я была мамой настоящей маленькой девочки, и вот я снова её нашла! На земле живут миллиарды людей, и вот она, моя доченька, в пяти кварталах от моего дома. Даже не верится!

Я стала подолгу гулять по Кэвендиш Стрит, мимо парка с фиолетовыми скамейками, мимо магазинчика с замороженным йогуртом, где можно, нажав на рычаг, положить сколько хочешь йогурта в бумажный стаканчик. Повернув налево у пиццерии *Little Caesars*, у которой всегда сидели по крайней мере две кошки, я решила заглянуть на кружку капучино в кафе *Tin Pin*. Кофе в кафе делали хороший, но работающие там девахи

выглядели как шляхи. Делая заказ, я старалась не смотреть на них, но иногда это было просто невозможно. Что общего между кофе и демонстрацией своего тела? Я оставила несколько жалоб в ящике для предложений: «Девушкам следует носить меньше провокационных нарядов», «Наймите женщин постарше, которые уважают своё тело», и, наконец: «Пусть ваши полуголые шляхи сторят в аду!» Изменений не последовало, девушки так и не начали прикрывать свои упругие формы. У меня таких сроду не было.

Погода стояла отличная, поэтому я решила сесть снаружи, наблюдать за машинами и кошками, которые не сдвинулись ни на метр со своего насиженного места. Допив кофе, я решила вернуться на Уэст Барретт Стрит. Я с ненавистью признала, что их улица красивее моей, деревья — больше, а дома выглядели более ухоженными. Как говорится, дьявол кроется в деталях: белые ставни на окнах, а тюльпаны по краям клумб делали это место более... личным. Возле соседнего дома был целый ковер из розовых цветов. Я так и видела, как её дочка попискивает от удовольствия и спрашивает Плохую Мамочку, можно ли ей пробежаться между ними. Она наверняка разрешит. К черту машины вокруг, конечно, ты можешь поиграть на тротуаре, малышка. Беспечность, безрассудство, рассеянность.

Подойдя к их дому, я притворилась, что завязываю шнурки. Я будто заметила что-то на тротуаре и сделала замечание о мусоре проходящей мимо женщине. Она посмотрела на меня как на больную и поспешно удалилась, не вытащив наушники из ушей. Наверно, слушает какого-нибудь Джастина Бибера. Вдруг мне послышался смех ребёнка — он будто шёл из дома и, возможно, это был даже плач — я изголодалась по любым проявлениям её голоса. Но кроме рёва проезжающих мимо машин и лая собак я не могла ничего различить. Я разочарованно вздохнула, но тут мне на глаза бросилось объявление — дом по соседству выставлен на продажу. Моей первой реакцией было удивление, но затем внутри начало покалывать. Все кусочки пазла постепенно собирались воедино. Мне были необходимы перемены, не так ли? Я их заслужила! Плохие воспоминания окружали меня, подобно привидениям. Им здесь больше не место. Я могу просто переехать в этот маленький домик с белыми ставнями и оливковым деревом во дворе. Здесь зародятся мои новые, прекрасные воспоминания, и я буду жить совсем рядом с моей малышкой. А там кто знает, что нас ждёт? Кто знает...

#### Глава 4. Тронутая

Я призналась психотерапевту, что куплю дом по соседству.

— Не думаю, что это хорошая мысль, — сказала она. — Вы покупаете дом, чтобы быть ближе к ребёнку, который, по вашему мнению, не кто иной, как ваш не родившийся малыш.

Доктор Мэтьюз выглядела слишком молодо, чтобы в полной мере осознавать, чем она занимается. Но это мне и нравилось больше всего. Она была не такой категоричной, как какой-нибудь доктор, вращающийся в этой среде лет двадцать. Я была её подопытным кроликом. Я уверена, что она была благодарна, что могла набираться опыта со мной.

— Да бросьте! — отмахнулась я. — Я не такая сумасшедшая. Продать свой дом и переехать ради одного человека — это уж слишком. Это чистое совпадение — мне просто очень понравился дом.

Доктор Мэтьюз сверлила меня взглядом, нервно стуча по желтому блокноту. Она боится меня или это постукивание помогает ей лучше сконцентрироваться? А может, она имитирует метроном, чтобы и мои мысли обрели ритм? Ручка оставляла синие точки на блокноте. Скажите мне, у какого профессионала есть синие ручки? Она напоминала мне фанатку рок-группы из старшей школы — бледная, волосы мышиного цвета, очки. Сегодня

на ней был желтый кардиган и туфли в тон. Зуб даю, она раньше играла на тромбоне, и, как следствие, отлично делала минет.

— Вы и раньше заикливались на чем-то, вплоть до мании.

Мне совсем не понравился её тон.

— Правда? Это когда же?

— А почему бы вам самой не ответить на свой вопрос?

Её джинсы были подвернуты — точно, школьница-фанатка. Тронутая, вроде Жирной Джози (*Прим. пер. — персонаж фильма «Не целованная», о журналистке, никогда не состоявшей в романтических отношениях, которой главный редактор поручает притвориться школьницей и написать статью о жизни учащихся*).

— Ну... Я заикливалась на доме — дизайн, сама что-то мастерила...

— А помимо этого?

Я не знала, что сказать. Доктор Мэтьюз сощурила свои и без того узкие глаза, и я заёрзала на диване. Её глаза будто совсем исчезли в этот момент.

— Вы заикливались на том, что о вас подумают другие, — наконец отчеканила она.

*Ах, вон оно что.*

— Вы так думаете? Меня ваше мнение так волнует! — я попыталась пошутить. Не знаю, поняла ли она мою жалкую попытку пошутить в некомфортной обстановке. Я отметила про себя, что надо бы найти нормального психотерапевта с чувством юмора.

— Почему вас настолько тревожит, что о вас подумают другие? — Она решила взять быка за рога.

Я не доверяла людям, которые не понимали моих шуток. Смешить других — моя сильная сторона.

— Не имею понятия... Отцовский комплекс? (*Прим. пер. — daddy's issues/отцовский комплекс — явление из области психологии, подразумевающее наличие сложностей у взрослой женщины в отношениях с противоположным полом, если в детстве у неё тем или иным образом не ладилось отношения с отцом*).

Я сжала колени — как будто сжимала мячик для снятия стресса, только сильнее.

— Фиг, у вас параноидное расстройство личности! — наконец произнесла она.

— Как это? — Спросила я в ужасе.

— Наше время вышло. Мы рассмотрим этот вопрос в следующий раз.

Мы обе встали — я в шоке, она в мыслях о ланче. Какая жестокость — сказать кому-то, что у них серьезные проблемы и оставить с этими мыслями на целую неделю!

Дома я первым делом погуглила «параноидное расстройство личности». Если уж доктор Мэтьюз поставила такой диагноз и собирается обсудить это аж через неделю, то я вынуждена обратиться за поддержкой к *Google*.

*«Часто несговорчивы, критичны по отношению к другим, но сами не могут адекватно воспринимать критику».* Вот первое, на что я наткнулась. Кусая кожу вокруг ногтей, я подумала о джинсах тронутой Мэтьюз. Потом последовало больше информации.

· Постоянно подозрительны, ожидают, что другие причинят им вред, обманут, предадут.

· Винят в своих проблемах других людей или обстоятельства, приписывают трудности внешним факторам. Вместо признания собственной роли в межличностных конфликтах чувствуют себя жертвами плохого обращения, непонятыми.

· Обозлённые, враждебные, предрасположены к эпизодам гнева.

· Видят собственные неприемлемые стимулы в других, но не в себе. Предрасположены к

враждебности по отношению к другим.

- Подавляют других, своевольны, спешат не согласиться с собеседником, долго держат обиды.
- Враждебны. Как следствие, не имеют близких друзей.
- Расстройство в мыслительном процессе, параноидальные идеи. Восприятие мыслей и рассуждения своеобразны, могут стать иррациональными, когда что-то вызвало у них сильные эмоции, вплоть до бреда.

Закончив читать эту статью, я вздохнула с облегчением. Однозначно не я! Доктор Мэтьюз ошиблась. У неё самой небось было это параноидное расстройство, а она пыталась свалить всю вину на меня. Наверно, следует сообщить ей об этом, она мне ещё спасибо скажет.

Я отменила нашу встречу на следующей неделе, сказав секретарше, что иду на свадьбу. Повесив трубку, я поняла, что была записана на среду, а посреди недели никто не женится. Может, только лесбиянки. Скажу, что была свадьба двух лесбиянок, если спросит. Я набрала номер агента по недвижимости и сказала ей начинать оформлять документы. Мне не нужно чьё-либо одобрение, чтобы жить своей жизнью.

## Глава 5. Телец

Астрология — чушь собачья. Звёзды — это огромные горящие шары газа, парящие в вакууме. Им наплевать на вас, на вашего будущего мужа, на бесперспективную работу, на то, видите ли вы мир чёрно-белым или с примесью серого (Скорпион). Тельцы, им наплевать, если вы консерваторы или обладаете колоссальным упорством. Если всё это про вас, то это лишь ваша вина, галактика тут ни при чём. Я Телец, и в состоянии рассказать о себе, не обращаясь за помощью к звёздам.

Я не ведомая, но и не настолько храбрая, чтобы быть лидером. Я нисколько не вижу это недостатком, наоборот, проявлением силы. Лидеров сжигают на кострах за их убеждения, у меня же они есть и без пафосной бравады. Если на *Фейсбуке* разгорается спор, я просто делаю репост чужого мнения. Я следую за лидерами без потери собственной независимости. Когда кто-то заявляет, что не согласен с моим статусом, я говорю что-то вроде «*Что ж, статью писала не я, но несколько хороших мыслей там есть*». Мой собеседник вынужден кивать головой и соглашаться.

На свой день рождения я загадала новые резиновые сапоги. Точнее, не загадала, а сохранила в папке «Мода» на *Пинтерест* (прим. пер. *Pinterest* — социальный интернет — сервис, фотохостинг, позволяющий пользователям добавлять в режиме онлайн изображения и помещать их в тематические коллекции — папки и делиться ими с другими пользователями) — модель *Nightfall Wellington*. Плохая Мамочка носит модель с чёрным узором на белом фоне, я же сохранила сапоги с белым узором на чёрном фоне, чтобы у нас не было совсем уж одинаковых. Не забывайте — я живу в Сиэтле, у меня уже есть резиновые сапоги, но дешёвые и в цветочек. Дизайнерские сапоги абсолютно непрактичны, что совсем не в характере Тельца (что за чушь). Я хотела их заполучить и привыкала потакать своим желаниям. Меня удивило, что моя мать в итоге купила сапоги. Она из той категории людей, кто потребует деньги на бензин, если вы попросили её вас куда-то подбросить. Годы в изоляции от родителей, и вот вы уже чувствуете вину за сохранённую картинку с дизайнерскими резиновыми сапогами. Но как же хорошо они сидели! Зуб даю, в моём гороскопе за тот день было написано: «*Вы получите неожиданный и дорогой подарок от близкого человека!*»

В день рождения я выгуливала свои новые резиновые сапоги, когда позвонила агент по недвижимости.

— У нас есть дата закрытия договора! — прокричала она мне в ухо. *Великолепный дом, огромный потенциал! Вы только взгляните на этот фартук!* (прим. пер. — фартук — стена за плитой или раковиной)

— Вы шутите? — воскликнула я. — Мне никогда так не везло!

— Что ж, удача снова на твоей стороне, дорогуша!

Я попыталась заплакать, потому что сейчас для этого был самый подходящий момент, но вместо этого слышала свои странные гортанные звуки и сопение.

— Ты что, болеешь? — орала она. — Выпей чаю с мёдом, и у тебя выйдет вся мокрота!

Я поблагодарила её и повесила трубку. Какая самовлюблённость! Я всё же решила отправить ей корзину фруктов в знак благодарности за её тяжелый труд. Я заботилась о других, даже если они меня ужасно раздражали.

— Ты счастлива? — спросила мать, когда я сообщила ей радостную новость.

— Конечно! Если только всё не пойдет по наклонной, как это всегда бывает. Ты поможешь мне с переездом?

— Я спрошу Ричарда, но думаю, что смогу тебе помочь.

Ричард — её новый бойфренд. Обычно я называла его Дик (прим. пер. — *Dick* — уменьшительное от «Ричард», также «член», «дурак», «тупица»), потому что это имя прекрасно отражало его сущность.

— Ричард может к нам присоединиться! — пропела я. — Сильные мужские руки всегда пригодятся.

Я занялась упаковкой содержимого шкафчика в ванной. Иногда я доставала оттуда бутылочку, когда притворялась, что у меня рак, и трясла её содержимое перед собой. Мне всегда нравилось прикидываться проклятой. К тому же, смерть давала перспективу, цель. Мне постоянно говорили, какая я храбрая, и верили мне, будто рак, которого у меня не было, был моим чёртовым выбором.

После долгой паузы, мама произнесла;

— Он этим не занимается.

Чем «этим»? Помощью дочери своей сердечной подруги?

— Ничего страшного. Я просто хочу провести больше времени с тобой, — соврала я.

— Уборка на мне, — предложила она. — Ты знаешь, как я на этом помешана.

Само собой, я знала.

— Я пойду, мам. Тина звонит.

— Передавай ей при...

Я повесила трубку, не дав ей договорить. Тина — моя подруга. Воображаемая подруга. Я придумала её, чтобы заканчивать скучные телефонные разговоры и избегать семейных обязательств. Она была миссионером на Гаити, и в Америке её застать было практически невозможно. Поэтому, когда она звонила или неожиданно приходила в гости, я всё бросала и спешила к ней. Мне нравилась Тина. Я не была особо верующей, но у неё было по-настоящему большое сердце. Тина была подругой, которая была рядом в трудную минуту.

— Привет, Тина! — сказала я, швырнув телефон на стол. — Как здорово, что ты позвонила!

Я отнесла коробку с таблетками в гостиную и уставилась на голые стены. Скатертью дорожка этому дому и этой жизни. Где-то в вакууме звёзды мне вторили: *Тельцы, ваша*

*жизнь скоро изменится к лучшему.*

## Глава 6. Сад Мерси

Я решила взглянуть на сад. Мой агент по недвижимости взахлеб рассказывала о его огромном потенциале. В реальности подобные заявления обычно означали, что сад — кусок дерьма, на приведение которого в божеский вид нужно будет потратить тысячи долларов. Однажды мне сказали, что у меня — огромный потенциал, и вы только гляньте — чтобы только грудь и попу привести в порядок, мне потребуется по крайней мере тридцать тысяч долларов.

В саду все было настолько запущено, что я не могла разглядеть клумбы. Трава была усеяна клевером и росла кусками, будто собака писала на пути через газон. Яблоня нуждалась в стрижке сучьев. Единственным предметом во дворе, достойным внимания, была беседка в самом его конце. Краска облупилась, а вокруг решетки обвилась засохшая ветка кустов розы, в прошлом цветущие, и имеющие шанс зацвести снова. Совсем как я.

Джордж бы тут разгулялся. Он любил возиться во дворе. Может, стоит кого-то нанять, чтобы работу делали регулярно и в срок, вместо бесконечного ожидания. Спрошу у соседей, есть ли у них кто на примете. Просить совета — хороший способ завести дружеские отношения с соседями, даже если тебе наплевать на их мнение. Я уже собралась зайти в дом и поискать номера телефонов, как вдруг из сада в соседнем доме послышался детский голос. Мое сердце бешено забилося, когда я подошла к забору, отделяющему дом Плохой Мамочки от моего, и увидела ее — причину всего происходящего. Она внезапно подняла голову, будто почувствовала мой взгляд. Наши глаза встретились. На ее лице не было ни волнения, ни испуга. А чего ей волноваться? Мы были знакомы. Я откашлялась.

— Привет, я Фиг. Как тебя зовут?

На ней была розовая юбка-пачка и футболка с надписью: «Папочкина принцесса» серебристыми буквами. Услышав мой голос, она остановилась и стала внимательно слушать.

— Фиг, — сказала она тоненьким голоском и захихикала. Я не могла не улыбнуться.

— Да, Фиг. Меня так зовут, — я указала пальцем себе в грудь. — А тебя как? — мне пришлось перевеситься через забор, чтобы ее увидеть. Еще миллиметр, и я грохнусь вперед.

Она обернулась, думаю, в поисках Плохой Мамочки. Да, кстати, где это она шляется? Бросила бедную кроху одну на заднем дворе. Она же может сбежать... или ее украдут.

— Где твоя пло... мама? — спросила я.

Она указала на заднюю дверь. Через кухонное окно до меня донеслось позвякивание посуды. Играла какая-то песня в стиле кантри, и женский голос подпевал.

— Мамочка! — сказала она, указывая на дом. На ее пальчиках я увидела следы голубой краски. Мне так хотелось протянуть руки и дотронуться до них, обнять ее. Я уже собиралась что-то сказать, но Мамочка позвала малышку. Я быстро привела лицо в порядок, придав ему нейтральное выражение.

— Мерси! Мерси Мун! — Плохая Мамочка вышла во двор, вытирая руки о кухонное полотенце в клеточку. На ней был комбинезон, а волосы были собраны в огромный черный пучок. — Мерси, с кем ты разговариваешь?

Я моргнула. Как она назвала дочь? Мерси Мун? Я попыталась изобразить улыбку. Плохая Мамочка направлялась прямо к нам, прикрывая глаза краем ладошки.

— Здравствуйте! Я Фиг, только что въехала. Не хотела напугать вашу малышку. Ей, наверно, не следует разговаривать с незнакомцами.

Плохая Мамочка улыбнулась. Ослепительно белоснежные зубы под цвет майки-

алкоголички.

— Здравствуйте! Очень приятно познакомиться. Меня зовут Джолин, а это Мерси.

Малышке уже наскучил новый для нее человек, и она возилась в траве, тыкая палочкой в жука.

— Не навреди этому жучку, Мерси, это живое существо.

— Сколько ей? — спросила я.

— Мерси, скажи мисс Фиг, сколько тебе лет. Мерси...

Мерси кинула палочку и показала два толстеньких пальца.

— Моему ребенку тоже могло бы исполниться два в прошлом январе... — произнесла я, смотря на Мерси.

У Джолин было выражение лица точь-в-точь как у всех, кто узнал, что ты потеряла ребенка — сочувствие, смешанное с облегчением, что трагедия случилась с кем-то другим. *Да? Ну и иди к черту.*

— Мерси исполнилось два в сентябре. Правильно, моя хорошая? — спросила она, поглаживая ее волосы. — У нас была пони-вечеринка.

— Пони! — сказала Мерси, делая перерыв в охоте на жука. Мне хотелось радостно захлопать в ладоши. Я обожала лошадей, у меня была пони-вечеринка в детстве, а на мне был костюм девушки-ковбоя.

Я взглянула на Мерси. Он бы ей пошел! Маленькое воплощение любви. Маленькое идеальное чудо этого мира, которое никто не заслуживал.

— Люблю пони! Мун — это ваша фамилия?

Она покачала головой, улыбаясь.

— Нет, это ее среднее имя (*прим. пер. Среднее имя — имя, обычно расположенное между личным именем и фамилией. Используется как элемент полного имени в основном в Европе и западных странах*). Выбор ее отца. Наша фамилия Эйвери.

— Моя фамилия Коксбери, — я пользовалась своей девичьей фамилией, и мне это дико нравилось. Настолько, что я немного распрямила плечи, когда ее произнесла.

*Фиг Коксбери* звучало подобно танцу.

— Не хотите заглянуть на чашечку кофе, Фиг? Я кое-что испекла, но пекарь из меня так себе, если только я не пользуюсь готовой смесью. В этот раз, увы, не готовая смесь, — она положила руки на плечи Мерси, как делают все матери на свете, и улыбнулась. Ее улыбка была искренней, но я ненавидела ее за то, как она дотрагивалась до Мерси.

— С удовольствием! Только сбегая выключу свет! — сказала я, кивнув в сторону дома. — Я до сих пор не распаковала все вещи, поэтому будет здорово сделать перерыв.

— Ворота вон там, — Джолин указала на кусты немного слева. — Вам их отсюда не видно из-за кустов, но если отодвинете их немного в сторону, то сможете открыть замок и зайти к нам во двор. Главное хорошенько толкнуть. Наши дома когда-то принадлежали матери и дочери. Они поставили ворота, чтобы внуки могли ходить туда-сюда и не обходить вокруг.

*Разве не идеально? И до сих пор мать и дочь будут ходить туда-сюда.*

— Вы можете зайти и с центрального входа, как вам больше нравится.

— Нет-нет, все в порядке. Я мигом, только приведу себя в порядок.

Я смотрела, как они зашли в дом, ручка Мерси в руке Джолин. Хотела ли Мерси сжимать мою руку? Я забежала в дом в поисках зеленого кардигана и расчески. Не могла же я показаться в их доме абы в чем! Детям нравятся яркие цвета, так ведь? Я пристально

рассматривала себя в зеркале. С тех пор как все началось, я набрала несколько лишних килограммов. Я стала плотнее в области талии, а мое лицо, обычно узкое и худое, округлилось. Я дотронулась до волос, у корней уже виднелась седина. В детстве мои волосы были такими же, как у Мерси. Когда мне было чуть больше двадцати, из светлых они превратились в грязный блонд. Как я ни пыталась, но отрастить их так и не смогла. Никогда мои волосы не были длиннее подбородка. Я представила копну черных волос Джолин и нахмурилась. Наверняка нарощенные. Покрашу и подравняю волосы завтра, решено! Мерси понравится, если у нас будет одинаковая прическа. Я позвонила в салон и записалась на завтрашний день.

— Мелирование, как у моей дочки, — сказала я администратору салона, едва дыша.

Я закрыла дверь и направилась к дому Эйвери в дорогих серебристых балетках, купленных на прошлой неделе. На кончике пальца позвякивали ключи, и я чувствовала себя легче, чем когда-либо за эти месяцы. Вселенная будто открывалась мне, подобно цветку, заплатив за все страдания, которые выпали на мою долю. Наступило мое время, и меня теперь ничто не остановит. Ни Джордж, ни, особенно, я сама.

## Глава 7. Ужасный шоколадный торт

Джолин Эйвери оказалась совсем не такой, как я представляла. Как и ее дом. Я и думать забыла про дом, все мои мысли были слишком заняты Мерси, девочкой в доме, чтобы размышлять о том, какими могут быть ее гостиная и кухня. Мне представлялся бардак, безделушки из путешествий, цветастые пледы, разномастные тарелки со сколами. Но оказавшись в доме (дверь открыла Мерси, Джолин наблюдала из кухни), я открыла рот от удивления. Все было аккуратно, и подобранно со вкусом. Светло-серые диваны с белым ворсистым ковром, в центре которого располагался кожаный пуф цвета морской волны. На кофейном столике лежали подарочные издания книг с Куртом Кобейном и Джимми Хендриком на обложках. На стене висела большая фотография винтового самолета на фоне волнистых облаков. Видимо, Джолин прочитала изумление на моем лице, потому что произнесла:

— В прошлой жизни я была дизайнером интерьера.

Я вспомнила о маленькой синей бусине в ящике стола. Мне внезапно захотелось подержать ее в руках. У нее была своя цель. У человека с таким интерьером, несомненно, есть планы на эту бусину. Мерси вырвала меня из забытья, указав пальчиком на мои туфли:

— Селебро!

— Да, они серебристого цвета, — согласилась я, присев на пол, чтобы заглянуть ей в глаза. — Что за умная девочка!

— Селебро! — повторила Мерси.

— Проходи на кухню! — послышался голос Плохой Мамочки, когда она показалась в широком арочном дверном проеме.

Я бросила быстрый взгляд на камин из белого камня и последовала за ней. За мной семенила Мерси.

— У тебя тут такой чудесный свет! — восторженно заметила я.

— Да, разве не здорово? Поэтому мы и выбрали этот дом. Дариус всегда говорит, что раз уж живешь в Сиэтле, стоит найти дом с самым лучшим светом, или впадешь в депрессию.

— Ты впадаешь? — быстро спрашиваю я. Абсолютно бестактный вопрос, особенно если задать его человеку, которого ты впервые увидел какой-то час назад, но он вырвался прежде

чем я успела себя одернуть.

Плохая Мамочка на секунду перестала резать торт. Кухня была также прекрасна, как и гостиная — сочетание стального и белого с некоторыми вкраплениями изумрудно-зеленого.

— Думаю, иногда, — призналась она. — Когда я одна, мне становится одиноко.

Меня поразила ее честность, и еще более поразило, насколько я с ней согласна.

— Где работает твой муж? Извини, если задаю слишком много вопросов. Такой уж у меня характер.

Она отмахнулась.

— Ничего страшного! Мы задаем вопросы, когда хотим узнать кого-то получше.

Она подвинула тарелку с куском торта, того самого, который, по ее словам, не удался, и ушла варить кофе. Мне было слышно, как Мерси играла в другой комнате, периодически вскрикивая.

— Он психотерапевт. У него частная практика в Балларде.

— Вау! Весьма пафосное местечко.

— А ты чем по жизни занимаешься, Фиг? — спросила она. Мне было непривычно слышать свое имя. Большинство людей не утруждаются обращаться по имени.

— Я создаю сайты. Фриланс.

— Здорово! — сказала она, поставив чашку с кофе передо мной и возвращаясь на кухню за сливками. — Ты выросла в Вашингтоне?

— В маленьком городке в Висконсине. Сюда переехала с мужем после свадьбы.

— А ты до сих пор...

— Долгая история, — отмахнулась я. — Сложная. Брак — тяжелая работа.

— Ты в порядке? — озабоченно спросила Джолин.

Раньше никто не задавал мне этого вопроса. Но как на него ответить?

— Стараюсь, — призналась я.

Я была уверена, что она будет копать дальше, но Джолин просто придвинула сахар и сливки к моей чашке.

Торт был вкусный. Очень вкусный. Тогда-то я и поняла, какая она лгунья. Нельзя испечь такой потрясающий торт и не понимать этого.

Мерси забежала на кухню и потянула Плохую Мамочку за кофту.

— Ты устала? Хочешь торт? — спросила она.

— Торт! — заявила Мерси. И добавила, — Пожалуйста!

Плохая Мамочка похвалила ее за «пожалуйста» и отрезала большой кусок.

Когда моя чашка кофе была почти пуста и сладкий вкус торта все еще стоял во рту, Дариус Эйвери вернулся с работы домой. Я услышала стук и громкий писк Мерси, когда она прыгнула на него. Минутой позже он вошел на кухню, с дипломатом в руке, а Мерси крепко держала его ногу. Вблизи он выглядел еще лучше. Плохая Мамочка была явно взволнована его приходом, к щекам прилил цвет, а глаза, смею сказать, сияли! Я наблюдала за ними, вспоминая, когда впервые увидела его. Он выглядел счастливым. Сейчас все выглядели счастливыми, и вдруг я почувствовала себя вторгающейся в их личную жизнь. Я немного подвинула свой стул, и она, наконец, вспомнила о моем существовании.

— Дариус, это Фиг, наша новая соседка, — сказала она, накручивая на палец волосы. — Она переехала в старый дом Лэрронов. Я решила пригласить ее на кофе с моим неудачным тортом.

Дариус поставил свой дипломат на пол. Мерси повернулась и посмотрела на меня,

будто никогда раньше не видела. Я скорчила рожицу, и она рассмеялась. Казалось, еще чуть-чуть и мое сердце лопнет.

— Здравствуй, Фиг. Добро пожаловать в район! — произнес он и пожал мою руку. Я заметила, что у него была особенно кривая улыбка, которая могла быть заразной, если долго на нее смотреть. Я быстро отвернулась и почувствовала, что краснею.

— Привет! — я встала. Крошки от торта посыпались с моих коленок на пол. Стыд какой. Я уже было наклонилась, чтобы их подобрать, но Дариус остановил меня.

— Не волнуйся, у нас для этого есть Румба.

— Что-что?

Он указал на маленький прибор в углу.

— Маленький робот-пылесос.

— А-а-а.

— Тебе понравился ужасный торт моей жены? — спросил он, закатывая глаза.

Я была права насчет седины у него на висках. Сейчас я хорошо это видела, небольшие серые проседи в черных волосах. Он был не так уж высок ростом, примерно шесть футов (*прим. пер.* — 182 см), с широкими плечами, от которых все женщины сходят с ума. Интересно, сколько у него клиенток, и как им удастся сконцентрироваться под его взглядом.

— Думаю, это был лучший торт в моей жизни! — призналась я. — По мне заметно, как я люблю торты.

Я показала на лишний вес на талии. Плохая Мамочка покраснела и отвернулась, чтобы спрятать лицо.

— Моя жена знает меру во всем, — произнес он, взглянув на нее с любовью. — За что бы она ни взялась, у нее выходит лучше, чем у большинства.

Она взглянула на него через плечо, ставя чашки в раковину, и мне внезапно стало тошно. Смотрел ли кто-нибудь так на меня? Нет, не думаю. Джордж смотрел телевизор большую часть нашего брака. Во мне зрела зависть.

— Я, пожалуй, пойду, — я слегка потянула Мерси за ножку. Она улыбнулась прежде чем спрятала ее. — Спасибо за отличный прием!

— Фиг, обязательно приходи на наш девичник! — сказала Плохая Мамочка, вытирая руки о кухонное полотенце. Она обошла вокруг стола, чтобы встать рядом со мной. — Там будут мои подружки, мы обычно встречаемся каждый вечер пятницы. Ты сможешь с кем-нибудь познакомиться, и просто развеешься.

Дариус согласно качал головой, даже когда Мерси пыталась засунуть свои маленькие пальчики ему в нос.

— Было бы здорово! Во сколько?

— Мы встречаемся здесь в шесть вечера, — она взглянула на Дариуса. — Шесть.

Он виновато кивнул.

— Иногда я засиживаюсь допоздна в офисе, — объяснил он. — Джолин очень расстраивается, если я опаздываю на девичник в шесть вечера.

Джолин швырнула в него полотенце. Дариус поймал его с улыбкой. А когда он ей подмигнул, меня начало мутить.

Да-да, меня тошнило все сильнее и сильнее. Я направилась к двери, а чета Эйвери последовала за мной.

— Спокойной ночи, Фиг. Увидимся в пятницу.

Они махали мне до тех пор, пока я не подошла к двери своего дома. Черт подери,

идеальная семейка! Я решила, что сегодня съем *два* печенья.

## Глава 8. В пятницу вечером

Я видела, как они подъезжали к дому. Сегодня приехали шесть куриц. Плохая Мамочка сообщила, что гостей всегда разное количество. Трое из них были худышками, а остальные трое — совсем тощие. Я остановилась на цветастой блузке — единственный мой предмет одежды «на выход», не считая рождественского свитера. Но не могу же я натянуть свитер в елочку в июле, правда? В самый последний момент я сменила блузку на легкий свитерок с голубыми снежинками. На девушках были узкие джинсы или обтягивающие платья, подчеркивающие их тощий зад. Единственным мало-мальским подобием джинс-скинни в моем гардеробе были тренировочные штаны, в которых я бегала за почтой Эйвери. Я достала их из стиральной машины, понюхала, прежде чем надеть. Я улыбалась, смотря на себя в зеркало в полный рост. Теперь мне нужно было зрительно увеличить рост. Я достала черные босоножки, которые купила в прошлом году и ни разу не надела. Я пробежалась расческой по волосам и подкрасила губы помадой. Не надо было мне увлекаться печеньем каждый день, но я пообещала разобраться с этим позже. Да пошли они к черту! Я красива, потому что такая, какая есть. Джордж годами меня принижал, и я не позволю этим курицам делать то же самое. Я стремительно выскочила из дома, едва вспомнив запереть дверь.

Я не успела постучать, как дверь Эйвери распахнулась. В дверях стояла Плохая Мамочка, с коктейлем в руке — видимо, это он сделал ее щеки розовыми, а в глаза добавил блеска.

— Привет, Фиг! — она блуждала взглядом по моему наряду, и, видимо, одобрив его, добавила, — Готова кутить?

Она отошла в сторону, давая мне пройти, и меня внезапно охватил приступ беспокойства. Не то, чтобы я была в восторге от присутствующих... Зачем же я сюда пришла? *«Ну уж нет!»* — сказала я себе. Меня в этом всегда убеждал Джордж. Он ненавидел куда-то выбираться, и утверждал, что раз никто от нас не в восторге, то зачем пытаться быть общительными? *«Сегодня только ты и я, Фигги»*, — любил приговаривать он.

— Еще как!

Мы зашли на кухню, где курочки уже расселись вокруг шейкера для мартини. Три вещи могут собрать женщин с голодными глазами в стаю — алкоголь, мужчины и сплетни. Сплетни сильнее всего, но только от трех компонентов, поданных вместе, чешутся руки. Я представила женщин из Каменного века, скачущих обнаженными вокруг костра. Один из мужей был первооткрывателем огня, а другие завидуют. *Боже мой*. Сегодня я стану частью вековой традиции! Это поистине будоражит мое воображение.

— Девочки, это Фиг, моя новая соседка! — представила меня Плохая Мамочка. Все курицы подняли глаза в одно и то же время. Некоторые из них быстрее смогли скрыть выражение своих лиц. Блондинка в розовом топе без бретелек и туфлях из змеиной кожи первая обняла меня, приговаривая с напускным энтузиазмом, — Добро пожаловать в наш клуб, Фиг! Фиг — это твое настоящее имя? Мне всегда хотелось иметь какое-то необычное имя, но Мишель — это все, что мне досталось. Это отнюдь не редкое имя, и все зовут меня Шель. Зови меня как больше нравится. Это тренировочные штаны? Вау, да ты целеустремленная! Я не занималась спортом с тех пор как родился мой младший, а ему уже четыре!

Моя голова все еще кружилась от потока слов, а Плохая Мамочка продолжила

знакомить меня с остальными.

Йоланда — физиотерапевт с широченной улыбкой и большими сиськами.

Кейси — не зная меня и пары минут, гордо заявила, что она домохозяйка, и спросила, есть ли у меня дети.

— Нет, — ответила я.

— Моим три месяца и шесть, и они просто чудесны! Лили — совершенный гений, а Томас — такой соня, если он не просит грудь, само собой. — Она засмеялась и поправила лифчик. Плохая Мамочка закатила глаза. Я спрятала улыбку. Наверняка ее муж был первооткрывателем огня.

Аманда, явный хипстер, носила очки в красной оправе и изучала меня, ни разу не улыбнувшись. Ее темные волосы были собраны в пучок на затылке, а ее наряд был совсем не таким вызывающим, как у остальных. Наверно, мне стоит держаться от нее подальше. Мне совсем не нравилось, как она смотрела на меня. Люди, настолько принимавшие себя всерьез, опасны. Она из тех, кто охраняет свою территорию. Небось возомнила себя лучшей подругой Плохой Мамочки.

Шарлотт и Натали — сестры. Они быстро оглядели меня, слабо помахали и вернулись к своему разговору, который, оказалось, был о муже одной из сестер.

— Натали поймала мужа на измене, — тихо объяснила Плохая Мамочка. — Наверно, это и будет темой нашего разговора в этот вечер.

Я не услышала осуждающего тона в ее голосе, скорее безразличный. Мне нравилось быть частью чего-то глубоко личного. Я одобрительно улыбнулась, разглядывая украшение на ее ключице. Серебряная цепочка с маленьким голубым камушком. Мои глаза почти вылезли из орбит. Она заметила, как я уставилась на цепочку.

— Это подарок от Дариуса. Я хотела заказать такой же камушек для его часов на нашу годовщину, но посылка, видимо, где-то затерялась.

Мой живот скрутило. Я подумала о маленькой бархатной коробочке в кухонном ящике. Мне захотелось еще раз до нее дотронуться и заглянуть внутрь, ведь сейчас мне стало понятно ее содержимое.

Я взглянула на Плохую Мамочку, внезапно чувствуя себя лучше, чем за весь вечер. На ней был черный комбинезон без бретелек и красные балетки. Я впервые заметила ее татуировки и нахмурилась. Какой пример она подает Мерси? Что люди могут выцарапывать словечки на ее коже?

Плохая Мамочка представила Гейл последней. Явно будучи самой дружелюбной из всех, она обняла меня, спросила, за кого я голосовала, тут же отшутилась и снова обняла. Не думаю, что это была шутка. Она отвела меня к предмету всеобщего обожания — шейкеру для мартини, и спросила, не хочу ли я выпить.

— Я закажу себе что-нибудь в ресторане. Не хочу вести машину, выпив.

— Нам пришлось отменить наш заказ столика, — нахмурилась Плохая Мамочка. — Дариус застрял в офисе, поэтому мы просто посидим здесь.

Я увидела тень разочарования в ее взгляде, но мгновение спустя она исчезла.

— Мы заказали суши! — объявила Гейл. — Ты же ешь суши, да?

Я согласно кивнула и улыбнулась. Суши я терпеть не могла.

В то время как Гейл готовила мне напиток, Плохая Мамочка привела на кухню Мерси, чтобы та пожелала нам спокойной ночи.

— Я могу уложить ее, а ты посиди тут, — вырвалось у меня. Я знала, что перехожу все

границы, но уж сильно мне хотелось поддержать Мерси.

— Я люблю читать три сказки на ночь, — сказала я Мерси. — Зуб даю, для тебя это слишком.

Она протянула ко мне руки и внутри у меня все затрепетало.

На лице Плохой Мамочки читалось сомнение.

— Тебе нужен отдых! — заверила я ее и ободряюще улыбнулась. — Я позову тебя, когда прочитаю все сказки, чтобы ты ее поцеловала на ночь.

Она расслабилась. Плохая Мамочка бросила взгляд на кухню, где девушки затеяли игру с выпивкой, потом неохотно отпустила Мерси, которая сразу же прибежала ко мне в объятия.

— Покажи мне, где твоя комната! — Мерси побежала впереди меня. Я последовала за ней до последней двери налево и остановилась в дверях, пока она бежала к книжному шкафу.

Изумительно! Вот слово, которым можно описать комнату Мерси.

— Мерси! Это самая очаровательная комната, которую я, когда-либо видела!

Я вошла, сразу же утопая в мягком ковре. Комната выглядела так, будто кто-то растопил цветные карандаши и окрасил ими стены. Четыре столбика кровати Мерси представляли собой гигантские леденцы. Все свободное пространство занимали мягкие игрушки. Мне не хватило времени как следует рассмотреть комнату, потому что Мерси тащила меня к кровати, сжимая три книги в руках. Я улыбнулась. Увидеть бы, как она выбирала книжки. Мы уютно расположились на кровати рядом друг с другом, я обняла Мерси и взяла в руки книжку *«Прощай, вонючка»*. Значит, так все и могло бы быть?

Я начала украшать детскую, как только узнала о беременности, выбирала постельное белье с медвежатами, купила подвесные игрушки в виде планет, чтобы повесить их над кроваткой. Потеряв дочь, я все упаковала и отвезла в секонд-хэнд. Все мои мечты оказались набиты в коробку из-под вермишели.

Когда я дошла до половины *«Баю-баюшки, луна»*, глаза Мерси стали закрываться. Мне так не хотелось, чтобы она засыпала, а хотелось так и остаться рядом с ней и прочитать все книжки на полках. Я прочитала ей все три книги, несмотря на то, что она уже сладко спала рядом. Я всегда сдерживала обещания. Я подоткнула ее одеяло, нежно поцеловала в щеку и тихонько вышла из комнаты

## Глава 9. Перспектива

Когда я зашла обратно на кухню, все будто замерли. Я посмотрела на брюки, чтобы убедиться, не начались ли месячные. Со мной такое случилось в старших классах — до сих пор стыдно вспоминать.

— Она заснула. Я даже не дочитала вторую книжку! — Гейл подняла стакан с коктейлем *«Огненный шар»*, и все зааплодировали. Я и сама расплылась в улыбке.

Плохая Мамочка распустила волосы. Она отошла от стола, у которого разговаривала с Амандой, подошла ко мне и обняла за плечи. Мамочка протянула мне шот, а свой подняла вверх.

— За Фиг, заклинательницу детей! — объявила она.

— За Фиг! — вторили ей все. Я залпом выпила это нечто, на вкус и правда, как огненный шар с оттенком корицы, и закашлялась. Все засмеялись, будто такое воздействие алкоголя — лучшее, что только может быть в мире.

— Какая гадость! — воскликнула я, протягивая пустой шот. Я прижала ладонь к губам,

ожидая, пока прекратится этот пожар во рту.

— Девчонки, вы слышали? — громко спросила Мамочка. — Фиг сказала, что хочет еще один!

Больше аплодисментов, снова льется алкоголь, и снова я кашляю. На моих глазах выступили слезы, а вокруг шеи разлилось странное тепло, когда у входной двери появился Дариус с пакетами суши на вынос. Я выпрямилась, как только увидела его, и заправила волосы за уши.

Плохая Мамочка обняла его за талию, встала на цыпочки и поцеловала в подбородок. Дариус, с руками, полными пакетов, наклонился для полноценного поцелуя.

— Фиг! — из всех присутствующих он решил обратиться именно ко мне. — Добро пожаловать! Какие у тебя впечатления от этих сумасшедших?

Мне стало еще жарче. Не такое уж плохое, просто непривычное ощущение. Когда в последний раз такой мужчина, как Дариус Эйвери, уделял мне немного своего драгоценного времени, чтобы подразнить?

— Они спаивают меня, а я никогда раньше не напивалась, — призналась я. Все уставились на меня, как будто я только что объявила, что никогда не испытывала оргазм.

— Фиг, ты это серьезно? — Кейси, мамаша-хвастунишка, принялась за мой коктейль.

Дариус поставил пакеты на стол и взял стакан, предназначавшийся мне. Запрокинув голову, он опустошил стакан, пока все смотрели. Мне снова стало жарко, потому что он взял что-то, принадлежавшее мне. Он поставил стакан на стол и спросил:

— Где моя Мерси Мун?

— Спит. Фиг ее уложила, разве не потрясающе?

Я не назвала бы укладывание ребенка *«потрясающим»*, но просияла от ее слов.

— Что-что ты сделала? — спросил он с округлившимися глазами. — Выкладывай свои секреты!

— Мерси терпеть не может спать, — объяснила Мамочка. — Уложить ее — наша проблема изо дня в день. Все, присутствующие в этой комнате, пытались, но безуспешно.

Все стали дружно кивать. Интересно, почему она мне рассказывает об этом только сейчас? Наверно, Мамочка почувствовала мою особую связь с Мерси.

— Ой, я ничего особенного не сделала. Она сразу заснула, — я будто воспарила. На самом деле, я хотела рассказать ей об особенной связи между мной и Мерси, и уж если кто-то и сможет ее уложить, то это я и только я. Это я лишена этого, и это я должна укладывать ее каждый вечер. Именно поэтому они не могут. Но, увы, не обо всем можно говорить вслух. По крайней мере, пока что.

Я положила на тарелку несколько роллов, которыми все так восторгались, и уселась за стол. Рядом со мной сидела Аманда, которая отодвинулась, когда я опустила на стул.

— Фиг, что же тебя привело в наш район?

— Мне нужна была смена декораций, — ответила я, пытаясь подцепить суши палочками, которые кто-то мне протянул. — Жизнь будто стояла на месте. Я впала в депрессию, и решила найти выход из нее.

Все, кто слышал наш разговор, дружно покачали головами, будто имели представление, о чем я говорю.

Небольшая морщинка пролегла между бровей Аманды.

— Очень жаль об этом слышать, — проговорила она и подняла свой бокал мартини. Я быстро подняла свой, и она провозгласила: — За новые начинания!

Наши бокалы звякнули, и я моментально прониклась к ней симпатией. За новые начинания. Наверно, я была слишком сурова к женщинам. Общество твердит нам, что у них всегда есть скрытые мотивы. Так говорил Джордж — я никому не нравилась просто так.

Однажды я подружилась с клиенткой салона красоты. Мы разговорились, пока сушили волосы — о нашей любви к музыке восьмидесятых, хлопьям с молоком глубокой ночью, детях, которых мы все пытались завести уже больше десяти лет. Я уже собиралась уходить, когда она протянула мне листок бумаги с ее именем и номером телефона, и сказала, что нам нужно непременно встретиться за чашечкой кофе. «Виви» было написано на бумаге. Дома я рассказала обо всем Джорджу, устроившемуся с пивом у телевизора. У меня совсем не было подруг, и случайная встреча была моей надеждой, затаившейся внутри с самого переезда в Вашингтон. Виви и Фиг отправляются за покупками, Виви и Фиг обедают за столиком снаружи кафе, обе в солнечных очках, Виви и Фиг обмениваются открытками на Рождество и организуют вечеринку для будущей мамы, когда придет время.

— Она дала тебе свой номер? Да она небось лесбиянка и хочет, чтобы ты у нее отлизала, — Джордж и глаз не оторвал от игры.

Я не сохранила номер ее телефона. С тяжелым сердцем я выбросила бумажку в мусорное ведро. Я одиночка. У меня есть Джордж, мы есть друг у друга — этого вполне достаточно. К тому же, он скорее всего прав — она как раз коротко постриглась. Если уж это не указывает на ее ориентацию...

И вот я сижу в компании женщин, которые подняли свои бокалы и аплодировали мне за то, что я уложила Мерси. Подружки — вот что мне нужно. Племя, которое я всегда искала. Я перестану их осуждать, перестану искать скрытые мотивы, когда они просто добры ко мне. Все, включая Плохую Мамочку. Она ведь и понятия не имела о нас с Мерси, да и откуда ей было знать? Мы все жертвы в этой жизни. Я наблюдала, как она болтает с дружелюбной Гейл, и почувствовала глубокую благодарность к ней. Она — добрый человек, и она делала все возможное для Мерси. Годы спустя я все-таки нашла мою девочку, и именно она ее оберегала все это время.

Джолин улыбнулась мне, а я ей. Все вдруг стало так понятно, как отглаженная рубашка. Теперь все иначе. Я съела один ролл, и мне понравилось. Поразительно, что с тобой делает иная перспектива.

В какой-то момент я поняла, что была трезвее всех. Я решила плотнуть свежего воздуха, но обнаружила Дариуса, потягивающего свой коктейль на стуле в саду. Его волосы были взъерошены, а верхние пуговицы рубашки расстегнуты.

— Смотрите-ка, кто здесь прячется! Слишком много женщин?

— Женщин много не бывает, — он устало улыбнулся.

Внезапно мне стало его жаль. Он работал весь день, выслушивал чужих людей, с их заботами, чтобы, придя домой, увидеть толпу нелепых пьяных домохозяек. Бедняга. Наверно, он просто мечтал о тихом свидании с женой или просто хотел посмотреть телевизор.

— Что пьешь? — спросила я, уставившись на его практически пустой бокал. — Я принесу тебе еще.

— Ты будешь угощать меня в моем собственном доме? — он облокотился на стул, посмотрел на меня и пожал плечами.

— А почему бы и нет?

Он рассмеялся. Интересно, бывает циничный смех?

— Джин с тоником.

Я взяла его бокал и зашла в дом. Никто меня не заметил — все разлеглись в гостиной. Каждые несколько секунд раздавался смех, и меня передергивало — только бы не проснулась Мерси. Я бросила кусочек лайма в бокал, и увидела, что Джолин наблюдала за мной.

«Пора снова упомянуть рак...» — подумала я, выходя в сад. Для пущей ранимости.

## Глава 10. Целая зарплата

Я проснулась от сильной головной боли. Той самой, которая сидит глубоко-глубоко и становится сильнее при малейшем шуме. Я устроилась на кровати с ноутбуком и вбила в поиск термины вроде «рак мозга» и «аневризма». Убедившись, что у меня всего лишь похмелье, я осторожно встала с кровати и отправилась на кухню заварить чай. Похмелье — это ведь так по-взрослому! У Ким Кардашьян оно, наверное, каждый день. Я стала рассматривать фото с хэштегом *похмелье* в Инстаграме. Много девушек на фото собирали волосы в пучок. Я последовала их примеру и стала изучать свое отражение в зеркале. У меня получилась какая-то кашка, а не пучок — надо будет отрастить волосы подлиннее. В трениках и с солнечными очками на носу я отправилась на рынок. Джолин и Мерси всегда закупались на местном рынке по субботам. Если не шел дождь, они проходили четыре квартала до Whole Foods (*прим. пер. — популярная американская сеть супермаркетов здоровой еды*), завернув перед этим в кафе за замороженным йогуртом.

В этом была вся Джолин — у нее всегда есть свои маленькие ритуалы. Я же считала себя скорее спонтанной. Даже покупка дома была неожиданным решением, оказавшимся верным. Спонтанность — отличное качество для матери, показывающее детям, что жизнь — череда неожиданностей, и нужно просто плыть по течению. Я не пошла пешком на рынок. Я проехала эти четыре квартала на машине и припарковалась на месте, специально отведенном для беременных.

Вскоре я заметила Джолин и Мерси, направляющихся к магазину. Джолин везла коляску, а Мерси семенила рядом. На ее личике виднелись остатки йогурта.

Я поспешила внутрь магазина, схватила тележку и кинула туда что попало под руку, будто я уже провела тут какое-то время. По правде говоря, я ненавижу этот супермаркет по прозвищу «спусти целую зарплату». Они продадут вам что угодно, хоть мокроту гориллы, и люди все скупают, потому что на упаковке написано «органик». Мне наплевать на сучек в леггинсах *Lululemon* с кокосовой водой в руках. Мерси Мун — моя единственная причина.

Раз уж я здесь, то почему бы не сесть на диету. Я набрала кучу кейла (*прим. пер. — кейл — листовая капуста, используется во многих рецептах здорового питания*) и редиса (уж очень симпатично они выглядели), прихватила кокосовой воды и направилась в отдел хлопьев, чтобы дать им время поблуждать по магазину. Я услышала свое имя во время увлекательного чтения состава каких-то органических хлопьев.

— Фиг! Привет!

Я быстро сотворила выражение удивления и обернулась. Солнечные очки я так и не сняла, но пришлось это сделать, чтобы Мерси увидела искренность в моих глазах.

— Привет, красавица! — я подмигнула Мерси. Потом улыбнулась Джолин и бросила органические хлопья в тележку.

— У меня похмелье... — шепнула я. Она приподняла брови, будто поняла, о чем я. Я уже открыла рот, чтобы что-нибудь добавить, но вдруг заметила Дариуса, направляющегося к нам. У меня во рту пересохло.

— Смотрите-ка, Фиг у нас тоже поклонница магазина «Спусти целую зарплату», — он

подмигнул, целуя Джолин в висок.

— Не то чтобы... — запнулась я. — На самом деле, все так и есть. Обожаю его.

Он пробежал взглядом по содержимому моей тележки.

— Полный набор... Кроме леггинсов *Lululemon*!

Я открыла и закрыла рот, не издав ни звука. Мое сердце было готово выпрыгнуть из груди. А потом мне стало смешно. Я уже давно так не смеялась, и мне сразу полегчало. Мы с ним так похожи! Высмеиваем все это изобилие и всех последователей, возомнивших себя лидерами.

— Они из Target (*прим. пер. Target — крупная сеть супермаркетов в США*), почти то же самое.

— Ну да, конечно. И о чем я только думал?

— Не слушай его! — сказала Джолин, шутливо толкнув его локтем. — Он любит высмеивать жизнь в стиле органик и леггинсы *Lululemon*, но это никак не мешает ему целовать этот стиль ночью.

Я заметила узнаваемый логотип на ее леггинсах. Ах, что за безвкусица, Джолин, — обсуждать свою сексуальную жизнь в отделе номер пять!

— Раз уж мы платим в пять раз больше за надпись «органик», «травяной корм», «насыщенный антиоксидантами», я не понимаю, почему бы не делать тоже самое с леггинсами! Твоя попка чудесно в них смотрится, детка.

Я почти купилась, пока не услышала последнюю фразу. Я бросила взгляд в сторону. Мерси, прыгающая у его ног, капризно объявила, что хочет есть. Наше внимание переключилось на нее, счастливое семейство попрощалось со мной и покинуло отдел хлопьев. Конечно, перед этим они пригласили меня на ужин. Я ответила, что мне нужно свериться дома с ежедневником, и я обязательно перезвоню. Джолин сказала, что их домашний телефон не работает, и, к моему огромному счастью, Дариус попросил мой номер и отправил мне сообщение, чтобы я могла ответить.

Внутри у меня все переворачивалось, и я не могла ни на чем сосредоточиться. Он спросил мой номер... *Дзынь-дзынь...* Мой... *Дзынь-дзынь...* Рядом с ним стояла красотка Джолин, а он увидел меня — разглядел меня... *Дзынь-дзынь...*

Я решила добавить больше полезной еды в тележку, а потом вдруг решила заглянуть в отдел косметики и ухода, и выбрала три маски для лица и веганский блеск для губ. Я и забыла, как ухаживать за собой. Так бывает, когда тебе грустно. И вот появляется тот самый человек, который видит тебя насквозь, и возвращает тебя к жизни.

Дома я тихонько напевала «Сегодня в воздухе» Филя Коллинза. Я решила заказать беговую дорожку и пару леггинсов *Lululemon*. Вечером я отправила Дариусу сообщение, поблагодарив за его доброту, и попросила номер телефона Джолин. Он сразу же ответил, сообщив, что ужин состоится в пятницу в полшестого.

Дариус: *Ужин будет ранний из-за Мерси. Надеюсь, ты не против.*

Я: *Нет проблем. Мне захватить что —нибудь с собой?*

Дариус: *Вино, если хочешь.*

Смотрите-ка, вино! Я совершенно ничего в нем не смыслила, лишь раз попробовала мускат, и мне понравилось. Я с радостью подумала о выборе вина, наряда, и у меня наконец-то появились планы на вечер пятницы. Моя жизнь наконец-то изменилась!

## Глава 11. Мясной рулет

Дариус приготовил мясной рулет. Как только он вытащил блюдо из духовки, Джолин

скорчила рожицу.

— Ты издеваешься? Я все еще не могу оправиться от мясного рулета моего детства! — воскликнула она.

Буквально с первым кусочком я закатила глаза в экстазе. Идеальные пропорции всех ингредиентов! На меня нахлынули воспоминания о доме в Англии, где я провела детство до переезда в Штаты, о мясном рулете мамы и сердитой физиономии отца.

— По вкусу точно, как мамин! — заметила я вслух, и Дариус просиял. Мужчинам жизненно важна поддержка, и сейчас ее оказала именно я, в то время как Джолин все испортила. Она вечно его критикует, будто он недостаточно хорош. Но с мясным рулетом он превзошел себя.

— Я готовил по рецепту своей матери.

Он погрузился в рассказ о своем детстве, его мать была воплощением Марии из фильма «Звуки музыки». С таким детством неудивительно, что он стал замечательным мужчиной. Джолин закатила глаза, воюя со своим куском рулета.

— Ну боже мой! Не верь ни одному его слову. Душу его матери прикончил шовинизм отца.

Дариус и бровью не повел. Его смешило, когда она набрасывалась на его семью. Чуть раньше она обозвала его сестру, а Дариус просто улыбнулся и хлопнул ее по попке, в то время как я размышляла о том, когда же доставят мои леггинсы *Lululemon*. Мерси съела целую тарелку мясного рулета, смотря на отца с восхищением.

Я протянула им бутылку муската, едва переступив порог, но Дариус наполнил только мой бокал и стал искать красное вино для них с Джолин. Любители красного вина, ага — я сделала узелок на память. Мне тоже захотелось попробовать красное, и Дариус налил мне немного в один из бокалов без ножек. Я сделала глоток, издав звук. Дариус подумал, что мне понравилось, и налил еще вина. На самом деле, к моему горлу подступила рвота, вино на вкус было как духи.

— Фиг, у тебя тут есть какие-нибудь родственники? — спросила Джолин.

Я заметила, что она задает много вопросов. Не успею я ответить на один, как за ним тут же следует другой. Разве не Дариус у нас психотерапевт?

— Нет. Моя мать в Чикаго, а отец... Кто его знает. Они развелись, когда я была еще маленькой. У меня есть сестра, но мы разговариваем, только если ей что-то от меня нужно.

Джолин понимающе кивнула.

Дариус поставил блюдо с тортом Джолин прямо передо мной.

— Мне маленький кусочек, — сказала я. — Стараюсь следить за весом.

Он отрезал мне огромный кусок, и я принялась за дело. И зачем только ей притворяться, что не умеет печь. Как те худосочные девушки, которые называют себя жирными.

Когда я съела добрую половину своей гигантской порции, ко мне на колени забралась Мерси, и мне захотелось расплакаться от счастья.

— Обычно ей требуется какое-то время, чтобы привыкнуть к новому человеку, но как привыкнет... — заметила Джолин. Она подмигнула Мерси, и малышка звонко рассмеялась. Мне это совсем не понравилось — вроде как она украла мой шанс.

Мне хотелось ей сказать, что нам с Мерси нет нужды привыкать друг к другу. Мы знакомы уже так давно, может, больше, чем одну жизнь. Ведь бывает же так, что раз за разом нам даруют одну и ту же душу? В таком случае, почему же Мерси досталась Джолин? *Возможно, мы были как-то связаны...* Интересная мысль. Я внезапно почувствовала себя

ближе к Мерси и крепко-крепко обняла ее.

— Я родилась в Англии. Отец поехал туда по работе, там и познакомился с матерью. Когда мне было семь, они решили переехать в Штаты.

— Так вот в чем дело! Иногда ты выдаешь очень британские штучки.

Я улыбнулась. Хорошо, что она заметила. Людей, внимательных к деталям, язык не поворачивается назвать сволочью. Они тебя *насквозь видят*. В наше время такая редкость — обратить внимание на что-то, кроме себя.

— У моей матери сильный британский акцент. Наверно, я от нее подцепила что-то в произношении.

Дариус любопытствовал, что мне нравится больше — чай или кофе. Вообще-то, я и правда предпочитаю чай. Он принес молока и кубики сахара. Надо же, он знает, как британцы пьют чай!

— Как тебе райончик? — спросил он.

— Очень нравится! Более оживленный, чем мое прошлое место жительства.

— Оживленнее... — повторил Дариус. — Да, пожалуй, так и есть.

Мы рассмеялись.

— А твой... Как его там? Или мне не следовало об этом упоминать? — быстро спросил он, увидев мое выражение лица. Я быстро убрала все эмоции, ибо незачем доставать их подробностями моего развалившегося брака.

— Ничего страшного. Я в порядке, просто пытаюсь снова быть счастливой. — Дариус кивнул, будто все понимал.

— То есть ты просто продала старый и купила этот дом? Для смены обстановки? Нового начала?

— Да, так оно и есть. Брось что-нибудь в стену, авось что-нибудь пристанет.

Я почувствовала странный вкус во рту. Не нравились мне разговоры об этой чепухе.

Вдруг Джолин положила свою ладонь на мою и слегка сжала мою руку. К моим глазам подкатывали слезы, и пришлось наклонить голову немного назад, чтобы слезы не потекли по щекам. Как давно никто не проявлял ко мне столько участия! Только мать иногда присылает мне букеты подсолнухов, когда думает, что я грущу. На открытке обычно написана нелепица вроде *«Завтра снова взойдет солнце»*. Когда я потеряла ребенка, она написала *«Фиг, плод был таким маленьким, что его и ребенком не назовешь. Выше нос, у тебя все еще будет»*.

— Я сейчас расплачусь, — сказала я, вытирая слезы. — Сейчас все кончено — по крайней мере, я так *думаю*. И рада.

— Я уверена! Хотя это и избитая фраза, но намного лучше жить без людей, которые тянут тебя вниз, не поддерживают. Тебе потребуется время, чтобы прийти в себя, но все обязательно будет хорошо.

Я согласно кивнула. Неудивительно, что Дариус любит Джолин — они разговаривают на одном языке.

— Давайте сменим тему! — объявила Джолин, махнув рукой в воздухе. Мне показалось, что она была немного подшофе. — Дариус, у тебя это отлично получается.

Дариус стал рассказывать о том, как поймал секретаршу за подслушиванием его сеансов с клиентами. Через пару минут мы беззаботно смеялись, а на сердце у меня больше не было тяжелого груза. Все это время мне так не хватало настоящих друзей!

Мерси покончила со своим кусочком пирога и спрыгнула с моих коленей на пол, объявив, что сегодня я буду читать ей сказки на ночь.

— Три книжки! — сказала она, показывая нам пять пальцев. Джолин поправила ее, убрав два пальца.

— Мерси, мисс Фиг, наверно, нужно домой!

— Без проблем, я с огромным удовольствием почитаю тебе наночь.

— Смотри-ка, Мерси, это же наша заклинательница детей Фиг сказала, что согласна! Ну просто праздник какой-то! — пошутил Дариус.

— Вперед, Мерси! — я пыталась скрыть свой бешеный восторг. — Выбирай три книжки! Но только не большие.

— Очень, очень большие! — Мерси тянула меня за руку в направлении спальни.

Я услышала, как Джолин сказала Дариусу, что примет душ. Они засмеялись, как обычно делают парочки, разговаривающие о сексе. Я мельком увидела, как они удалились в спальню.

Когда я прочитала все три книжки, Мерси закрыла глаза и тут же уснула. Я поцеловала маленький лоб, умиляясь ее идеальным ресницам.

Дариус сидел в гостиной, положив ноги на пуфик. Он читал книгу Стивена Кинга, которая по размеру была, как все книги у меня в доме, вместе взятые. Джолин я поблизости не наблюдала.

— Ничего себе книжечка! — заметила я.

Я неуклюже стояла в дверях, не зная, что делать дальше. Я знала, что пришло время отправляться восвояси, но от мысли о темном доме и одинокой постели мне стало грустно.

— Фиг, я провожу тебя домой! — сказал он. — У Джолин болит голова, она приняла душ и прилегла, но велела попрощаться с тобой.

Я судорожно кивнула, предвкушая этот коротенький момент, когда он будет лишь в моем распоряжении.

Мы вышли из дома, и у меня внутри все сжалось. Мне было так хорошо, а ведь далеко не все мужчины такие неравнодушные.

— Если тебе нужно поговорить, я в твоём распоряжении. Я себе этим зарабатываю на жизнь, — заметил он.

— Со мной все нормально. Я выжила и все такое, — я напела бессмертный хит Бейонсе (*прим. пер. — имеется в виду песня Destiny's Child — Survivor*) и мы оба рассмеялись. — Кроме того, у меня настолько все плохо, что любой психотерапевт загнется.

— Я раньше так думал про себя. Когда живешь в своей голове постоянно, многое искажается. Нужно озвучивать свои мысли, чтобы знать, что не только у тебя одного проблемы. Очень важно это знать.

— Наверно, — мой голос звучал уклончиво.

Он кивнул, будто понял, о чем я. Нужно время. Я прямо слышала, как он говорит это своим пациентам.

— Как зовут твоего мужа?

— Фу, он мне больше не муж.

— Ладно, твоего бывшего... Фред?

— Джордж.

— Уизли?

— Что? — спросила я в замешательстве.

— Ой, прости, ты не фанатка «Гарри Поттера». Ты только что растеряла все свои очки по шкале крутости.

— Я запуталась! Ты вообще о чем?

Дариус вздохнул.

— Джордж... Развод.

— Ааа! Ну, развод — это тяжело. Не знаю, что еще сказать. Мне хотелось развода, потом нет, потом снова да. Он думает, что я монстр.

— С бывшими всегда сложно, — согласился он. — Моя бывшая по-прежнему живет в этом районе. Мы сталкиваемся иногда, когда едем ужинать куда-то. «Неудобно» — недостаточно сильное слово, чтобы описать эту ситуацию.

Я оживилась.

— Все тяжело закончилось? — спросила я, посматривая на него сбоку.

— Да, что-то вроде того. Мы были помолвлены, а я отменил свадьбу, потому что выбрал Джолин.

— Твоя бывшая знакома с Джолин?

— Они были подругами.

Мы подошли к двери моего дома. Мне хотелось узнать больше.

— Спасибо за приглашение! Мясной рулет был просто потрясающий.

Он улыбнулся и уже повернул обратно.

— Фиг, ты когда-нибудь слышала песню «Попробуй снова» Миранды Додсон?

Я отрицательно покачала головой.

— Послушай!

Я наблюдала, как он идет к дороге и поворачивает к дому. Дома я сразу нашла песню на Spotify (*прим. пер.* — *Spotify* — комплекс из онлайн-сервиса и десктопного клиента, предназначенный для прослушивания музыкальных композиций как из облаков, так и хранящихся на вашем компьютере) и поставила ее на повтор, пока пила чай, чистила зубы и залезла под одеяло. Я так и заснула с песней, которую посоветовал послушать Дариус. Самый чудесный подарок.

## Глава 12. Чувак

Барбра Стрейзанд — мой кумир. «Я наконец его нашла» — самая величайшая песня на свете. Молодежь слушает всякую чушь по радио, голоса поп-звезд — шлюх, так и льются. Зачем вся эта мишура в музыке, когда все, что нужно — это честность. Такая, как у Барбры в песнях «Виновата», «Память». Я плакала горькими слезами над «Памятью».

Дариусу она тоже нравилась, как и Джефф Бриджес, которого он называл любовью своей жизни. Джолин, услышав это, всегда корчила рожицу. Она частенько корчила рожицы, и все они были направлены в адрес Дариуса. Со мной она полностью менялась, вся из себя заботливая и внимательная. Она снисходительно относилась к Дариусу с его Бриджесом, будто они существовали в комплекте.

— Не мог кого получше найти? Он меня пугает, — заявляла она, — а ведь нам обоим мог бы нравиться какой-нибудь Брэдли Купер.

Она ненавидела все популярное. Брэдли Купер был не более чем шуткой. Ее раздражал юмор — а это сразу отметало «В субботу вечером» (*прим. пер.* — *Saturday Night Live* комедийное шоу на канале NBC, выходит с 1975). Каким же монстром надо быть, чтобы ненавидеть *Saturday Night Live*? Она терпеть не могла столько всего — Бейонсе, пиццу, бейсбол, Алисию Сильверстоун в «Бестолковых», Бананограмму (*прим. пер.* *Bananagrams* — игра, в которой игроки соревнуются на скорость, похожая на Скрэббл) — мою любимую игру! Дариус и я были ее противниками в спорах, рассказывали ей о преимуществах

бейсбола, высмеивали отсутствие у нее чувства юмора. Джолин оставалась невозмутима. Интересно, какого это — наплевать на то, что о тебе думают другие.

Дариусу нравился тот чувак, и этим он нравился мне. Я не была такой сукой, как Джолин, он скоро это увидит.

— Оставь его в покое. Смирись с тем, что ему нравится, — обычно говорила я. Уголки ее рта приподнимались, превращаясь в скоромную улыбку, как будто она хранит какой-то секрет.

Меня беспокоило, что она не давала ему покоя. Она и понятия не имела, как ей повезло с ним, да и в жизни вообще. Живи я ее жизнью, я бы многое изменила, начиная с Дариуса. Относилась бы к нему, как следует относиться к мужчине, проявляла интерес к его увлечениям, к нему самому. Я представляла, как она делает ему минет, останавливается и выдает:

— Он всегда так выглядел? Не уверена, что он мне все еще нравится... Давай оба переключимся на что-нибудь другое.

Эгоистична сука.

Людам, подобным Джолин, следует быть в отношениях лишь с самими собой. Какую модель отношений она показывала Мерси? Что его мясной рулет недостаточно хорош? Что его кумиры отталкивающие? Это ведь неправильно! Они друг другу не подходят. Помимо того, что она презирала его интересы, она еще вечно сидела, уткнувшись в телефон. Порой ему приходилось повторять дважды или трижды, чтобы она отвлеклась от телефона и недоуменно посмотрела на него. Зуб даю, у нее был кто-то другой. Нельзя просто так отдалиться от своего мужчины.

Я отправляла ему сообщения каждый день, просто чтобы узнать, как у него дела. Кто-то же должен! Ему было так же одиноко, как и мне. Мы обменивались шутками и мемами, помогали друг другу в особенно тяжелые дни. Я всегда с нетерпением ждала следующего сообщения, которое было только для меня. Я заменяла Джолин там, где она давала слабину, напоминала ему, что он потрясающий отец и муж, спрашивала, как прошел его день. Мне хотелось это делать. Вскоре у нас сложился дух товарищества. Он писал первый, я отвечала, и мы общались весь день. Интересно, рассказывал ли он ей о том, как часто мы переписываемся, или это было лишь между нами. Тайна недолюбовников. Думал ли он обо мне, когда был с ней? Я не чувствовала вины, потому что точно знала, что и она с кем-то переписывается.

Я купила три билета на Джеффа Бриджеса на день рождения Дариуса, аж за шесть сотен долларов. Я упомянула билеты как бы между прочим во время разговора с Джолин.

— Настоящий концерт, где Джефф Бриджес поет? Такое вообще бывает? — спросила она скептически.

— Конечно, бывает, дурочка. Что еще, по-твоему, бывает на концертах?

Она достала спрей для нержавеющей стали и стала чистить посудомоечную машину.

— Черт, звучит как самый ужасный вечер в моей жизни, но что поделаешь. Ты уже купила билеты? — рассмеялась она.

— Еще нет, — солгала я. — Я не хотела покупать билеты, если ты против.

— Чего не сделаешь ради любви.

Она тщательно натирала посудомойку. Я закатила глаза, пока она не смотрела в мою сторону.

— Очень мило с твоей стороны, Фиг. Он будет так рад!

Так и вышло. Благодаря Джеффу Бриджесу у него случился эмоциональный стояк. Конечно, я надеялась на настоящий. *Фиг*, — сказал бы он, — *ты так добра ко мне. Уверен, что ты не менее хороша в постели.* Во мне проснулось сильное чувство вины. Джолин была неплохим человеком и моей подругой. Она всегда меня поддерживала, а я была просто отвратительна. Я фантазировала обо всем, что было у нее, но останавливалась. Не было ее вины в том, что она все заперола, но чего только не случается.

Дариус был счастлив, когда я подарила ему билеты. Нет, он не прыгал до потолка, но его глаза засияли, а голос стал на октаву выше, когда он благодарил меня. Я расцвела.

— Как насчет ужина? Пойдем, куда только пожелаешь.

— Чувак, — сказал он подчеркнуто грубо. Мне была настолько приятна его реакция, я была довольна собой. Подарок дорого обошелся, но разве есть цена у любви?

Этот мужчина — мое будущее. Я его любила. Он был всем, о чем я когда-либо мечтала, даже когда была молодой и глупой. Вместо него я согласилась на Джорджа. Скучного, монотонного, тихого... Джорджа. Он ждал меня, пусть еще и понятия не имел об этом. Дариус и я были вырезаны из одного дерева. Я видела по его глазам, что он начинает это понимать. Они сияли, когда в комнату заходила Джолин, а теперь он был очевидно скептически настроен и скучал. Я бы тоже заскучала с ней. Меня утомляло ее отрицание всего. Дариус никогда не заскучает со мной, уж я об этом позабочусь. Мы принадлежим друг другу. Дело лишь во времени.

### Глава 13. Псевдоним

По крайней мере пару раз в неделю я подумываю о самоубийстве. Разумеется, не драматизирую, ну, может, лишь чуть-чуть. Не зря же я танцевала большую часть своего подросткового возраста! Что-то в этом есть — представлять, как все закончится, ведь вся жизнь в твоих руках. Даже если у тебя кишка тонка довести все до ума, все возможно, если есть желание. Не знаю, что меня больше повергало в депрессию — то, что могло бы быть, или что должно быть. Я скучала по самой *идее* брака, когда ты молод и эмоционально непорочен. Когда мечтаешь о том, как сложится жизнь, ты точно не представляешь мужа-неряху с потными подмышками. Или то, как внезапно пусто в собственных руках, в то время как другие обнимают своих деток. Мне было тридцать, и шансы на удачное оплодотворение яйцеклетки стремительно уменьшались, в отличие от бедер. Они точно не уменьшались. Я оплакивала свой неудавшийся брак с эмоционально мертвым мужчиной. Брак превратился в гору посуды и капли мочи на туалетном сидении.

С головой, набитой всей этой социальной, эмоциональной, яйцеклеточной ерундой, я приехала в Эдмондс, где вьются змеями железнодорожные пути. Я решила, что самый лучший способ — прыгнуть под приближающийся поезд. Мне всегда нравились поезда, нравились жутковатые гудки, которые они издавали, проносясь мимо. Каждый день в течение одной недели я ездила к железнодорожной станции и смотрела, как проезжают мимо поезда, с высоты утеса — весь Вашингтон расстилался передо мной. Идеальное место для смерти — Каскадные горы виднеются вдаль, внизу течет синяя-синяя река. Моим последним зрелищем в этой жизни будет Вашингтон во всем его великолелии.

И вот, наконец *решившись*, я столкнулась в супермаркете с девушкой, когда-то работавшей с Джорджем. Я видела ее лишь однажды на рождественском корпоративе. Она вдрызг напилась и поведала мне, что две недели назад у нее случился выкидыш. Уже восьмой, и она была готова поднять белый флаг. Я подумала тогда, что эта фраза в разговоре о планировании ребенка звучала странно, будто что-то в бизнесе пошло не так. *Поднять*

*белый флаг.*

Она заметила меня в отделе чипсов, и подошла поздороваться, держа по ребенку в каждой руке. Сначала я не узнала ее, она поправилась и коротко подстриглась — теперь ее волосы едва доходили до подбородка.

Я затаила дыхание, пока слушала ее рассказ. Две попытки ЭКО, и вот они, долгожданные дети. *Близнецы!* Я мысленно распрощалась со своим замыслом и решила быть более позитивной и *верить*, как сказала она, в будущее.

Я рассказала эту историю Джолин за чаем. Мерси сидела рядом и играла с мерными ложками и миской, наполненной водой. Чай Джолин уже остыл, пока она держала чашку в руках и слушала меня, нахмутив брови. Когда я закончила, она поставила чашку на стол и взяла меня за руки.

— И думать забудь об этом. Когда тебе одиноко, говори со мной. Слышишь, Фиг? Жизнь огромна, нельзя позволять кому-то другому ее разрушить!

Я поняла, что под *кем-то* другим она имела в виду Джорджа. Она не понимала, что и она рушит мою жизнь.

Я проглотила ком в горле и кивнула, смахивая слезу. Не так уж она и плоха. А уж когда она держала меня за руки, я верила всему, что она говорила. Разумеется, она не жаждала моей смерти, она же не знала, что я — угроза ее идеальной жизни. Ну, или *внешне* идеальной, по крайней мере.

— Я стараюсь. Я просто помешалась на поездах, и этому должен прийти конец!

— Поезд! — произнесла Мерси. — Поезд ту-ту!

— Правильно! Самая умная девочка на свете! — просияла я. Ее ротик расплылся в улыбке, и, клянусь, я никогда никого не любила так, как эту маленькую девочку. А скоро *мою девочку*.

— Ты можешь круто изменить свою жизнь, — сказала Джолин.

Меня тронуло, насколько искренней она была. Я уехала из маленького городка в поисках больших перемен, но потом... случилась жизнь. Мне хотелось сделать что-то важное, чтобы меня запомнили. А сейчас уж не знаю, с чего и начать.

— А ты? Какие у тебя планы на жизнь?

Она прислонилась к спинке стула и стала внимательно рассматривать мое лицо. Мне стало неловко. Она могла задать вопрос и сделать вид, что твоя реакция на него расскажет ей что-то новое о тебе.

— Кроме материнства?

— Да, кроме него.

— Разве есть еще что-то стоящее в этой жизни? — спросила она, а уголки ее губ чуть приподнялись.

— Многие думают, что нет, — ответила я с полуусмешкой.

— А что думаешь ты? — она положила руки на колени. Она так и сверлила меня взглядом, этими двумя карими глазами-оружиями.

— Признаться честно, не понимаю тех, кто не хочет детей. С ними определенно, что-то не так.

Она пристально на меня смотрела, по-прежнему с той смиренной улыбкой.

— Мерси — это не все, чем я занимаюсь. Есть вещи, которых ты обо мне еще не знаешь... — ее голос становился все тише и тише.

Я бросила взгляд на Мерси, которая была явно слишком мала, чтобы слышать этот тон в

голосе своей матери. Она пила водичку из мерных чашек и тихонько что-то напевала. Я порывалась сказать ей не пить воду, в которую она только что опускала свои пальчики, но промолчала. Иногда нужно позволить детям быть просто детьми.

— Что ты имеешь в виду?

— Мелочи, Фиг. У всех есть что-то подобное.

— Да брось ты! Мы же подруги! — я изобразила обиду на лице, но, думаю, мне не удалось скрыть свой энтузиазм, — Я же рассказала тебе о своем помешательстве на поездах...

Вина, вина всегда работает! Я тебе что-то дала, а теперь дай что-то и мне.

— У меня есть хобби.

Я сразу вспомнила о маленькой синей бусине, которую я нашла в ее посылке. Маленький ювелирный бизнес на Etsy! Приду домой и сразу что-нибудь себе закажу — и буду носить, чтобы она видела. Мне нравилось поддерживать маленькие компании, особенно созданные друзьями.

— Хобби? Какое хобби?

Она уже явно думала, что сказанула лишнего. Джолин плотно сжала губы и нахмурилась, опустив взгляд на кружку. Я заметила, что лак у нее на ногтях был яркого конфетно-розового цвета.

— Я пишу, — наконец призналась она. Она бросила неловкий взгляд в мою сторону. Я видела, как она напряглась.

— А-а-а, — разочарованно протянула я. Я-то уже предвкушала новые бусы! — Ты уже опубликовала что-нибудь?

— Да, пару вещей, — она искала что-то в шкафчике под раковиной. Наверно, свое средство для нержавеющей стали.

— Я пишу книги под псевдонимом, так что никто не знает, кто я.

Я открыла рот от изумления, затем глотнула немного холодного чая. Я попыталась представить ее писательницей, но видела лишь длинные черные волосы и татуировки. Она бы больше сошла за барменшу.

— А какой у тебя...

— Даже не спрашивай, — оборвала она мой вопрос. — Я уже и так готова от стыда под землю провалиться.

— Хорошо... — спокойно пробормотала я. — А я могла читать какие-то твои книги?

— Может быть...

Я представила свой книжный шкаф и не распакованные книги. Я определенно провожу здесь слишком много времени.

— О чем ты пишешь?

— Не знаю... Проблемы, жизнь... Женщины, которые через все проходят.

— Это мне мало о чем говорит, — сказала я, нахмурившись.

— Я пытаюсь много не болтать.

— А-а-а... — вдруг я почувствовала сильную обиду. Я-то думала, что мы подруги. Я так усердно работала над связью между нами, старалась быть человеком, которому можно излить душу. Она же мне совсем не помогала. Я пыталась хорошо к ней относиться, а у нее были от меня секреты. Обида превратилась в ярость, и я встала со своего места. Я не позволю ей ко мне так относиться.

— Я пойду, — сказала я. — Я оставила жаркое в духовке.

Я не могла смотреть ей в глаза. Что за обманщица!

— Фиг...

Я поцеловала Мерси в макушку и пообещала, что мы скоро увидимся, и направилась напрямиком к двери, пройдя мимо Дариуса. Я не слышала, как он вошел.

— Привет, Фиг! — сказал он, когда я пронеслась мимо него.

Я бросила быстрое «Привет» и почти бегом добралась до дома. Он пришлет мне сообщение и спросит, что случилось. Я буду оттягивать как можно дольше — люблю, когда меня умоляют.

Зайдя в дом, я включила плейлист *Зрительница-блондинка*, который я создала совсем недавно, на полную. Уверена, что музыка была слышна и в доме Эйвери. Я стала распаковывать книги, раскладывая их на полках по цвету, как я увидела на *Pinterest*. Я изучала фотографии авторов на обложке каждой книги, но Джолин не было ни на одной. *Вот так сюрприз...* Писательница. Как она посмела мне не рассказать? Вечно женщины что-то подобное проворачивают. Демонстрация силы, контроль... Они постепенно выстраивали достижения, а потом выставляли их напоказ, когда тебе и без того несладко.

Я задумалась и поняла, что она обладает какой-то аурой творческой натуры. Татуировки, драматично длинные черные волосы, дизайн ее дома. Я обвела взглядом свою гостиную — что-то не распаковано, что-то еще в коробках. Большинство из вещей мне отдала мать. Мне нравилось думать, что мой стиль можно было описать как современный со средневековым влиянием. Я ничем не хуже Джолин. Я еще покажу ей, кто здесь хозяин!

Я включила ноутбук и зашла на *Pinterest*. Я не пользовалась своим аккаунтом с тех пор как зарегистрировалась, еще когда мы с Джорджем переехали в Вашингтон. Конечно, я сразу нашла Джолин Эйвери, ее аккаунт не был приватным. Я стала рассматривать ее папки — Рецепты, День Рождения, Свадьба, Дом. Я кликнула на последнюю и решила дать волю своему вдохновению.

## Глава 14. Поезда

На следующее утро после того как я выбежала из дома Эйвери и заказала дизайн целой гостиной, я нашла посылку на пороге. Я отнесла ее на кухню, аккуратно развернула коричневую бумагу, стараясь не порвать ее. Внутри была книга. Я не заказывала никаких книг, на коробке не было адреса и штампа. Тогда до меня наконец дошло — ее положила Джолин. И книга была ее. Видимо, она чувствовала себя виноватой после вчерашнего, и посылка была предназначена для задабривания. Книга называлась «*Зимний домик*», автором значилась Пейдж ДеГама. Фото автора я не увидела, только маленькую биографию.

Пейдж ДеГама — выпускница Университета Майами.

Обожает книги и кофе. Автор таких произведений, как «*Закусочная*», «*Другая женщина*», «*Всегда*», и «*Живой любовник*».

Живет в г. Сиэтл с дочерью и мужем.

Мне нужно было присесть. Как можно скрывать подобное? Это ведь совсем другая жизнь, существование на бумаге. Ей хотелось обозначить личные границы? Или была какая-то другая причина, по которой Джолин Эйвери не хотела признаваться в авторстве собственных книг? Я стала рассматривать обложку. На ней был простенький бревенчатый домик, утопающий в снегу. Ничего из серии «для взрослых», вроде полуобнаженных целующихся пар. Я открыла свой ноутбук и забила в поиск имя — Пейдж ДеГама. На меня обрушились сотни статей — интервью с газетами и журналами, сайты, посвященные обсуждению ее книг, была даже страница, созданная поклонниками, где они рассуждали о

том, насколько она сексуальна, как она может выглядеть, где работает ее муж, и что бы они сказали, встретиться с ней лицом к лицу. Одна девушка опубликовала фото своей новой татуировки — строчки из «Зимнего домика». Под ней были сотни комментариев, люди выкладывали фото своих тату, и все они были с цитатами из книг Пейдж. Они были абсолютно на ней помешаны.

Что за человеком нужно быть, чтобы создать это сектантское помешательство? Я попыталась соотнести образ моей соседки с этой... персоной, этой Пейдж ДеГама. Мне стало смешно, что люди настолько симпатизировали человеку, которого абсолютно не знали. Я закрыла свой *MacBook* и решила прилечь на диване. Моя голова будто раскалывалась на части от боли. Когда я проснулась, ее книга по-прежнему лежала у меня на груди. Я сказала себе, что просмотрю пару страниц, чтобы почувствовать ее стиль, но вот я уже на шестой главе и совершенно не могу отложить книгу в сторону. В колледже я брала дополнительный курс по литературе. Мой профессор, бывшая монашка, часто говорила о том, что у слов есть ритм и такт. Я была восхищена тем, какие слова использует Джолин. Короткие, обрывистые предложения сливались в ритм, который был так естественен, что стоило лишь продолжать читать, чтобы его не нарушить. Дочитав до седьмой главы, я захлопнула книгу. Меня бесило, насколько хорошо она пишет. Я подошла к холодильнику, как и всегда, когда мне было грустно. Настоящая терапия в разноцветных упаковках, в ингредиентах, которые потом отложатся на бедрах. Ничего не шло по-моему. Я решила почитать в другом месте. Невозможно было сосредоточиться, когда Джолин была по соседству. Она будто стояла позади меня и спрашивала о моем мнении.

Я поехала в Мукилтео, в маленький парк рядом с пляжем. Я села рядом с деревом и достала книгу. Вскоре послышался звук приближающегося грузового поезда. Я сфотографировала его и выложила фото в Инстаграм. Спустя пару минут я получила сообщение от Джолин.

*Где ты? С тобой все в порядке?*

Я задумалась, почему она спрашивает, а потом мне стало понятно — поезд и моя история. Она думала, что у меня суицидальные наклонности.

*Я в порядке. Почему спрашиваешь?*

Я видела, что она печатает ответ, но сообщение так и не пришло. Что бы она ответила? Я увидела твою фотографию поезда и просто хочу убедиться, что ты не стоишь поблизости?

*Поезд, — наконец ответила она.*

*Со мной все нормально. Просто грустно.*

Я положила телефон на песок, прочитала еще пару страниц, и снова посмотрела на экран. От нее пришло два сообщения.

*Ты где?*

*А потом...*

*Я сажусь в машину...*

Я представила, как она хватается за ключи от машины, быстро объясняет все Дариусу, который, наверно, готовит ужин, и запрыгивает в машину. Но зачем? Спасти меня? Неужели она думает, что успеет приехать до того, как я решу прыгнуть под поезд? Может, она собирается уговорить меня, используя стандартные фразы, вроде *твоя жизнь имеет смысл?* *Как ни прискорбно, Джолин, у моей жизни есть смысл. Это Мерси.*

Я отправила ей ответ через десять минут, когда знала, что сейчас она точно в пути.

*Я уже уехала. Я жива. Спасибо за заботу.*

Я выключила телефон, чтобы не видеть больше сообщений от нее. Хватит и того, что я читала ее книгу. Меня выматывало читать о таком эгоцентричном персонаже, как Нина. Она была пропитана ненавистью к самой себе. Думаю, в ней есть много от самой Джолин. Интересно, что Дариус думает об этой книге. А вдруг не прочитал? Хотя, если бы он ознакомился с книгой, то поместил бы ее в психушку.

Я была совсем не в настроении, когда закончила главу, где Нина подожгла собственную кожу зажигалкой. Да что творится с этой женщиной? Я положила книгу с глаз долой под пассажирское кресло.

Через сорок минут я подъезжала к дому и увидела Джолин на крыльце с озабоченным видом.

— Ты в порядке? — спросила она. — Я так волновалась!

— Почему? Мне нужно было немного времени подумать. Мне нравится сидеть у воды, помогает мне прийти в себя.

— Я увидела поезд и подумала...

— Ты ошиблась, — возразила я. Я решила не говорить ей, что читала ее книгу, а просто прошла мимо, демонстративно игнорируя ее.

## Глава 15. Безвкусица

Моя сестра застала своего горе-мужа за отправкой фото своего члена коллеге по работе. Рыдая, она позвонила, когда я была у Джолин, и мне пришлось выйти на крыльцо, чтобы поговорить с ней.

— Приезжай! — сразу сказала я, — покупай билеты и вперед. Тебе нужно несколько дней, чтобы прийти в себя. К тому же, не нужно тебе быть один на один с этим сексуальным маньяком.

— Хорошо, — наконец согласилась она. — Буду покупать билеты.

Я осталась с ней на телефоне, пока она их не купила, и зашла снова внутрь дома.

— Ненавижу мужчин! — заявила Джолин. Я заметила, как Дариус удивленно поднял брови, и мне захотелось рассмеяться. — Приводи ее в гости, чтобы мы с ней познакомились. Если она не против, конечно. У нее сейчас непростые времена. Может, мы сможем немножко ее развеселить.

Я согласно кивнула.

— Она не будет против. Она никогда раньше не была здесь.

— Как она его застукала? — спросил Дариус. Он пытался приготовить картофельное пюре для Джолин и устроил целый спектакль из попытки воспользоваться кухонным комбайном. Она оттолкнула его бедром, а он шутливо шлепнул ее по попке. Я смеялась, наблюдая за ними. Они всегда отлично притворяются.

— Разве не всегда виной всему телефоны?

Дариус кивнул.

— Современные технологии — смерть мужа-изменника.

— Так и есть! — заметила я. — Я знаю свою сестру, она к нему вернется. Поэтому я не могу много разглагольствовать, иначе мне крышка. Он подлец, конечно.

Мы переместились в гостиную, и Дариус зажег огонь в камине. Я заметила, что Джолин поставила на камин металлическую копию *Спейс-Нидл* (прим. пер. — *Space Needle* — самая узнаваемая достопримечательность на северо-западе тихоокеанского побережья США и символ города Сиэтл).

— Где ты купила эту фигурку? — спросила я.

— Кстати говоря, в самой Спейс-Нидл. Ты тоже хочешь такую?

— Не совсем мой стиль, — бросила я. — Отдает безвкусицей.

Дариус подавился своим напитком. Я не хотела это говорить, просто иногда слова сами лезут наружу. Джордж говорил, что у меня нет фильтра.

Я подошла к камину и стала рассматривать фигурку. Хорошо, люби Сиэтл на здоровье, но поставить дешевую безделушку у себя в доме, чтобы это продемонстрировать... Попахивает отчаянием. Что ты пытаешься доказать? Гарантию даю, что люблю Сиэтл намного больше Джолин, но это не значит, что я набью себе татуировку, чтобы это доказать. Во мне вдруг проснулся соревновательный дух. Она приехала сюда немногим раньше, чем я, и это еще ни о чем не говорит. Она-то думала, что она больший хипстер, чем я, а это все дерьмо собачье.

— Обязательно отведу сестру на Спейс-Нидл. Ей понравится.

— Мы ужинали там, — заметил Дариус. — Ресторан возвращается.

Он сделал круговое движение пальцем и присвистнул. Вот ботан! Дариус и Джолин всегда что-то делали вместе.

— Как вы встретились? — спросила я Джолин, когда в разговоре наступила пауза. Она налила еще вина в свой бокал. *Говорит о многом.* Джолин бросила взгляд на Дариуса.

— Он встречался с моей знакомой. Мы начали отношения после их расставания, а с ней случайно столкнулись на концерте год спустя.

— То есть ты все еще дружишь с ней?

— Дани? Нет. Она разорвала отношения со мной, когда узнала о нас.

Дариус откашлялся, пока Джолин пила вино. Мне не хватало деталей. *Дани... Даниэль? Данника? Даниэлла?* Мне хотелось прийти домой и начать гуглить ее имя.

— Что ж, в итоге все сработало. Вы вместе, а это лучше любой дружбы, так ведь?

Дариус поднял свой бокал, чтобы выпить за это. Затем он наклонился вперед и сказал:

— Я бы ушел от нее к Джо еще лет на пять раньше, но мне потребовалось три бутылки пива для храбрости.

Джолин шутливо толкнула его.

— Ты называешь *смелостью* то, что ты паялился на меня всю ночь? — засмеялась она.

— Ты очень агрессивна, и я рисковал. Да и вообще, ты не слишком колебалась с ответом, когда я пригласил тебя пообедать.

— Конечно, это ведь просто обед! Это не свидание, просто разговор двух знакомых. В этом и был твой козырь. Пригласи ты меня на ужин, я бы отказала.

Дариус выглядел обиженным.

Я где-то читала, что женщины, несчастливые в браки, первым делом замечают мужчин в прямой близости от них — муж друга, личный тренер, коллега по работе. Когда их семейный корабль тонет, они ищут хорошие качества в других мужчинах, рассчитывая, что те лучше удовлетворят их потребности.

Когда начались проблемы с Джорджем, я заикливалась на курьере, мускулистом красавчике, который всегда разговаривал со мной о пустяках, пока я расписывалась за посылки. Я никогда не видела у него обручального кольца, и всегда мечтала, как он однажды пригласит меня на чашечку кофе. Мы бы встретились в *Tin Pin* и оба смеялись бы над тем, как развратно одеты официантки, смотря при этом друг на друга. Его звали Том, и я заметила, как он всегда уступал дорогу женщинам. Настоящий джентльмен! Когда мы разговаривали, он смотрел мне прямо в глаза, чего Джордж не делала годами. В один

прекрасный день мои посылки стала доставлять мужеподобного вида женщина средних лет по имени Ферн. За Томом последовал мужчина из тренажерного зала. Мы никогда не разговаривали, но я всегда чувствовала напряжение в зале, когда он наматывал шесть миль (примерно 10 км.) на беговой дорожке. Он запал на меня, а я на него. Я стала называть его *мой муж из тренажерки* про себя. Я представляла, как мы оба потянемся за антибактериальным гелем для рук и заведем разговор. Я уйду от Джорджа ради него. Будет непросто, но определенно стоит того.

— Фиг?

— Да? Что?

Они оба уставились на меня. *Моя вина*. Надо быть более внимательной.

— Ужин готов, — сказала Джолин.

Я последовала за ними на кухню.

## Глава 16. Теперь я такая

Тесса приехала с глазами, опухшими от слез, и обнадеживающей улыбкой. Мне было больно от осознания того, что он с ней сделал. И ради чего? Ради шлюхи, с которой они не пережили все невзгоды, как с Тессой? Где же верность? Где свадебные клятвы? Мы нашли эту шлюшку в интернете и стали обмениваться ее фотографиями и типичными фразами вроде:

*Как он мог? Она и близко не такая красавица, как ты!*

*Думаешь, ему стало со мной скучно?*

*Нет, он просто свинья. Он изменил, чтобы снова почувствовать себя мужчиной.*

Я презирала его, но осторожничала с высказываниями.

— Ты так похудела! — сказала она, как только мы сели в машину. — Выглядишь чудесно, Фигги.

Я хотела ей ответить тем же, но это выглядело больше напоминанием, чем комплиментом, поэтому я промолчала.

— Ты познакомишь меня со своими соседями, о которых постоянно мне рассказываешь?

— Конечно! Им тоже не терпится с тобой познакомиться! — я дотронулась до ее коленки. — Я хочу показать тебе мой город. Как насчет ужина в Спейс-Нидл?

Она согласно кивнула.

— С удовольствием!

Несмотря на наши планы повеселиться, Тесса провела большую часть последующих трех дней на телефоне с Майком, этим жирным обманщиком. В первую ночь она разбудила, наверно, половину моих соседей своими криками. Я выползла из кровати и посмотрела на часы. Три часа ночи. Она мерила шагами гостиную как безумная, сжимая бутылку водки в руке. Потом она еще два часа ревела у меня на коленях, причитая, как она его любит. Будущее было ясно, как день: она вернется к изменнику. Нет проклятья хуже, чем женское сердце. Она простит его, но будет напоминать ему об измене всю оставшуюся жизнь. Такова природа прощения — за него нужно платить.

— Я знаю, что ты чувствуешь к Джорджу, — сказала она тихо, когда я поглаживала ее голову. — Я проходила это с Майком — страх и отчаяние. Но уйти не так уж просто, поэтому не суди меня. Джордж хоть и не изменял, но ты знаешь, как тяжело уходить.

Я кивнула, прижала ее голову еще крепче, но внутри я была с ней не согласна. Джордж был моей тюрьмой с самого начала отношений. Я делала все, что могла, но искала выход. У

Тесса дорога к свободе чиста. Люди не будут слишком строго ее судить, ведь она ушла от изменяющего мужа. С Джорджем было все по-другому. Он был мертв изнутри, но никогда не совершал ошибок.

В ее последний день в Сиэтле я взяла с нее обещание, что мы пойдем на ужин в Спейс-Нидл. Наконец-то она убрала телефон и улыбалась. Тем утром Майк прислал двадцать четыре красных розы. Ее глаза больше не слезились, а во взгляде появилась решительность. Мы прогуливались по огромному сувенирному магазину, рассматривали толстовки, трясли снежные шары, смеялись, в общем, вели себя как типичные сестры. Тесса увидела, как я смотрю на металлическую копию Спейс-Нидл, которую я увидела в гостиной Джолин.

— Купи ее! Будет красиво смотреться в твоём новом красивом доме.

Я кусала губы, раздираемая сомнениями. Фигурка стояла дороговато, но я хотела ее купить.

— Не могу. На мой дом мне деньги еще пригодятся.

Я не успела и возразить, как она схватила ее с полки.

— Я хочу тебе ее купить! В качестве подарка за то, что приютила свою ужасную маленькую сестренку.

— Хорошо! — улыбнулась я. Я уже знала, куда ее поставлю.

Когда мы добрались до дома после ужина, я увидела штук десять коробок на крыльце.

— Я немного переборщила, — виновато сказала она.

— Ерунда! Ты поступила в стиле Тессы.

Мы рассмеялись и отнесли их внутрь. Я развернула свою маленькую копию Спейс-Нидл и поставила ее на каминную полку. Мы вместе распаковали мою новую гостиную на кухонном полу, передавая друг другу бутылочку просекко. Да, теперь я такая.

## Глава 17. Сигареты

Она сидела на заднем дворе, покуривая сигарету, положив локти на колени. Я не знала, что она курила, и никогда не чувствовала запах табака рядом с ней. Мерси не было видно рядом с ней — наверно, она уже спала. Я не знала, стоит ли мне дойти до входной двери и позвонить, но тогда она не услышит звонка, а разбудить Мерси мне не хотелось. Я решила войти через садовую калитку, которая была увита ветками ежевики. Шипы впились мне в руки, когда я попыталась нащупать щеколду. Джолин заметила меня, когда мне удалось совладать с щеколдой и я оказалась на ее заднем дворе, но не улыбнулась и никак не обозначила мое присутствие. По моей спине пробежал холодок.

— Джолин? — неуверенно подала я голос. — С тобой все в порядке?

Ответа не последовало. Я сделала еще пару шагов вперед. Теперь я могла различить тяжелый запах сигарет. У меня от них сразу начинала болеть голова.

— Джолин... — повторила я. Теперь я стояла всего в каких-то трех шагах от нее. Ее глаза внезапно встретились с моими, и я увидела в них искреннее удивление.

— Фиг, ты меня так напугала! — наконец сказала она, потирая лоб.

— Что ты здесь делаешь? Где Мерси и Дариус?

Джолин отмахнулась, а в мою сторону полетело облако дыма.

— Они поехали к матери Дариуса на выходные, она живет в Олимпии.

— Понятно, — сказала я, усаживаясь рядом с ней. — А ты почему не поехала?

— Потому что его мать — сука.

— Ясно... Что же сказал Дариус на то, что ты не поехала?

Она потушила сигарету о цемент крыльца и посмотрела на меня воспаленными глазами.

— Разве это важно?

На это я могла дать миллион разных вариантов — *да, это важно. Брак означает компромисс. Когда ты за кого-то выходишь замуж, ты также выходишь замуж за всю их семью.* Но что-то мне подсказывало, что от моего мнения никому ни жарко, ни холодно. Ни сейчас, ни когда-либо.

— Вы поссорились? Ведь ты из-за этого...

— Пью и курю? — закончила мою фразу Джолин. — Нет, Фиг. Вообще-то, я это делаю время от времени, и с Дариусом и нашей ссорой это никак не связано.

Мне стало обидно. Меня отчитали как малое дитя.

— Тогда я пойду, — сказала я, вставая. Ее взгляд смягчился, и она схватила меня за руку.

— Извини. Вот, возьми! — она зажгла сигарету и протянула ее мне. Она была длинная и тонкая, такую могла бы курить Стервелла де Виль (*прим. пер. — главная антагонистка фильма «101 далматинец». Злая, жестокая женщина с эксцентричными манерами и любовью к курению*). Я уже хотела ей признаться, что не курю, но она этой сигаретой задабривала меня, и мне хотелось послушать, что она мне еще расскажет. Она зажгла еще одну, на этот раз для себя. На ее губах была ярко-красная помада. Ездила кудато сегодня? Я не слышала ее машину. На ней были рваные черные джинсы и черные ботинки. Думаю, только эмо или суицидальные девочки (*прим. пер. — непрофессиональные модели — представительницы «альтернативной красоты», характеризующиеся обилием татуировок, пирсингом, экстремальным макияжем, стилем на стыке пин-ап, панка, готики и рокабилли*) смогли бы выйти из дома в таком образе. Я затянулась и сразу начала кашлять. Что за гадость!

— Я хочу быть твоей подругой, — вдруг сказала я. — С друзьями, которых видишь каждый день, непросто разговаривать, о чем-то серьезном — они тебя осудят и ваши отношения станут нелепыми.

Она посмотрела на меня с интересом, поэтому я продолжила.

— Но если у тебя есть сосед, кто-то на нейтральной территории, с кем можно все обсудить или просто высказаться, — было бы здорово!

Ее каменное лицо смягчилось. Она поправила сигарету в моих пальцах. Я снова затянулась, но в этот раз мне уже не хотелось выкашлять все мои легкие. У меня стала кружиться голова.

— Я люблю Дариуса. Мы выбрали друг друга.

Мне хотелось услышать больше, но продолжения фразы не последовала. Я стала крутить сигарету в руках, пока не обожглась. Посасывая место ожога, я размышляла, просидим ли мы так в тишине всю ночь или мне следует что-то сказать.

— Есть ли какое-то «но»? — наконец отважилась я.

— Нет, — ответила она. — Просто моногамия мне нелегко дается.

Мое сердце забилося чаще. Это признание? Стоит ли надавить на нее или просто дать высказаться? Я решила сказать ей, что недавно услышала по радио.

— Люди — моногамные особи. Мы сбиваемся с пути истинного, когда наше счастье под угрозой. Счастье привязано к выживанию. Если мы несчастны, мы считаем себя неудачниками, особенно когда открываем соцсети и видим, как друзья ставят хэштеги под самыми лучшими событиями в их жизни. Это все фальшь. Мы больше находимся в подвешенном состоянии, чем в состоянии счастья.

Она потушила сигарету и повернулась ко мне.

— Он все делает правильно. Он лучший отец. Он позволяет мне быть собой. Он добрый мягкий. Он проводит жизнь, помогая другим стать здоровыми личностями.

— У тебя кто-то есть? — заговорщицки спросила я. Эта ситуация напомнила мне выпускной класс школы, когда девчонки сидели голова к голове и обсуждали какие-то глубоко драматические события в их жизни.

— Нет... Не совсем... — Я знала, что она что-то не договаривает. Я решила сменить тактику.

— Ты сегодня ездила куда-то? Ты нарядно одета, — я указала на ее ботинки.

— Да, — сказала она, зажигая третью сигарету.

Я поерзала, потому что перестала чувствовать свою попу, сидя на ступеньке. С тех пор как я похудела, мне уже не так комфортно.

— Ты не доверяешь мне и поэтому отвечаешь односложно? — я старалась выглядеть сильно обиженной, но это было недалеко от правды. У нее не было ни одной причины сомневаться во мне.

— Я никому не доверяю, Фиг. Даже себе, — она вздохнула и потушила сигарету, так и не закурив. — Пошли!

Она встала. Я посмотрела, как она почистила джинсы от песка и открыла дверь на кухню, прежде чем последовала ее примеру. Она достала чашки и сахар для чая, даже не подумав включить свет, предпочтя вместо этого шарить в темноте.

— Я встречалась со старым другом, — сказала она, поставив чашку передо мной. — Из колледжа. Он приехал навестить лучшего друга и пригласил меня пообедать с ними.

— Что-нибудь... случилось? — я старалась придать своему голосу безразличное выражение.

Она отмахнулась от моего вопроса, нахмурившись.

— Нет, ничего такого не было. Было здорово увидеться. У меня, наверно, ностальгия по юности и беззаботности моих институтских лет.

— Он тебе нравится?

— Я бы соврала, если бы ответила нет. Он очень привлекательный.

— Поэтому Дариус отвез Мерси к своим родителям? Он расстроился, что ты встретила с ним?

Было видно, что мои вопросы доставляли ей неудобство.

— Он был не в восторге, но у нас есть договоренность — он не пытается изменить меня, а я не пытаюсь изменить его. Я не из тех, кто запирается в собственном доме после замужества. Если приезжает мой друг, я с ним встречаюсь. Конец истории.

Наверно, она сказала ему то же самое.

— Тебе не нужно меняться. Он женился на тебе, на той, какая ты есть. Когда меняешь что-то маленькое, вскоре меняется что-то большое.

— Точно! Абсолютно точно!

Я была по-настоящему взволнована. Я говорила на ее языке, и она с каждой фразой доверяла мне все больше.

— В отношениях должно быть абсолютное доверие. Если он знает, кто ты на самом деле, он не должен видеть угрозы в обеде со старым другом.

— Спасибо, Фиг. Мне нужно было это услышать.

— Вы когда-нибудь... с тем мужчиной?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, никогда. Мы едва знаем друг друга. Мы были в разных тусовках, а сблизились уже после окончания колледжа. Где-то раз в год списывались на Фейсбуке. Очень свободная дружба.

— Почему же ты тогда поставила свою моногамность под вопрос?

Ее рука замерла над чашкой чая. Она не смотрела на меня, но даже в полной темноте я почувствовала, как она напряглась. Она на него запала, и неважно, что она сказала. Может, Дариус перестал быть ей столь интересен. Она вечно жаловалась, как его часто нет рядом. Она-то и не подозревала, насколько ей повезло. Он много работал, и это была не какая-то пустая должность, которая высасывает всю твою душу. Ей стоит им гордиться.

— Уже поздно, — сказала она и отнесла кружку к раковине. — Мне нужно поспать.

— Конечно! — я тоже встала и направилась к задней двери, в то время как она мыла чашки.

— Они вернутся завтра?

— Что? — она была удивлена, что я все еще тут.

— Мерси и Дариус...

— Не знаю. Спокойной ночи, Фиг.

На минуту я забыла, где ворота. Она только что отделалась от меня, после того как я целый час выслушивала ее? Она меня беспокоила. Я пришла, чтобы убедиться, все ли с ней в порядке, а она в итоге выпроводила меня. Таким она была другом. И почему меня это так удивляло? Она увела парня у собственной подруги, в конце концов! Забравшись в постель, уставшая и пропахшая сигаретами, я думала о Мерси и Дариусе. Они заслуживали чего получше.

## Глава 18. Бестолковые

Я не видела семейство Эйвери целых две недели. Я видела, как эта щебечущая счастливая семейка садилась в машину Дариуса в воскресенье. У Джолин в руках была формочка для запекания. В понедельник я видела, как они ужинали в саду. Дариус и Мерси изображали поединок при помощи стеблей кукурузы, Джолин смеялась и фотографировала их. В среду они вышли на прогулку, держа Мерси за ручку и периодически раскачивая ее в воздухе. В четверг Дариус принес домой букет цветов и бутылку красного, а тем же вечером я слышала, как они занимаются любовью через открытое окно их спальни. В пятницу я их не видела.

Я задернула шторы и лежала в темноте, слушая «Влюбленную женщину» Барбары Стрейзанд. Мне уже давно не было так грустно. А что меня вообще расстраивало? Пренебрежительное отношение Джолин? Дариус, который не пытался со мной связаться и не спешил приглашать меня на ужин? Или тот факт, что я не видела мою маленькую Мерси уже две недели? Я уже собиралась заказать пиццу, когда услышала звук сообщения на телефоне. Мое сердце бешено забилося, когда я увидела ее имя. *Легка на помине*, самодовольно подумала я.

*Он прислал мне сообщение.*

Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, кто этот *он*.

*Кто прислал сообщение?* — я решила прикинуться дурочкой.

*Райан, с которым я встретила пару недель назад.*

— Райан! — сказала я вслух. Теперь у него есть имя.

*Почему только сейчас?*

Я добавила смайлик.

*Он отправил мне пару песен, которые ему нравятся. Он надеется, они помогут мне в написании книги.*

Я чувствовала ее панику. Конечно, ей хотелось понять, что делает этот Райан. Я сразу нашла его в Инстаграме среди ее подписок. Он отличался от Дариуса. Его волосы были побриты с обеих сторон, оставляя полоску более длинных волос посередине. У него были татуировки, и было видно, что он любит фиолетовый цвет. Он подходил ей, прямо как я подходила Дариусу. Он любил фотографировать природу и центр города, в котором жил. Иногда он делал селфи с серьезным выражением лица.

*Здорово! Есть хорошие песни?*

*Думаю, да.*

Я чувствовала, как она отдаляется. Нужно сказать ей то, что она хочет услышать, если я хочу получить от нее что-то еще.

*Он явно на тебя запал, и ему наплевать, что ты замужем. Вау!*

*Это меня и пугает. Он не спрашивает о Дариусе, а когда я упоминаю его, сразу меняет тему. Он хочет говорить только обо мне и моих книгах.*

Я легла на живот и закусил губу.

*А Дариус спрашивает о твоих книгах?*

*Нет.*

*Он заботится о тебе. В этом нет ничего такого.*

Я не получила от нее больше сообщений. Я увидела из окна, как она играет с Мерси в саду. Я дала ей повод для размышления.

Я решила написать Дариусу и проверить, как у него дела. Я отправила ему мем из одного из его любимых фильмов, который по совпадению являлся одним из моих любимых фильмов. Джолин лишь закатывала глаза, когда мы разговаривали об этом за обеденным столом, и говорила, что ее любимый фильм — «Дом из песка и тумана». Я хотела сказать Джолин, чтобы она расслабилась, но Дариус опередил меня, заявив, что этот фильм крайне депрессивный.

*«Бестолковые»? Это ваш любимый фильм? Что за идиоты окружают меня? В ее голосе чувствовалась насмешка, но мы-то знали, что она серьезно. Забавно, как быстро можно кого-то узнать по-настоящему, если постараться.*

Мы с Дариусом переглянулись, пока она распространялась о поп-культуре, о том, как она разрушает вкус людей. *Нормально любить поп-культуру, если это не все, что вам нравится.*

Дариус быстро ответил — ЛОЛ.

*Ты бы назвала меня эгоистом?*

*Не назвала бы в лицо.*

Я поняла, что он имеет в виду Джолин, и согласилась с ним. Она хотела, чтобы у всех были ее стандарты и серьезно относились к себе. Это было слишком утомительно, и мы оба были жертвами властного осуждения. Он спросил, видела ли я фильм «Магнолия», и, когда я ответила отрицательно, настоял, чтобы я взяла его диск сегодня вечером. Мое сердце учащенно забилось, и я встала.

Хорошие новости: мне больше не было грустно. Плохие новости: я точно набрала фунта три (1,5 кг.) в прошедшие пару дней, и хотела сбросить лишний вес. Я достала свою спортивную форму и вспомнила, как в первый раз подошла к дому Эйвери и притворялась,

что была на пробежке. Те дни далеко позади. Я изучила свою подтянутую фигуру в зеркале. Кто знал, что я такая миниатюрная под всем этим лишним весом? Я была намного тоньше Джолин, с ее большой грудью и задом. Может, Дариусу нравилась худоба. Дариус был человеком мира. Ему нравились разные стили, он не ограничивался чем-то одним.

Я пробежала четыре мили (6,5 км.), мои ноги горели от нагрузки. Я отправила сообщение Джолин, спросив, не отправил ли Райан что-нибудь достойное интереса. Я чувствовала, что должна подтолкнуть Джолин к нему. У меня было предчувствие о них, схожее с предчувствием обо мне и Дариусе. Однажды у меня уже было это чувство к Джорджу, но он все испортил. Он принимал меня как нечто должное, и мы расстались. Женщин надо холить и лелеять.

*Он отправил еще пару сообщений. Я его игнорирую.*

Она не имела понятия о своем воздействии на мужчин. Взрослые мужчины ходили за ней, как стая потерявшихся щенков. Жалкое зрелище. Я пошла домой и уселась за просмотр «Магнолии».

## **Глава 19. Магнолия**

Мне совершенно не понравился фильм «Магнолия», и я решила Дариусу об этом не рассказывать.

— Неплохое кино. Необычное, — Дариуса мой краткий ответ явно расстроил, поэтому я добавила, — Мне понравилась главная идея фильма — совпадение.

Частично это было правдой. Я читала обзоры фильма битых два часа, пытаюсь разобраться в том, что только что посмотрела, и что хотел сказать Дариус подобным выбором фильма. Я прочитала более десятка, прежде чем до меня наконец дошло, что, независимо от того, осознавал ли Дариус или нет, но я сама — часть весьма странного совпадения. Он будто одобрял мой переезд в дом по соседству и общение с ним и Джолин. Я была совершенно очарована главной идеей фильма, несмотря на то, что исполнение хромало. Да и вообще, мне нравилось, как работал его мозг — фильмы, которые он смотрел, его видение мира. Глубоко и без налета претенциозности. Разговаривая со мной, он смотрел прямо на меня, в отличие от Джорджа.

Он вручил мне новый диск с фильмом, на этот раз — «Сомнение». Я вдыхала запах его парфюма, и между ног сразу разлилось тепло.

— Этот фильм поселится вот здесь, — он постучал пальцем по виску. Я решила, что Дариус просто помешал на Филипе Сеймуре Хоффмане. Когда Дариус удалился в душ, я решила кое-что предложить Джолин.

— А почему бы вам сегодня не отправиться на свидание? Ужин, алкоголь, все в таком духе. Я посижу с Мерси.

Я бы не назвала Джолин гиперопекающей мамашей. Как-то я заметила, что она оставила нож на кухне, где Мерси без труда могла бы до него дотянуться. Несмотря на это, только ее матери разрешалось сидеть с Мерси. Меня это пугало, ведь девочке было так хорошо со мной.

— Вам нужно побыть вместе, даже если только на пару часов. С ней все будет в порядке, Джолин.

Не думаю, что я ее убедила, поэтому пришлось пойти в наступление.

— Дариус выглядит каким-то расстроенным в последнее время... Может, даже немного отвлеченным. Свидание пойдет на пользу вам обоим.

Сработало! Выражение ее лица сразу сменилось на виноватое, и она закусил губу. Я

смотрела на ее безжизненные волосы и темные круги под глазами и осознала, что она и впрямь выглядит уставшей. Я сосредоточилась на Дариусе и Мерси, но забыла справиться о здоровье Джолин.

— Если только на час, — сдалась она. Я старалась не выдавать своего счастья.

— Я приду в семь. У тебя есть два часа, чтобы смириться с этой мыслью и выпить достаточно, чтобы выйти из дома.

Она рассмеялась, но я знала, что была не так уж далека от правды — для Джолин выпить пару бокалов вина в это время дня было чем-то вполне обычным. Красная бурда, на вкус как плесень. Она говорила, что ей нужно отвлечься, но ее основным заработком было написание книг — от чего ей отвлекаться?

— Давай лучше в восемь, тогда Мерси уже ляжет спать, — выпалила Джолин. — Не хочу, чтобы она думала, что мы ее бросаем.

Мне жутко хотелось закатить глаза, но я лишь улыбнулась и кивнула, направляясь к выходу. Боже мой, как театрально! Вообще-то, я для Мерси не абсолютная незнакомка!

— Увидимся позже! — пропела я. — Через два часа.

Джолин потребовалось лишь тридцать семь минут, чтобы отменить планы. Я исходила гостиную вдоль и поперек в ярости. Ее сообщение было предельно дружелюбным, и в качестве отмазки она использовала усталость Дариуса после долгого дня с клиентами. Я-то знала всю правду! Она мне не доверяла. Я сделала пару глотков из бутылки рома, припасенной в кладовке, и схватила толстовку с вешалки. Я стольким ради них пожертвовала. Да они и понятия не имеют, как им со мной повезло! *Мне было не все равно.* Кто еще может похвастаться, что такой человек, как я, присутствует в их жизни?

Я поехала на запад, проезжая модные районы, и свернула с шоссе рядом с весьма опасным местом. Тут нужно непременно закрывать машину на ключ и всегда иметь при себе перцовый баллончик. Я увидела обшарпанный ликероводочный магазин с решетками на окнах и парковку с потрескавшимся асфальтом. Думаю, можно было бы купить алкоголь в другом месте, но мне нравился драматизм ситуации. *Меня ограбят? Может быть.* К тому же, мне просто было необходимо сбежать от некоторых особей. Они думают, что счастливы, хотя просто не видят весь масштаб трагедии — они слишком ослеплены своим ошибочным восприятием правды и лжи. Райан окутил Джолин прямо под носом у несчастного Дариуса, который проводит все меньше и меньше времени дома. А бедной Мерси просто нужны родители, но оба заняты чем-то посторонним. Я не позволю Джолин разбить ей сердце! Как же замечательно, что я стала частью ее жизни и могу подарить ей столько любви. Я часто представляла ее, уже подростком, справедливо обозленную на родителей и благодарную мне.

Сообщение от Дариуса пришло, когда я рассматривала бутылки светлого и темного рома.

*Спасибо за предложение посидеть с Мерси. Может, в другой раз?*

*Кто из вас не хотел пойти на свидание — ты или Джолин?*

*Эээ...Я?*

*Я так и подумала.*

Я так разозлилась, что засунула телефон в задний карман джинсов, даже не удосужившись посмотреть, не ответил ли он. Я схватила бутылку рома «Капитан Морган Частный Фонд», упаковку колы из шести бутылок и ринулась к кассе. Работник магазина спросил, все ли это, и я попросила добавить пачку сигарет Капри Слимс в розовой упаковке,

как у Джолин. Я взяла упаковку спичек из подноса рядом с кассой и попросила кассира оставить сдачу себе. Я никогда так не делала, но в кино это было чем-то обыденным. Я не хотела ждать до дома, чтобы попробовать свои покупки на вкус. Сев в машину, я открыла бутылку колы и опустошила ее на треть. Открыв бутылку рома, я заполнила бутылку колы доверху, немного потрясла и сделала первый глоток. *Что за мерзость!* На вкус как чистый ром. Я ненавидела себя за эту привередливость. Я закурила и, попивая свой ром с колой, наблюдала, как машины проезжают мимо. Я уже собралась отъезжать с парковки, когда заметила пропущенный звонок от Джолин на телефоне. Я удивленно подняла брови. Может, они в конце концов решили сходить на свидание. Я проверила голосовую почту, но она не оставила сообщение. Я решила перезвонить.

— Привет-привет! — пропела она.

Я ответила ей в нейтральном тоне.

— Я видела, что ты куда-то поехала, и решила позвонить, чтобы убедиться, что ты в порядке.

Она видела? Она что, следила за мной?

— Ты выехала на такой скорости, будто за тобой гонятся, — мягко объяснила она. — Я просто хотела...

— Я не рядом с рельсами, — быстро сказала я. — Если ты на это намекаешь.

— Нет-нет. Я не об этом, — и она, и я прекрасно знали, что она говорит именно о рельсах. — Как насчет двойного свидания на следующей неделе?

Я закатила глаза.

— Конечно, отличная мысль! Какой день тебе подходит?

Она назвала вечер четверга, потому что в этот день ее мать может остаться с Мерси, и мы договорились встретиться в семь.

— Семь? Может, лучше в восемь? — спросила я.

— Нет, в семь будет отлично. Мама хочет провести больше времени с Мерси.

Я снова отпила из бутылки, и мы закончили наш телефонный разговор предельно вежливыми голосками женщин, которые терпеть друг друга не могут.

## **Глава 20. Черный или фиолетовый**

Внутри у меня все перевернулось, когда я увидела машину Аманды, припаркованную возле дома Эйвери в четверг вечером. Я пришла одна. Мне был необходим перерыв от... другой жизни. Подружки Джолин с подозрением относились к новому члену их компании. Они бросали на меня взгляды, стараясь увидеть во мне то, что увидела Джолин. Я утешала себя, что это всего лишь Аманда и могло быть гораздо хуже. Я слишком долго думала, что надеть, и наконец выбрала фиолетовое платье. Джолин заранее предупредила меня, чтобы я не звонила в дверь. Войдя в дом, я услышала смех. Мне стало обидно, что они начали веселиться без меня, но я напустила на себя непосредственное выражение и вошла.

— Фиг! — крикнул кто-то. — Мы на кухне!

Джолин выглянула из дверного проема, широко улыбаясь. Я медленно прошла мимо гостиной, мысленно готовясь к их взглядам. На деле же я увидела Джолин, наклонившуюся к посудомоечной машине. На ней было точно такое же платье, как у меня. Правда, ее наряд был черного цвета. Я часами мучилась, выбирая между черным и фиолетовым, и, наконец, остановилась на фиолетовом — черный для похорон, да и для лета совсем не подходит. Увидев Джолин в черном, я снова засомневалась в правильности своего выбора. Платье делало ее более заметной, но оно все же было вторично тому, что скрывалось под ним. Я

слабо улыбнулась, ожидая волну комментариев о нашем модном провале, но, казалось, никто не заметил.

*На нас одинаковые платья!* — мне так и хотелось закричать. — *Вы что, слепые?*

Джолин спросила, что я хочу выпить.

— Мне без разницы, — ответила я. Она ушла за джином с тоником, и Аманда подошла поздороваться.

— Отлично выглядишь! — воскликнула она.

Обычно я с подозрением относилась к комплиментам от других женщин, которые часто просто стремились указать на недостаток: *Отлично выглядишь, уже не такая жирная, как раньше.* Или: *Отлично выглядишь! Ты похудела? Я тоже похудела, заметно?* Аманда больше ничего не сказала, сменив тему на погоду и мою работу. Я и на самом деле отлично выглядела. Она вручила мой напиток, и я услышала звон льда. Я бросила взгляд искоса на Джолин, которая стояла рядом с Дариусом. Его рука обнимала ее за талию и казалось, что его большой палец нащупывал линию ее трусиков сквозь платье. На мне не было трусиков — он бы получил намного больше удовольствия со мной. К тому же, она и близко не была такой худенькой, как я.

Словно услышав мои слова, Аманда произнесла:

— Классное платье, Джолин. Ты словно секси-кошечка.

Дариус улыбнулся.

— Ты права. Не могу не прикоснуться к ней.

— Можешь прикоснуться сколько влезет! — ответила Аманда.

Уже не в первый раз я заметила товарищеские отношения между Амандой и Дариусом. Я угрюмо отошла в угол кухни. У них обоих было сухое чувство юмора. Их шутки всегда заканчивались скучающими взглядами публики и общим смущением. Никто не понимал, серьезны ли они или морочат всем голову.

Джолин объявила, что нам пора идти в ресторан. Дариус и Джолин поехали на своей машине, и после небольшого обсуждения, Аманда и Холлис запрыгнули на заднее сидение.

— Поехали с нами, Фиг! — звали они. Мне не улыбалось быть зажатой посередине. Подходя к своей машине, я сыпала проклятия. Они что, все подстроили?

Когда мы вошли в ресторан, официантка сделала комплимент платью Джолин. Я закатила глаза.

Я сидела далеко от Дариуса и Джолин. Раздраженная, я старалась не смотреть никому в глаза. Разговор вращался вокруг еды — кто что хочет заказать, где найти лучших устриц по доступной цене. Дариус поведал нам, что устрицы — афродизиак. Все уже слышали об этом раньше, но делали вид, что необыкновенно заинтересованы. Вскоре мы заговорили о сексе. Я стреляла глазами в Дариуса, когда он говорил, размышляя о том, каков он в постели. Я уже несколько раз слышала стоны Джолин из открытого окна их спальни. У меня же секса не было уже так давно, что моя Нуни стала приятно покалывать.

Моя мать называла мои половые органы Нуни. Она объясняла это тем, что не хотела видеть меня в супермаркете, орущей на кассе: «*Моя вагина горит!*» как это делала дочь ее подруги Лизы. Не знаю, откуда ей пришло в голову имя Нуни. Когда мы учились в шестом классе, моя подруга Кейти называла свою бабушку Нуни. Я чувствовала себя крайне неудобно. Мысленно я называла ее бабушку Вагиной, но никогда не рассказывала Кейти об этом. Наверно, нужно было бы уже забыть об этом дурацком имени, но оно пережило со мной учебу в колледже и взрослую жизнь. И вот я снова думаю о Нуни, уставившись на свой

французский луковый суп, а все вокруг смеются.

Я подняла глаза вверх и увидела, что Дариус смотрит на меня с другого конца стола. Тепло разлилось по мне до самых пальцев ног.

## Глава 21. Смешная девчонка

Мы с Джолин болтали на кухне, когда Дариус пришел с работы домой. Мне сразу бросилось в глаза коричневое пятно на его рубашке и очки в черной оправе, которых я никогда на нем не видела. Он был подозрительно немногословен. Поцеловав Джолин в щеку и бросив мне быстрое «привет», он потянулся за стаканом. Наш разговор о ночевке Мерси у ее бабушки сошел на нет, когда мы обе уставились на его напряженную спину.

— Тяжелый день? — спросила Джолин, подойдя к нему и массируя его спину. Дариус нарезал лайм для коктейля.

Моей любимой частью дня было слушать рассказы Дариуса о клиентах. Он никогда не называл имен, но его истории либо смешили нас до слез, либо вызывали вздохи изумления. Джолин говорила, что он избавляет этих людей от забот. Он лишь отмахнулся и выбросил остатки лайма в мусорное ведро. Джолин с виду не тронула его реакция, но она уселась на кухонный стол, приготовившись слушать очередные истории. Дариус допил свой коктейль и налил себе еще, в то время как мы расспрашивали его о женщине, принуждавшей своего десятилетнего сына носить розовое в школу, несмотря на то, что над ним там издевались.

— Я получил сообщение от Рейчел сегодня, — сказал он, доставая бутылку джина из шкафа. *Рейчел* — это что-то новенькое. Я бросила быстрый взгляд на Джолин, которая рассматривала свои ногти. Выражение ее лица оставалось нейтральным, что никак не помогало мне понять, кто же такая эта Рейчел.

— Правда? Какие новости?

— Она разводится. Как я понимаю, он планирует получить полную опеку над их сыном.

Джолин изменилась в лице.

— С ней все в порядке?

Дариус лишь пожал плечами.

— Она очень подавлена. Пару лет назад она пыталась покончить с собой. Неизвестно, чего от нее можно ожидать. Она спросила, не собираюсь ли я посетить город в ближайшее время.

Интересно, что за город он имел в виду...

— Она по-прежнему живет в Майами? — спросила Джолин.

Дариус кивнул.

— Я сказал ей, что буду там на конференции на следующей неделе, и она попросила выпить с ней кофе.

— Ты должен с ней увидеться. Если у нее никого нет, ты сможешь ей помочь.

В глазах Дариуса мелькнула вспышка гнева на то, что Джолин вообще могла предположить нечто такое.

— Джолин, Рейчел моя бывшая. Это тебя не волнует?

Она решительно выпятила подбородок и ее глаза наполнились слезами.

— Разумеется, не волнует. Я доверяю тебе. Если у нее проблемы, у тебя есть все средства для помощи. Черт возьми, ты психолог!

— Уверен, что у нее есть у кого попросить помощи, — пробормотал он, отвернулся и снова наполнил свой стакан.

Я стояла, боясь пошевелиться. Вдруг они вспомнят о том, что я тоже здесь и весь этот

разговор оборвется?

— Я просто предложила, Дариус. Я ничего такого не имела в виду, — мягко сказала она.

Дариус облокотился о стол, касаясь ободка стакана нижней губой. В этот самый момент он выглядел абсолютно другим, возможно, просто выпил лишнего. Меня передернуло от его безумного взгляда.

— Она до сих пор испытывает ко мне чувства. Не этого ли ты хочешь, Джо? Чтобы она приударила за мной, в то время как ты занята своими делами?

— Что за бред! — выпалила Джолин. Она резко встала, и ее телефон грохнулся на пол.

— Не то, чтобы я ей откажу. Она безумно сексуальная.

Я уже стала ревновать к этой Рейчел. Мне хотелось увидеть ее, увидеть, как она выглядит.

Лицо Джолин пылало. Я думала, что она наорет на него, но она спокойно подошла к холодильнику и достала бутылку воды.

— Как хочешь, Дариус.

Не отрывая от него взгляда, она открыла бутылку и сделала глоток. Она подразумевала, что он хочет Рейчел? Что ж, очень лицемерно, учитывая ее и Райана.

— Я в душ, — объявил он. — Сейчас это все, чего я хочу.

Он ушел, а мы остались стоять в тишине, боясь взглянуть друг на друга. *Что это было?*

— Ты как? — осторожно спросила я.

— Плохо! — огрызнулась она и мне показалось, что она утерла слезу. — Он сказал на глазах у моей подруги, что хочет трахнуть другую.

— Уверена, что он ничего серьезного не имел в виду. Он просто пошутил.

— Фиг, у тебя извращенное восприятие Дариуса. Я знаю, что ты... уважаешь его. Но ты его совсем не знаешь.

Ее лицо все еще горело, а губы были болезненно бледные. Интересно, что бы сказали ее фанатки, увидев ее в таком виде — некрасивую и возбужденную. Настоящую. Никто бы не делал татуировки с ее цитатами, если бы они застали ее в этом жалком состоянии. Я на минуту подумала, что было бы здорово ее сейчас сфотографировать и разместить фото в интернете. Она сразу догадается, что это моих рук дело.

— Ты хочешь трахнуть Райана. Разве это не одно и то же?

Она открыла и закрыла рот, часто моргая.

— Я никогда этого не говорила.

Ее голос прозвучал обрывисто, и я испугалась, что вывела ее из себя.

— Знаю. Я просто имею в виду... Это естественно — задумываться о том, каково это с другим человеком в плане секса.

Она подняла голову, и что-то молнией пронеслось в ее взгляде, что, я так и не смогла расшифровать.

— Я люблю Дариуса и хочу быть с ним. Все, что касается Райана, — просто женский треп, понимаешь?

Я кивнула.

— Конечно. Но мужчины есть мужчины. Они хотят трахать хорошеньких девушек. Он любит тебя. Он просто сказал, не подумав.

— Ты его не знаешь, — повторила она. Это меня по-настоящему разозлило.

Мне сразу пришла на ум реплика из *«Смешной девчонки»* (прим. пер. — *«Смешная*

девчонка» из фильма 1968 г. с Барброй Стрейзанд), когда Роуз говорит Фанни: «Когда ты смотришь на него, ты видишь лишь то, что хочешь видеть». Фанни отвечает: «Я вижу его таким, каков он есть. Я люблю его таким, каков он есть!»

Она не знала его так, как знала я. Она подстегивала, пилила его, пока он совсем не замкнулся в себе. Он был несчастен — и мы с Дариусом оба это понимали. Джолин жила в своем выдуманном мире. Я видела его стороны, которые он слишком боялся ей показать. И слава богу — он так нуждался в понимании. Я вспомнила его слова о Рейчел. Нам всем хочется трахаться с теми, с кем мы не должны. Встречая кого-то нового, я сразу представляю себе наш секс — эту привычку я выработала еще в подростковом возрасте. Если Джолин думает, что Дариус видит лишь ее в своих фантазиях, она явно живет в сказке.

Придя домой, я достала свой вибратор с полочки со специями. Я прятала его в пустой банке от паприки весь мой брак с Джорджем. Он был решительно против вибраторов, настаивая, что после них женщинам нет дела до члена. Но за все наши восемь лет вместе я ни разу не получила оргазм. Я купила свой вибратор в одном из онлайн-магазинов. В день доставки я места себе не находила, будто Джордж мог перехватить посылку. Получив заветную коробочку, я сразу отнесла ее в спальню и получила свой первый оргазм. Джордж сразу заметил перемену в моем настроении. «Я включила новые специи в свой рацион. — отвечала я. — Вычитала о них в журнале.»

— Ты, главное, не останавливайся! — сказал он. Останавливаться я и не собиралась.

Я положила вибратор на свой новый белый диван и включила стерео. Барбра запела «Какой глупец», когда я стала устраиваться поудобнее, думая о том, чтобы Дариус сотворил с Рейчел.

Сон всегда был моим больным местом. Мне столько нужно было переварить, столько всего обдумать! Иногда мой мозг проигрывал одну и ту же мысль снова и снова, пока я не начинала думать, что схожу с ума. Мой мозг никогда не отключался, и вот уже раннее утро, новый день и новые проблемы. Проснувшись, я не могла избавиться от ощущения тревоги. Я будто неслась по крутому спуску вниз, набирая скорость. Порой я сидела ночами с макбуком на коленях, слушая Барбру, и пробовала немного поработать. Я не успевала опомниться, как было уже пять утра, и я не понимала, как пролетела ночь.

Я постоянно составляла списки в уме — чем я лучше нее, как я могу сделать его счастливее. Если он уйдет от нее, Мерси какое-то время сможет быть у нас. Я стану ее матерью, и моя семья станет полной. А вдруг она обо всем узнает раньше времени? Эти мысли не давали мне спать. Я должна быть безупречной подругой, чтобы она ничего не заподозрила.

Правда на моей стороне, а ошибается она.

Когда она не звонила и не приглашала на ужин, я брала инициативу в свои руки. Я отправила ей свое фото в душе без одежды. Я делилась с ней вдохновляющими цитатами и историями, раз уж она снова стала писать. Напросилась в гости под предлогом приготовить ужин, чтобы дать ей поработать. Она то игнорировала меня, то отвечала. Чистое сумасшествие, как и положено творческому человеку. Я тоже ощущала себя творческой натурой, только вот способа самовыражения пока не нашла.

Поначалу она сопротивлялась, но потом — вот чудо! — начала соглашаться. Я помчалась на рынок, бросая в корзину продукты, способные впечатлить — козий сыр, руккола, самая постная органическая говядина, которую можно было отыскать. Затем я появлялась на пороге их дома с особым угощением для Мерси — девочка была всегда так

рада меня видеть! Наше общение с Дариусом вышло на новый уровень, и он был менее внимателен, избегал моего взгляда, не обращался ко мне напрямую. Я так и хотела сказать ему, чтобы прекратил эти шутки и стал нормально себя вести. Но, подумав, я поняла, что он оплакивает конец своего брака, и решила оставить его в покое. Нам обоим нужно было время, чтобы со всем разобраться.

Джолин дала мне номер своего стилиста, когда я попросила.

— У меня запись через две недели. Решила покрасить волосы в черный к зиме.

В черный? Ее волосы и так чернее-черного, куда еще темнее? В любом случае, я записалась к стилисту раньше нее и стала обладательницей черной шевелюры первой. Я внимательно наблюдала за выражением ее лица, когда она увидела меня с новым цветом. Шок. Да, для меня это кардинальная смена имиджа!

Правда на моей стороне, а ошибается она.

— Где твой дуршлаг? Извини, что мешаю.

Я бросила взгляд туда, где она сидела за работой.

Она указала на шкаф и улыбнулась. Порой я не замечала ее присутствия в комнате. Я вздрогнула, подумав о Дариусе. *НЕТ!* Не хочу больше стоять ни на чьей стороне. Я могу дружить с ними обоими, любить обоих. Может, когда Дариус и я будем вместе, я смогу остаться подругой Джолин. Она поймет, насколько они друг другу не подходили, будет счастлива с Райаном, и захочет сохранить хорошие отношения со мной ради Мерси.

Я приготовила запеканку под звук клавиш Джолин, мечтая о том, каково будет ощущать член Дариуса внутри. Буду ли я громко стонать, как она, когда я слышала ее голос сквозь открытые окна? Будет ли он целовать меня, пока я кончаю? Мои руки слегка дрогнули. Я делала запеканку для Дариуса. Я хотела быть его идеалом: готовка, тело, рот. И, конечно, я готовила запеканку и для себя, в качестве доказательства, что я могу быть хорошей подругой, какой бы недостойной я не считала Джолин. Вот такая борьба.

Я вынула запеканку из духовки, когда раздался звонок в дверь. Открыл Дариус, и дом наполнили голоса Аманды и Холлиса. Она знала, что они придут? А он? Никто и слова мне не сказал — что за грубость! Джолин встала и прошла через всю комнату. Я пыталась поймать ее взгляд, но она шла напрямую к Аманде, улыбаясь, будто я перестала существовать. Я ринулась в туалет, почувствовав внезапный приступ тошноты. Я слышала, как они разговаривали, и вчетвером отправились на кухню. Я нацепила на лицо улыбку и достала тарелки из шкафа, притворившись, что не заметила удивленное лицо Аманды.

— Фиг, твой цвет волос! — сказала она. Я намотала прядь на палец, пока ее взгляд переключался с меня на Джолин и обратно.

— Вы останетесь на ужин? — спросила я, чтобы ее отвлечь.

Аманда посмотрела на Джолин, и та кивнула.

— Хорошо, что я сделала такую огромную запеканку!

Я принялась накрывать на стол на шестерых, наливая вино в бокалы, бросая кубики льда в стаканы для воды. Я не смотрела в их сторону, но чувствовала взгляды на себе. *Гадюки. Жесткие сучки.* Вот вся их суть. Джолин не первая и не последняя брюнетка, поэтому они могут идти куда подальше.

Поставив салат на стол, я позвала всех к столу.

— Так вот, значит, каково иметь двух жен, мужик! — засмеялся Холлис, осматривая все великолепие на столе и похлопывая Дариуса по спине.

Дариус бросил нервный взгляд в мою сторону, затем подошел к Джолин и обнял ее,

будто пытался что-то доказать. Жалкое зрелище. Все остальные, однако, купились. Что за счастливая парочка! Я наблюдала как Холлис смотрит на Дариуса, но не разгадала выражение его лица. Может, я недооценила его, и он тоже не купился. Когда пришло время начать трапезу, я уселась рядом с Холлисом, а Дариус с Джолин были прямо напротив меня, с Мерси между ними, а Аманда устроилась во главе стола.

Мы с Холлисом одновременно потянулись за солью. Он отдернул руку и громко извинился.

— Брось, это всего лишь соль! — отмахнулась я. — Ты, наверно, получил католическое воспитание.

Это была не шутка, но он громко рассмеялся.

— Так оно и есть! Получается, меня выдало мое чрезмерное извинение?

Я усмехнулась.

— Не так уж важно, если ты на самом деле сделал что-то дурное. Девять раз из десяти, даже если ты никоим образом не виноват, ты *чувствуешь*, что это твоя вина. Тебя толкнули в магазине — *Я нечаянно!* Случайно уронил мыло в душе — *Ой, прошу прощения!* Во время любой немного затянувшейся тишины ты думаешь, что это из-за твоего проступка — Быстро! ИСПРАВЬ СИТУАЦИЮ ИЗВИНЕНИЕМ!

Холлис смеялся так сильно, что, казалось, что он сейчас заплачет. Даже Мерси посмеивалась.

— О, Боже мой! Как же сильно мы хотим нравиться другим.

— Правда? — я засмеялась. Конечно, он был прав.

Работники Автотранспортного управления явно не нуждались в моей дружбе, то же самое я могла бы сказать о специалистах по установке кабельного ТВ и кассирах в супермаркетах. Но я продолжала стремиться им угодить. Приятный разговор, стремление помочь, несколько самокритичных шуток, чтобы облегчить их рабочий день.

Мне нравилась связь, которую я чувствовала с ним. Католицизм сплотил двух людей, вот дела. Я погладила его ногу чуть выше колена, в знак католической солидарности. Что ж, не буду врать, — он мне симпатичен, Холлис был мужчиной приятной внешности. Меня привлекало большинство мужчин, и им вовсе не нужно было быть красавцами. Важна лишь искра между нами. Я всегда представляла себя в постели с ними. Аманде повезло... Незаслуженно повезло.

— Еще вина? — улыбнулась я, наполняя бокалы.

— Все очень вкусно, Фиг, — заметила Джолин. — Спасибо тебе большое.

По всему столу послышались голоса одобрения. Джолин повернулась к остальным.

— Фиг очень помогает нам, пока я заканчиваю книгу. Она готовит и помогает мне с Мерси. Я так ей благодарна.

Я смущенно потупила взор, но не смогла спрятать улыбку. Когда я подняла глаза, то встретила взглядом с Амандой. Наклонив голову на бок, она пялилась на меня.

— Почему же ты покрасилась в черный? — спросила она.

— Мне просто нужны перемены. Мне нравится краситься в более темный цвет к зиме.

— Мне тоже! — сказала Джолин и подняла свой бокал. — За зиму!

Мы стукнулись бокалами. Мне предстоит много работы, чтобы заслужить доверие Аманды.

## Глава 22. Самая красивая киска

Когда же все это началось? Когда мы зашли слишком далеко? Честно признаться, я и не

вспомню. У меня на этой почве развилось посттравматическое расстройство и мозг заблокировал какие-то воспоминания. Я просто знаю, что в один прекрасный день один из нас вышел за рамки. Впрочем, это должно было случиться, раз мы так усердно играли по правилам. Люди помешаны на сексе, и как ни прикидывайся, однажды твое животное начало выйдет наружу. Разумеется, никто не собирается заходить слишком далеко с женатым мужчиной, ведь общество не приемлет такое поведение. Во мне душевный подъем соседствовал с ужасом. Я говорила себе, что не *такая*. Но как себе ни тверди, все равно наступишь на те же грабли. Получается, что я самая что ни на есть такая.

Может, все дело в скуке и желании быть полезной. Возможно, тебе просто хотелось вспомнить, кем ты была до переезда в пригород и всей этой нормальной скучной жизни. Дариус по-настоящему говорил со мной. Мы то болтали ни о чем, и тогда мой день пролетал незаметно, то обсуждали серьезные проблемы и никогда никому не рассказывали о наших беседах. Мне было одиноко, а Дариус облегчил мое состояние.

Джордж никогда со мной не разговаривал. Не думаю, что дело было во мне, просто он — один из мужчин, чьи мысли никогда не находят выражения. Дариус спрашивал о сексе. И я ему все рассказала. Каждый раз, когда мы трахались, Джордж минут десять входил в меня, повторяя, как у меня там тесно. Дариус был явно возбужден. Мы с ним были просто напуганы и изголодались по чувствам. Меня радовало, что я была не одинока. Он признался, что, когда Джолин начинала писать, он будто переставал существовать. Он писал ей сообщения, а ответ приходил спустя несколько часов. Я задумалась, а не разговаривает она в это время с Райаном?

**Больше книг на сайте — [Knigoed.net](http://Knigoed.net)**

Она же часто жаловалась на эмоциональную зависимость Дариуса. Она говорила, что он предпочитает переписываться в течение дня полноценному разговору вечером.

— *Может, он устает от разговоров на работе,* — предположила я. Она не клюнула.

— *Работа — отдельно, дом — отдельно,* — парировала она. Он должен полностью присутствовать дома, ради нее и Мерси. — *Иначе какой смысл заводить семью?*

Она была слишком строга к нему. Дариус отправлял мне сообщения в течение всего своего рабочего дня. Я его прекрасно понимаю. В то время как люди обрушивали свои проблемы на него, ему нужно было просто с кем-то поболтать. Джолин была слишком эгоистична.

Однажды, вскоре после комментария про узкую киску, он написал: «*Хочу увидеть, насколько она узкая.*» Мое сердце бешено застучало. Конечно, он может ее увидеть! Мне потребовался битый час, чтобы добиться идеальной фотографии — я сидела на краю ванной, раздвинув ноги, два пальца обрамляли то, что Дариус назвал *самой красивой киской, которую он когда-либо видел*. Я улыбнулась, и будто совсем потеряла голову. Я чувствовала себя самой сексуальной женщиной планеты. Я подумала о киске Джолин, о том, что Дариусу моя понравилась больше, и сразу возбудилась.

*Я слышала, как вы занимаетесь любовью. Звучит так, будто вы неплохо проводите время...*

*Да, все здорово.*

Его ответ меня разочаровал. Я хотела, чтобы он все отрицал. Не может же ей все удаваться, да и она слишком напряжена, чтобы быть богиней секса. Но последовало еще одно сообщение...

*Она просто лежит бревном, но я стараюсь сделать все возможное.*

Я не хотела прозвучать слишком пылкой, поэтому я ответила просто: *Что за скука.*

*Да...*

Я уже подумала, что он пожалел, что рассказал мне об этом, когда последовало:

*Я хочу узнать, какая ты на вкус.*

Я представила его у себя между ног, как я держу его за волосы и выгибаю спину, прижимая его голову ближе.

*Только лишь на вкус?*

Он прислал мне фотографию своего возбужденного члена. Я узнала плитку на полу в ванной на первом этаже. Интересно, где в это время Джолин? Это так возбуждающе! Она где-то там в доме, пока он смотрит на мою киску и мастурбирует.

*Такой большой! Тебе придется с ним поработать.*

Ему очень понравились мои слова, потому что он отправил *ОМГ* и показал, что кончил. Несмотря на ее сиськи и всю сексуальность, кончил он сегодня из-за меня. Интересно, откажет ли он ей, если она предложит секс? Мне стало радостно от одной лишь мысли.

Я долго смотрела на окно их спальни. Я даже подумывала пробраться на их задний двор и подслушать. В одиннадцать вечера погас свет, а на моем телефоне засветилось сообщение от Дариуса.

*Не могу перестать думать о тебе.*

На следующий день я испекла лотарингский киш и отнесла его Джолин. Дариус еще не вернулся с работы, и она открыла дверь в полотенце, явно только что из душа.

— Я принесла тебе покушать, — сказала я. — Раз ты так много работаешь.

Я протянула ей киш и, вполне ожидаемо, она пригласила меня войти. Моя Мерси играла с кубиками на ковре.

— Тебе тяжело работать, когда она рядом? Тебе что-то вообще удастся сделать?

Она сняла полотенце с головы и повесила его на стул сушиться.

— Тяжело, конечно. Каждые несколько минут приходится отвлекаться, но я уже привыкла.

Она встряхнула волосы и потянулась на полку за тарелками. Я смотрела, как маленькие ручейки текли по ее загорелым плечам. На кухонном полу появлялись маленькие лужицы. Удивительно, как можно себя чувствовать настолько комфортно, подавая соседке пирог в одном полотенце.

— Хочешь, я останусь и поиграю с Мерси? — предложила я. — Ты уже почти закончила рукопись.

Она просияла.

— Правда? Ты совсем не против?

— Совсем нет! Можем устроить чаепитие в саду, — я сказала достаточно громко, чтобы услышала Мерси. Она тут же прибежала на кухню, улыбаясь.

— Поиграй с Мерси! — сказала она.

— Конечно! Пошли!

Она кивнула, улыбаясь так широко, что ее глаза превратились в маленькие щелочки.

— Отлично! — сказала Джолин. — Принеси кукол и чайный сервиз.

Звук ее бега по деревянному полу наполнил мое сердце счастьем.

— Спасибо, Фиг. Я с ума схожу с этими дедлайнами. Ты и представить себе не можешь, насколько мне помогаешь.

— Ты — моя самая близкая, самая лучшая подруга. Я просто хочу тебе помочь.

Джолин улыбнулась, а в ее глазах стояли слезы.

— Что слышно от Райана? — спросила я. Я отрезала кусочек пирога вилкой и поднесла ко рту.

— Мы на связи. Он присылает мне песни, которые, как он считает, меня вдохновят. Очень... красивый жест.

*Красивый... Ну конечно!* Не поэтому ли она избегает моего взгляда?

— А ты отправляешь ему песни? — я жевала свой кусок пирога, пока она размазывала свой по тарелке.

— Нет. Не хочу, чтобы он неправильно меня понял.

Я так хотела закатить глаза. Он уже ее неправильно понял. Мужчины так и поступали — женщины становились их добычей, и они охотились за ними, используя все возможные способы.

— Покажи мне его фото! — попросила я.

— Фиг! Нет. Какого черта? И вообще, где Мерси?

Я засмеялась.

— Да брось! Не пытайся сменить тему. Мне просто интересно, насколько он симпатичный. Покажи!

Я надавила на Джолин, и, наконец, она показала мне его Инстаграм и протянула свой телефон.

— Господи, ты только посмотри на его губы! Зуб даю, он отлично целуется, — я взглянула на Джолин. Она выглядела раздраженной. — Брось ты. Я знаю, что ты думала о поцелуях. Ты можешь любить Дариуса и думать о других мужчинах.

Я покачала головой и улыбнулась, будто мы болтали о глупостях.

— Нет, не могу. Я люблю Дариуса. Он потрясающий в постели, просто потрясающий. Мы совсем не наскучили друг другу.

Она поставила свою тарелку в раковину, и я вспомнила слова Дариуса о том, что она лежит в постели как бревно. Он-то точно был другого мнения. Я оседлаю его так, что он не захочет возвращаться. Я представила его лицо во время оргазма, как он хватает мои бедра и повторяет «*О, боже*» снова и снова.

— Он ласкал меня пальцем в машине по пути домой от моей матери, — выпалила она. — Он вел машину, мы гнали на скорости 80 миль в час по хайвею, и вдруг он залез мне под юбку и ...

Не знаю, кто покраснел больше, она или я.

— Боже, это так сексуально!

Сколько раз я рассматривала его руки, думая, каково почувствовать его палец внутри меня? За годы нашего брака Джордж и помыслить об этом не мог.

— Не могу перестать об этом думать, — сказала Джолин. — Если тебе нужно подтверждение того, что я чувствую к моему мужу, то вот оно. У меня до сих пор бабочки в животе.

— Понимаю, — улыбнулась я. — Теперь я тоже не могу перестать об этом думать.

Мы обе смеялись, когда Мерси забежала в комнату, держа в руках кукол и игрушечные чашки. Джолин немного сжала мою руку. Ее лицо было полно благодарности.

— Я так рада, что ты моя соседка, Фиг. Здорово иметь подругу, которая живет так близко.

Я улыбнулась, потому что тоже была этому рада. Очень рада.

## Глава 23. Другие вещи

Я всегда представляла себя чем-то другим в детстве. Не человеком, а вещью. Лампой, кошельком или тюбиком помады. Все то, что было нужно и многократно использовалось, что люди носили с собой. Я представляла себе губы, которых я могла бы касаться, руки, которые пробегутся по моей спинке в поисках выключателя. Я хотела быть желанной, и это чувство не только никуда не испарилось, а стало лишь сильнее. Где-то в старшей школе я переключилась с предметов на людей. Мне вдруг страсть как захотелось стать Минди Малоун. Душа ее была с гнильцой, зато внешность... Просто блистательна! Остальные были в курсе, и боролись за ее внимание как стайка цирковых животных. Как же это меня злило! Я хотела, чтобы они видели, какова она на самом деле, но, в то же время, мне хотелось быть ей, поэтому я стояла в сторонке и наблюдала. Она любила тряхнуть волосами, как делали все популярные девчонки. Если раздавалось ее фыркание, когда она проходила мимо, это означало, что она кого-то невлюбила. Обычно ее друзья присоединялись, и в школьных коридорах раздавалось громогласное фыркание. У нее были мягкие, молочного цвета руки — я заметила это, наклонившись подобрать что-то, что она уронила. Диск *Jewel*.

Наши пальцы соприкоснулись, и она бросила «Спс». Просто «Спс», не «Спасибо», не «Большое спасибо, Фиг». Она даже не удосужилась взглянуть в мою сторону. На следующий день я купила себе тот альбом в торговом центре и слушала песни, лежа на полу в своей комнате. Я представляла себе, какие песни особенно нравятся Минди, каким она подпевала. Это было так странно. Я принесла диск в школу на следующий день, что не скрылось от взгляда Минди.

— Вау, Фиг наконец открыла для себя *Jewel*, — выдала она, закатив глаза. — Интересно, каким образом?

Послышался взрыв хохота от ее дружков. Мерзкие суки. Минди Малоун не владела правами на *Jewel*! Я уставилась перед собой и пропустила смех мимо ушей — самая верная стратегия против обидчиков. Притворилась, что они меня не могли задеть.

Я не знала, кем являлась. Я будто пробиралась сквозь копны выпавших волос, сломанных зубов. Большую часть времени мне было противно, но иногда на меня нападало мрачное восхищение, что я могу быть такой уродиной и существовать на этой планете.

Я жаждала, чтобы кто-то хотел меня. Эта жажда была огромной опухолью, которая с возрастом становилась еще больше. Меня разбирала скука, мелкие обиды и безволие. Я знала с самого начала — я никогда не прощу Минди Малоун за то, какой маленькой я себя тогда почувствовала, Джорджа — за то, как мало внимания он мне уделял. Джолин — за то, что у нее было все, о чем я могла только мечтать. Я наблюдала за людьми, и их желания становились моими. Я хотела все — все путешествия, всех мужчин, все внимание. Я была жадна до жизни. Я хотела приключений. Я хотела вскрыть свой череп и заполнить его опытом — хорошим, плохим, даже самым средним. Я не хотела проживать все это, жизнь может быть такой запутанной и утомительной, да и работа у меня была.

Взяв пачку сигарет, я устроилась на заднем дворе. Это были те же длинные, подобно ее пальцам, сигареты, которые мы курили с Джолин той ночью у нее. Я выкурила одну, затем другую, не затягиваясь. Я не хотела стать зависимой, просто хотела почувствовать себя как в ту ночь — волнующей и смелой. Такой, как Джолин.

Они собирались в отпуск во Францию. Джолин закончила рукопись и отправила ее издателю. Дариус принес домой цветы в тот день. Я смотрела как он заносит их в дом с глупой улыбкой на лице. Ему нравилось, когда она не пишет — так он мне говорил. Она

была более внимательной и счастливой. Я и сама это видела. Я принесла торт в качестве сюрприза. Джолин обожала торты-мороженое. Она радостно захлопала, когда увидела его, и, разумеется, пригласила меня войти.

— Как будем отмечать? — спросил ее Дариус.

— Хочу посмотреть ужастик. И все. Просто лежать на диване, есть торт, — она подмигнула мне, — и смотреть ужастик!

— Отлично! Этим и займемся, — сказал Дариус.

— Ты останешься с нами на фильм, Фиг? — спросила Джолин. — Только сначала я уложу Мерси.

— Конечно, — кивнула я. Ненавижу ужастики.

Мы так и не начали смотреть фильм. Дариус перебрал с алкоголем и начал разглагольствовать о Папе Римском. Когда Джолин напомнила ему об ужастике, он лишь отмахнулся и продолжил говорить, было уже далеко за полночь. В конце концов, она пошла спать, и я ушла. Она была не так уж плоха.

Джолин даже познакомила меня с ее друзьями-писателями, и я создавала для них сайты. Казалось, что, когда Джолин кого-то рекомендует, все считали должным прислушаться, готовя свои денежки. У меня были заказы аж до середины следующего года, что не могло не радовать.

Я наблюдала за тем, как она пакует чемодан за пару дней до их отъезда. Она сидела на ковре, скрестив ноги, окруженная кучами разноцветной одежды. Я завидовала ей. Я хотела поехать с ней, но она выбрала Дариуса. Я обратила все в шутку, но она серьезно посмотрела на меня и выдала:

— Я возьму тебя в нашу следующую поездку. Ты когда-нибудь была в Европе? Тебе обязательно нужно ее посетить. Европа изменит твою жизнь.

Я уже представляла, как мы вместе прогуливаемся по улочкам Парижа, когда она выпалила:

— Дариус хочет ребенка.

Она смотрела на пару джинс в ее руках, и я была этому рада. Если бы она посмотрела на выражение моего лица, то сразу бы все поняла.

*Какого черта?*

— В смысле ребенка?

— Вот так. Сказал, что хочет попытаться завести ребенка.

Ее голос был на удивление спокоен. Мои яичные роллы просились наружу, а она тут рассуждала о детях, как будто это то же самое, что в магазин сходить.

— Ты ведь не согласишься, да?

— Почему нет? Наверно, пора.

— Ребенок разрушит твою жизнь! Он думает, это так просто. Это не так. Это дополнительное давление на ваши отношения. Если ты думаешь, что это сейчас он отдалился, с появлением малыша ты узнаешь, что такое отдаленность.

Она уставилась на меня, медленно моргая. На мгновение мне показалось, что мир движется в замедленной съемке.

— Откуда тебе об этом известно, Фиг? — наконец спросила она. — Откуда тебе знать, что значит иметь ребенка?

— Я... я видела семьи друзей.

Она положила джинсы в чемодан и встала.

— У нас уже есть ребенок. Мерси, знаешь такую?

Я нахмурилась ее сарказму.

— Да, но она растет и становится самостоятельной. Разве ты хочешь начать снова?

— Так люди и делают. Они рожают детей и строят семьи.

*Да, но только не с тем, в кого я влюблена.*

— Мне пора. Хорошего отдыха, — бросила я.

— Я в этом не сомневаюсь, — в ее голосе был лед.

## **Глава 24. Карманник**

Я чувствовала — случится что-то плохое. Воздух вокруг меня был будто наэлектризован.

Было ли мне стыдно за мои слова? Не знаю. Я могла промолчать, но не сделала этого.

Может, мне просто было жаль, что я попала, что все кончено. Меня возбуждала опасность.

От Дариуса не было вестей, а мне было страшно написать первой. Вдруг он ей рассказал?

Что мне тогда делать? Моя работа ведь была связана с ней.

Я не находила себе места. Перестала есть. Просто сидела дома и представляла, что может случиться. Много пила.

Утром мне пришло сообщение от Дариуса, и я подскочила на кровати. Я пошла на кухню, поставила чайник, стучала кружками, чтобы казаться занятой. Я прочитала его сообщение, сидя за столом с чашкой чая в руках. Рука дрожала, наверно, надо поесть.

*Джолин ограбили. Нужна твоя помощь.*

Вначале я расстроилась, затем оживилась. Он обратился ко мне за помощью. Это означало, что он мне доверял и знал, что может на меня рассчитывать.

*Как я могу помочь? Что случилось?*

И немного позже:

*Я сделаю все, что смогу.*

Ее ограбили во время селфи с Эйфелевой башней. Где был Дариус, когда это произошло? Он сказал, что отвлекся и сам фотографировал. По словам Джолин, их окружили восемь девушек, а он выбрался из кольца и ушел, оставив ее с ними, даже не оглянувшись. Кому верить? Карьера Джолин вращалась вокруг историй, поэтому я была склонна верить Дариусу. Проблема была в деньгах. Воры забрали ее кошелек со всем содержимым и разбежались в разных направлениях, чтобы смутить жертву. Она не знала, кто именно залез в ее сумку.

*Почему вы не можете воспользоваться твоими карточками?*

*Я их заблокировал.*

*Почему?*

Он ответил после долгой паузы.

*Кредит на них был исчерпан. Я старался ими не пользоваться.*

Очень странно, но я решила не давить на него. Почему бы им просто не расплатиться по кредитам? Джолин вообще знала, что на них не осталось денег?

Я хотела его спросить, но это не мое дело.

*Что я должна сделать?*

*Перевести деньги.*

Черт. У него не было даже дебитовой карты. Что, твою мать, происходит?

*Хорошо. Скажи, куда перевести.*

*Джолин психует. Винит во всем меня.*

С какой стати это его вина, что какие-то отморозки решили сделать ее жертвой своей

группировки? Да и вообще, даже ребенку известно, что надо быть особенно внимательным в таком туристическом месте, как Эйфелева Башня. Я сильно сомневалась, что Дариус оставил ее отбиваться, окруженную ворами. Это на него совсем не похоже. Мне нужно защитить Дариуса от нее. Я знала, какова она в гневе. Бедняжка Дариус, он этого не заслуживает. Я схватила кошелек с кухонного стола и отправила ему сообщение, выходя из дома:

*Выхожу. Не волнуйся. Деньги на пути к тебе.*

## **Глава 25. Ложка**

Аманда и Холлис жили на Бейнбридж-Айленд, полчаса паромом до центра Сиэтла. Она пригласила меня в гости «в любое время», и в пятницу утром я позвонила и спросила об их планах на выходные. Я притеснений не терпела.

— Конечно, приходи, — ответила она быстро. Звучало так, будто она занималась спортом. — Я возьму вина, и можем остаться вечером дома.

Я записала адрес и занялась упаковкой дорожной сумки на одну ночь, забросив туда ноутбук в последнюю минуту. Меня трясло, когда я села в машину и приготовилась к путешествию на пароме.

Барбры сегодня было недостаточно. Я включала песни, напоминавшие мне о Дариусе, я составляла список с самой первой нашей встречи, и пыталась не думать об их отпуске с Джолин во Франции. Это ведь нечестно — даже не тот факт, что она была с ним, а не я, а то, что у нее было все — деньги, путешествия, одежда, восхищение сотен, если не тысяч женщин. Она не заслужила абсолютно ничего из этого списка. Я-то видела ее настоящую, в отличие от тысяч фанаток. Я была посвящена в скрытые от посторонних глаз минуты человеческого уродства. Если бы только они смогли хотя бы мельком взглянуть на настоящую Джолин Эйвери, они бы ей так не восхищались. Разумеется, у нее талант писательства. Я и сама стала жертвой ее слов, пожирая их, словно единственную правду на белом свете. Я даже делилась цитатами из ее книг в своем Инстаграме, взволнованная ее талантом видеть человеческую натуру. А сколько раз я представляла, как буду первой, кто раскроет всем большой секрет — она такой же человек, как и все!

Тут я услышала гудок парома и с удивлением осознала, что мы прибываем в порт. Мне нужно в туалет, а еще меня так и подмывало написать Дариусу и спросить, как у них дела. Я даже не достала телефон, чтобы проверить, не запосили ли они чего-нибудь нового в Инстаграме. Мне не стоило тратить время на этот фарс. Он ведь рассказал мне о том, как был несчастен, поэтому любые их посты в соцсетях — не что иное, как ложь.

Я купила стаканчик кофе на Мейн-стрит и отправилась рассматривать лодки. Мне не хотелось кофе, просто нужно было отвлечься. Мой мозг услужливо снабжал меня картинками безоблачного отпуска Дариуса и Джолин, пока мне не захотелось закричать от этой пытки. Сердце билось как бешеное, и я решила присесть. Я заметила рядом серебряную ложку. Чистая, абсолютно новая ложка, как будто только что из посудомойки. Она была совсем легкая, как будто пластиковой ложке придали дорогой вид.

— Боже мой, — прошептала я, внимательно изучая ложку. Это был знак. Я почувствовала теплоту на щеке, и, дотронувшись до лица, с удивлением поняла, что плачу. Я прижала ложку к груди, а слезы градом текли по лицу. — Знак, знак.

Однажды Дариус прислал мне историю, которую он сочинил для урока английского в старшей школе. Я распечатала ее и постоянно перечитывала. Его словарный запас впечатлял, а слова попадали со страниц прямо в сердце. Я пыталась найти особый смысл в этой истории о ложке. В конце концов я решила, что ложка символизирует его счастье. Мальчик

из рассказа случайно находит ложку и носит ее везде с собой, даже в самое сложное время в его жизни. Я пошла к своей машине с ложкой, крепко сжав ее в руке, убежденная продолжать жить и уверенная, что ничего не происходит просто так.

Аманда уже ждала меня у двери своего двухэтажного дома. Ее локоны чуть тронул ветерок, когда я прошла мимо нее. Я подумала о том, что именно из-за волос все и началось, и улыбнулась. Я скучала по Мерси, но старалась подавить в себе это чувство. Я ошибалась в Аманде. Поначалу она была со мной осторожна, но теперь всегда приглашает меня на их сборища.

— Привет, чудачка, — сказала она. Улыбки не последовало.

Был бы это другой человек, я бы восприняла это как укол в мою сторону, но со стороны Аманды это прозвучало очень мило. Я уже знала, что она редко улыбалась и была вся из себя осторожная, но расслаблялась после пары коктейлей. Однажды Джолин поведала мне, что Аманда способна любить так крепко, как никто из ее знакомых, но не растрчивала свои чувства на всех подряд.

Внутри дома я увидела огромные окна с потрясающим видом. Она предложила мне бокал сладкого муската в столовой, зная, что я люблю это вино, и начала готовить ужин, обмениваясь репликами со мной. Я ждала удобного случая, чтобы рассказать ей о ложке, и, наконец, не выдержала.

— Ложка? — повторила она, подняв одну бровь.

— Да! — ответила я, и достала ее из сумки.

— Что за ложка? — Холлис вошел в дом из гаража, по-доброму улыбнулся мне и поцеловал Аманду в щеку.

— Да так, чудачка нашла ложку, — она улыбнулась. *Улыбнулась!*

Я скорчила рожицу, пробуя вино. Холлис взглянул на нас так, будто мы обе сошли с ума, и стал расспрашивать меня о работе. Он мне нравился даже больше, чем Аманда. Он был идеальным мужчиной, идеальным мужем, и я частенько спрашивала себя, осознает ли Аманда, какой лакомый кусок она отхватила. У нас было одинаковое воспитание, и всякий раз, когда мы оставались в комнате наедине, один из нас начинал шутить о католическом детстве.

— Он несчастен.

Аманда и Холлис переглянулись.

— Почему ты так решила?

Это был не вопрос из жанра *«Расскажи нам больше — почему ты так решила?»*, а *«Зачем говорить такие ужасные вещи о нашей драгоценной Джолин?»*

— Он мне все рассказал. Она высокомерна и жестока, и совсем его не поддерживает. Поверьте, мне, они ссорились на моих глазах. Такое ощущение, что она всегда готова к ссоре. Она не такая, как вам кажется. Я знаю ее лучше, чем кто-либо другой.

Я достала телефон и показала им свои видео в качестве доказательства.

— Смотрите, — произнесла я, держа телефон перед ними.

Я внимательно наблюдала за выражением их лиц, когда они смотрели на ругающихся Дариуса и Джолин. Лицо Аманды ничего не выражало, но Холлис посмотрел в сторону до того, как закончилось видео. Ему было явно не по себе, и неудивительно — представьте себе, каково было мне, когда они начали орать друг на друга прямо на моих глазах.

— Все пары ссорятся, — сказала наконец Аманда. — Это не значит, что им не стоит быть вместе.

Ее голос принял защитную позицию, и мне хотелось закатить глаза. Когда дело касалось Джолин, все будто слепли. В этом и была проблема. Игнорируя свою горечь, я сказала себе, что не такая. Я была доброй, всегда думала о счастье других. И я не позволю, чтобы это *Шоу Джолин* испортило мою репутацию.

— Ты права, — сказала я Аманде, — но он сам сказал мне, что несчастен. Он сказал мне.

Я пыталась произнести последнюю фразу так твердо, как только могла.

Они оба притихли, смотря куда угодно, но только не на меня.

— Что ж, если это правда, то, возможно, путешествие пойдет им на пользу, — Аманда тихонько встала и отправилась на кухню проверить готовящийся ужин.

Я поняла, что моя миссия выполнена. Никто не хочет слышать правду. У них уже есть свои мысли на этот счет и любое отступление от них тяжело им дается.

— Он написал мне из Франции, во время их ужина, — бросила я вслед Аманде, — чтобы сказать мне, как он несчастен, каких-то пару часов назад. Ничего не изменится, когда они вернутся. Им не стоит быть вместе.

Холлис отправился в ванную, а Аманда медленно помешивала блюдо.

— Ты же понимаешь к чему я клоню, разве не так?

Мой левый глаз задергался в тишине. Я налила себе еще вина и смотрела на лодку, покачивающуюся на воде. Какое знакомое чувство, и все из-за Плохой Мамочки.

## ЧАСТЬ 2.

### Глава 26. Социопат

**Доктор Сьюз** (*прим. пер. — Dr. Seuss — американский детский писатель и мультипликатор, самый продаваемый детский писатель на английском языке*)

— У меня рак, — сказала она.

— Рак чего?

— Матки, — как ни в чем не бывало произнесла она.

Позже я узнаю, что это все часть игры. Ее лицо представляло собой собрание хорошо отработанных выражений. Лишь уставившись прямо в ее глаза можно было понять, что что-то не так. Безумный, расфокусированный взгляд. Глаза избегали прямого контакта, но обожали наблюдать. Они то уставятся, то отведут взгляд. Ее глаза напоминали мне маленьких птичек — не поймает, как ни пытайся. Но я об этом пока не имел ни малейшего понятия.

— Что ты об этом думаешь? — спрашиваю я. Можно было отделаться стандартной фразочкой вроде «мне очень жаль», но за ней следовали неуклюжие слова, неуклюжая тишина, быстра смена темы — или, наоборот, получалось их разговорить.

— Что есть, то есть. У всех рак. Рак — это как МакДоналдс всех болезней, он есть на каждом углу.

— Ты бесчувственная, — сказал я. Обычно люди либо отрицали это утверждение, либо соглашались.

— Наверно. А ты разве нет?

Я улыбнулся и покачал головой.

— Бесчувственность совсем не как МакДоналдс. Я предпочитаю чувствовать.

— Поздравляю, Доктор Сьюз. Чувствуй все свои чувства. Будь моим гостем.

— Тебя по-настоящему зовут Фиг или это сокращенное имя? — спросил я, уставившись на коктейль, который она мне только что сделала. Не моя жена, а незнакомка. Мир полнится

добрými самаритянами.

— Да, просто Фиг.

— Интересно.

— Да, однажды хорошо будет смотреться на памятнике.

Прежде чем я смог среагировать, она отбросила голову назад и разразилась горловым хохотом.

— Дариус — твое настоящее имя или просто аксессуар, чтобы казаться умнее? — спросила она, оправившись.

— Мое настоящее имя — Доктор Сьюз.

Она скорчила рожицу, и тогда я понял, что она либо пьяна, либо обкурена. Белки ее глаз были розового цвета. Глаза сумасшедшей, неспособные сфокусироваться.

— Мы все умрем, Доктор. Даже самые стойкие из нас.

Меня забавляло, что она уже дала мне прозвище, ведь мое имя само по себе необычное. Я прислонился спиной к забору и смотрел, как она садится на стул и расстегивает свои сандалии. На ней был весьма странный наряд — рождественский свитер, одетый на топ с низким вырезом и леггинсы. Когда она наклонилась, моему взору открылась верхняя часть ее маленькой груди в лифчике кремового цвета.

— Ноги ужасно болят, — объяснила она. Она встала, повернув голову в сторону, чтобы посмотреть на меня. Она была совсем мелкая. Таким девушкам каблуки нужны, чтобы стать нормального роста.

— Не суди мой рост, — съязвила она.

Я был впечатлен — я все замечал даже под ее диким взглядом.

— Ты миниатюрная. Это не осуждение, а простое наблюдение.

Можно многое рассказать о человеческой психологии по любимым фильмам. Как следствие, таким был мой следующий вопрос. К тому времени, когда она закончила перечислять все, девчонки звали нас из дома и у меня не было времени на ответ. В ту же ночь я пересказал их Джолин.

— «Страх», «Рука, качающая колыбель» и «Одинокaя белая женщина».

— Получается, ей нравятся триллеры, — заметила Джолин. — Нам обязательно сейчас об этом разговаривать? Я пьяная.

Она не была пьяной. Джолин никогда не напивалась. Ей было весело, но ей нравилось сохранять контроль над своими действиями.

— Или она психопатка и соотносит себя с ними, — бросил я.

Она закатила глаза.

— А может, это ты псих и все валишь на нее?

Я откинулся на подушки, положив руки под голову.

— По крайней мере сейчас я знаю, что ты меня слушаешь.

Я ухмыльнулся.

Джолин не купилась на всю эту психологическую *абракадабру*, как она ее называла. Каждый раз, когда она это говорила, мне казалось, что она не воспринимает меня всерьез. Забудьте о тех восьми годах, которые я провел, убиваясь над докторской, о диссертации размером в восемьдесят тысяч слов — все это лишь абракадабра. Было неважно, что я говорил, ведь если Джолин решала кого-то полюбить, весь здравый смысл вылетал в окно. Я был главным примером этому. Ни один человек из всех живущих не мог отговорить ее. Хорошее отношение к дебилам всегда заканчивалось по-дебильному, но она принимала

людей без единого вопроса. В нашей абракадабре мы называем это попустительством.

Но вернемся к фильмам. Самым любимым фильмом моей жены был *«Дом из песка и тумана»* — депрессивное начало, депрессивный финал, и куча всего депрессивного в середине. С Джолин все было о действиях и их последствиях. Она видела людей эдакими сломанными поездами, сошедшими с рельс, с кучей вагонов и неспособных двигаться дальше. Не знаю, когда она решила стать проводником, но в этом ее заслуга — она помогает поездам снова встать на рельсы. Я уважал ее за это, но на этот раз мне казалось, что стоит ее предупредить.

— Она сказала мне, что у нее рак, — сказал я, пробежавшись пальцем по ее ключице.

— *Что?* Ты это серьезно?

Она резко села в кровати.

— Почему она мне ни слова не сказала? С ней все в порядке?

Я лег на спину и уставился в потолок.

— Не знаю. Почему она рассказала мне?

— Ты психотерапевт, у тебя аура особая.

Я рассмеялся. Ей нравился мой смех. Она снова легла и прижалась ко мне, целуя мою шею.

— Ей одиноко и, наверно, страшно. Я поговорю с ней. Нужно ей помочь.

Черт возьми. *С новым днем приходит новый проект.* Я так зарабатывал себе на жизнь, а Джолин занималась этим в свободное от работы время. Это нас и привлекло друг в друга. Я хотел изучать людей, она хотела им помогать. Но когда она занималась новым проектом, он проникал во все сферы нашей жизни. Я же оставлял свою работу в офисе.

— Ты не слишком впутывайся в это. С ней что-то не так. Ты подписана на нее в Инстаграме?

— Да, но какое это имеет отношение к тому, что с ней что-то не так?

Она явно не принимала меня всерьез. Забудем о том, что у меня докторская степень в абракадабре, забудем о том, что я пытаюсь ее предупредить.

— Я пролистал ее профиль до ее фото, когда она только переехала. Когда вы познакомились, она стала ставить маленькие белые коробочки вокруг фотографий, совсем как ты.

— Значит, шпионишь за ее Инстаграмом?

— Я всего лишь пытаюсь тебя предупредить, — сказал я. — Ты слишком легко доверяешь людям.

Я уже видел, что проигрываю. Со своим талантом управления словами Джолин могла опровергнуть любое самое логичное утверждение.

— Хорошо, вот она подписалась на меня и ей понравился мой стиль, — она отодвинулась от меня, совсем позабыв о моей шее.

— Ты выложила фотографию своих кроссовок, и день спустя она выкладывает свои. Ты пообедала в ресторане, и день спустя она идет туда.

— Я хочу спать, — сказала она, выключая лампу на ночном столике. — Давай пока не будем называть Фиг сталкером. Вы ведь только познакомились.

— Сталкер... — прошептал я. — Сталкер... Сталкер... Сталкер...

## Глава 27. Кое-что покрепче

Я постучал ручкой по своему желтому блокноту и подавил зевок. Сегодня понедельник, в кресле пациента сидела Сьюзан Норинг, которую я про себя прозвал

Скучной Сьюзан. На вид лет тридцать пять, неестественный блонд, тонкие губы... Совершенно не на чем задержать взгляд, пока я делаю вид, что слушаю ее бурчание. На ногах коричневые мокасины. Сьюзан признавала только два вида обуви — мокасины и белые кеды. Последние всегда были идеально белыми, даже на подошве ни одного пятнышка. В этом была вся Скучная Сьюзан — никуда не ходила, ничего не делала, даже не могла решиться добавить цвета своим кедам. Она приходила один раз в неделю и оставалась в холле после сеанса, держа в руках все ту же чашку кофе, с которой пришла. Интересно, было ли в той чашке что-то кроме кофе, но от нее никогда не пахло алкоголем. Моя секретарша считала, что ей просто было любопытно посмотреть на других пациентов, но я уверен, что поход к психотерапевту был для нее событием недели.

Пришел мой черед задавать вопросы.

— Как вы думаете, почему вы это чувствуете?

Этот вопрос означал, что они продолжают говорить последующие минут десять, до самого конца сеанса. Еще два клиента после нее и привет, выходные.

— Я чувствую, что меня осуждают — что бы я ни делала, куда бы ни пошла.

Она начала трагично заламывать руки, как и всякий раз, когда мы начинали разговор об осуждении. Я сомневался в правдивости ее историй, ведь непонятно, за что ее осуждают. По-настоящему интересные люди открывают простор для этого, но Сьюзан никогда не плыла против течения. Впрочем, сомневаться в ней — не моя работа, от меня требуется лишь слушать и подсказывать.

— В отношении чего вас, как вам кажется, осуждают?

Сьюзан снова заломила руки и вперила в меня свои большие влажные глаза. Их выражение всегда было удивленным, и сразу вспоминалась Фиг. Сьюзан не могла похвастаться умом, как наша новая соседка. Немного воображения — и дело в шляпе.

— Я чувствую, что меня недостаточно. Я вижу это во всем — как они смотрят на меня, что говорят.

— А может, вы просто проецируете на них собственные слабости?

У нас уже был этот разговор. Она никогда не признавалась, и ей даже удавалось сменить перспективу на какое-то время, но разве здоровые люди ходят к психотерапевтам? Найти личностные расстройства — намного сложнее, чем поймать Санта Клауса, спускающегося по дымоходу.

— Все так и есть. Я чувствую, что меня недостаточно, — удрученно произнесла Сьюзан.

— Для кого? — спросил я, положив ногу на ногу. Психологам нужно излучать спокойствие, но мне обычно сложно усидеть на месте.

— Для себя!

— А, ясно.

Я бросил взгляд на часы с виноватой улыбкой, будто мне ужасно жаль, что время вышло. В моих часах даже батареек не было — они мне были нужны в качестве реквизита. Сьюзан тоже выглядела виновато. После этого она еще долго рылась в сумке в поисках ключей от машины, прежде чем выйти из моего офиса. Интересно, сколько раз она мастурбировала, представляя меня. Я представил ее тонкие бледные пальцы в скучном влагилице Скучной Сьюзан. Мне оставалось только ее поманить, и она откроется для меня, как цветок. В качестве дополнительной услуги могу даже немного испачкать ее безупречные кеды.

— Вот мой личный номер телефона, — сказал я, загибая угол блокнота. — Можете

написать сообщение в любое время, когда вам станет особенно невыносимо.

Я резко поднял голову, будто меня это волновало.

— Вы согласны? Я не хочу, чтобы вы подумали...

— Нет-нет, — ответила быстро она, не спуская глаз с номера телефона. — Отличная идея!

Она переживала, как бы я не передумал.

Я оторвал уголок блокнота и протянул его Сьюзан. Ее пальцы, как маленькие голодные свинюшки, вырвали бумажку из моих рук и поспешно зачихнули ее в передний карман. Она ни за что ее не потеряет, не постирает случайно вместе с джинсами. Она сядет в машину, достанет бумажку и сохранит мой номер в телефоне, уже думая о первом сообщении. Что-то вроде «Огромное спасибо за то, что дали свой номер. Отправляю вам сообщение, чтобы у вас был мой». Она удалит текст сообщения, перепишет его три раза, переставляя слова и размышляя о том, как звучать непринужденно. Что отправить, чтобы получить гарантированный ответ? После секса она покажется мне интересной, и уже будет совершенно наплевать на тех мамочек с тренировок ее сына, осуждающих ее. Она станет женщиной с секретом, а они западали на ощущение тайны. Мне это тоже нравилось.

Я выпроводил Сьюзан и увидел в холле всклокоченную и уставшую Лесли. С Лесли было весело. У нее были потрясающие ножки и огромные сиськи, которые я так часто представлял. Я уже было позвонил ей, когда получил сообщение от Фиг.

*Твоя жена пригласила меня на ужин сегодня. Она звучит несколько перевозбужденной. Мне принести вина или чего покрепче?*

Я зашел обратно в офис и закрыл дверь. Ха! Джолин была перевозбуждена. Я ходил по дому на цыпочках, надеясь, что она на меня не наорет. Она зверела, когда дописывала книгу. Все становились для нее лишь неудобством.

*Для нее или для нас?*

*Ха! Нас, наверное.*

*Тогда неси чего покрепче. Напьемся, и градус будет уже неважен.*

Она отправила стикер с большим пальцем вверх.

Мне нравилась химия между нами. С ней было так легко. Я понял, что она психопатка, в самую первую нашу встречу. Она была очаровательна, покладиста, и жаждала расположения. Не могла она всегда быть такой простушкой. В какой-то момент швы начинают расходиться, но пока что я считал ее своей союзницей. С ней можно быть в сговоре против Джолин.

Иногда я чувствовал себя виноватым за то, что выставляю Джолин такой злодейкой. Как человек она намного лучше меня, но все люди должны чувствовать себя чем-то связанными... чувствовать поддержку. Фиг в этом плане подходила на все сто. Она была страшно помешана на Джолин, хотела стать ею и бесилась, что это ей не дается так уж легко. Их отношения были неустойчивы. Фиг всегда старалась переплюнуть мою жену, которая с радостью подтверждала ее победу. Это дико злило Фиг. Если уж она выигрывала, она жаждала войны.

Пришло сообщение от Сьюзан Норинг. Фотография ее сисек. Так, так, так... Признак свою неправоту. Кто бы мог подумать? Наконец на ее безупречных кедах появилось пятно. Так держать, Сьюзан.

*Ничего себе. Они потрясающие!*

Я отправил фотографию на свою электронную почту, удалил ее с телефона и открыл дверь Лесли.

## Глава 28. Неудачники

Было разбирательство в суде, которое почти стоило мне работы. Я отказывался в это верить, как меня угораздило связаться с той, которая засудит меня за разбитое сердце? Женщины не очень дружат с головой, как оказалось.

Я подумал об аквариуме в приемной, мягкие серые стулья, которые мы выбирали с Джолин, и представил, что всего этого больше нет. Мне стало дурно — все, что создавалось таким трудом, исчезнет, и все из-за слабеньких обвинений какой-то злобной девки. Мэйси Кубрика пришла в мой офис, источая запах киски. Я сразу подумал — *Да она небось только что мастурбировала!* Я хотел понюхать ее пальцы, чтобы убедиться в собственной правоте. Она сразу привлекла меня своей ранимостью и большими сиськами. Она постоянно облизывала губы, когда говорила. Я пытался сосредоточиться на нашем сеансе, но вместо этого представлял ее киску на своем лице. Она была учительницей, рожденной с деформированной конечностью. Я и не заметил сначала, что ее правая рука не была полноценной. Она всегда носила мешковатые свитера с длинными рукавами. Она однажды сама упомянула свой дефект и показала свою, как она выражалась, *культю*. Она благодарила мать, что та не сделала аборт.

— Твои родители священники. Почему ты думаешь, что они рассматривали аборт?

— Они не думали об этом. Но родился я в другой семье, возможно, *там* все было бы иначе.

Верно.

Она была рада, что живет — это качество было необходимо всем нам. Я говорил ей, что ее правая рука никак не уменьшает ее достоинства, и ее глаза загорались. Наш роман начался, когда Мэйси стало настолько комфортно со мной, что она решила вылезти из своих свитеров. На наши сеансы она стала приходить в коротких топах и прозрачных блузках, сквозь которые просвечивались ее темные соски. Однажды, когда на ней была юбка, она села напротив меня, раздвинула ноги так, что мне стали видны ее розовые трусики и попросила о встрече в отеле поблизости. Мой член встал настолько, что мне стало больно.

Я думал, что мы с Мэйси были одинаковых взглядов: встречались, трахались подобно гимнастам, обменивались фото в промежутках между встречами: мокрые пальчики, стоящий член в моей руке. Словом, нам было весело. Я и не думал о том, что у нее только одна рука. Ее киска была тугой, она стонала как шлюха. В один прекрасный момент она все испортила, потому что захотела чего-то большего, чем секс. Я никогда об этом не заикался. Да и что это вообще такое: *что-то большее?* Отношения? Ребенок? Домашние вечера за просмотром нашего любимого сериала? У меня уже было *что-то большее*, но мне хотелось чего-то еще. Нужно было знать, что все так закончится. Женщина, считающая себя сломленной, нашла мужчину, который не обращал внимания на ее физический недостаток и считал ее сексуальной. Отвергнув ее, мужчина разбудил ее неуверенность в себе, и заставил ее думать, что она и в самом деле слишком уродлива, слишком сломлена, чтобы любить ее. Что ж, я оплошал. Мэйси повесила трубку, когда я признался, что между нами все кончено. Последовали угрозы через сообщения. Я отменил все мои сеансы, отправил секретаршу домой, и стал мерить шагами кабинет, пытаясь решить, что делать дальше. Я заметил, что одна из рыбок в аквариуме плавала брюхом вверх — плохой знак. Я избавился от нее, прежде чем кто-либо смог ее увидеть.

Я рассматривал шантаж. Отец Мэйси был священником — что он подумает, когда узнает, что ее дочь трахалась с женатым мужчиной? Но она меня опередила, подав иск о

врачебной ошибке. Для нее месть была дороже репутации. Бумаги были отправлены в офис, но Джолин еще ничего об этом не знала. Конечно, это был лишь вопрос времени. Моя жизнь стремительно приближалась к концу. *Тик-так*. Я подумал о Мерси, о том, как любил ее, несмотря на то, что она не моя дочь. Я хотел воспитать ее как свою и уверен, что именно из-за этого Джолин влюбилась в меня. Я присутствовал при ее рождении, на всех ее днях рождения, я был рядом в каждый момент ее маленькой жизни. Я назвал ее Мерси (*прим. пер. mercy — милосердие, сострадание*), потому что так я чувствовал себя рядом с Джолин — у меня было то, чего я не заслужил, но как же я любил их обеих! Я закрыл офис, включил сигнализацию и направился в ближайшую кофейню. Фиг уже была там. Рядом с ней был ноутбук и нетронутый яблочный пончик. Заметив меня, она улыбнулась и указала на соседний стул.

— Привет, Доктор Сьюз! Небось вылечил кучу людей сегодня?

— Людей не вылечишь, глупый ты зайчик, — я подвинул пончик к себе, отломив кусочек. Большинство считает, что у меня непереносимость глютена, но сегодня мне наплевать. Разве это важно, когда твоя жена скоро узнает, что ты не сдержал свадебных клятв?

Фиг уставилась на меня. Я откашлялся.

— Вкусно! — я указал на пончик.

— Что случилось? Ты ведешь себя ну точно как я.

Я слизнул сахар с большого пальца и посмотрел на нее. Вот и доказательство того, что наша сумасшедшая осознает свое поведение. Неумение себя вести и точное восприятие настроений нравились мне в Фиг больше всего. Она назовет тебя безумцем, в то время как сама выжила из ума. Меня это заводило. А вот ее глаза в стиле Луни Тюнз (*прим. пер. — Looney Tunes — анимационный сериал студии Warner Bros, а также группа мультипликационных персонажей, их изображают с большими глазами*). Боже, ну до чего жуткое зрелище! Ты уже почти представляешь, как трахаешь ее, пока не помотришь в ее глаза. Точно такие же, как я наблюдал у сумасшедших во время моей стажировки в психушке. Мой приятель Майк сказал бы: «Просто надень ей мешок на голову».

— Просто странный день. У тебя бывает такое, что ты одновременно являешься и не являешься частью чего-то?

— Естественно! — покачала она головой. — Каждый день, сколько себя помню.

Она рассмеялась.

— Мы просто два неудачника, правда, Фиг?

Ей явно нравилось это сравнение. Наверняка дома она будет повторять его про себя. Выгравировает эту фразу на рождественском подарке.

— Да... — протянула она смиренно. — Ты будешь это есть?

Она указала не на пирожное, а на обертку от соломинки. Совсем немногие знали о моем извращенном аппетите. Я мог есть нитки от диванных подушек, маленькие пластиковые штучки, с помощью которых крепили бумажные этикетки к одежде, пластыри, мягкие пластиковые колечки вокруг горлышка фляг с молоком. Моим фаворитом были зубочистки. Я за один раз мог сожрать целую упаковку.

Я взял обертку, свернул в маленький шарик и, к ее удовольствию, засунул в рот и начал жевать.

— Черт, это так странно!

Я пустился в воспоминания о том, как съел целый родительский диван, когда мне было

шестнадцать. Мне потребовался целый год, но я это сделал. Я рассказал Фиг, потому что та была без ума от моих историй. А мне нравилась сама Фиг. С ней я был не таким странным, потому что я не шел ни в какое сравнение с мисс Коксбери. По крайней мере, я никого не преследовал.

## Глава 29. Глупышка

Моя жена глупа — звучит грубо, но именно это мне в ней больше всего нравилось. Она вышла за меня, так? Эта идея была очевидно глупой. Старик Синатра был прав, когда пел *«Как жаль, ты мне нужна. Я знаю, что это неправильно, это и есть неправильно. Правильно или нет, я не могу без тебя жить»*.

Джолин не заводила друзей. Друзья появлялись — она открывала свои объятия и впускала их с улыбкой. Она напоминала мне счастливого алкаша в каком-нибудь клубе, с ее любовью ко всем и доброжелательностью. Алкоголь не разбавлял цинизма, как это бывает у всех нас, она правда любила. Как странно! Я едва мог терпеть себя, не говоря уже о незнакомцах. Она однажды призналась, что, если бы не ее опьяненность жизнью, она бы разглядела, каковы люди на самом деле и скрылась ото всех. Она видела потенциал других, ее глаза загорались. По-сто-янно! Она и понятия не имела, что люди — пираньи. Она не знала, кем я был на самом деле. Не тем, кем я был для нее, а другая моя сторона. С ней я был идеален, а персонаж, который трахал уязвимых, почти сломленных женщин, был совершенно другой историей. Они не были знакомы лично, но Джолин была наслышана о нем от моих бывших.

Фиг Коксбери была ее последним проектом, как и моим. Под конфетным экстерьером скрывались пять слоев гнили. Джолин была ослеплена любовью и не видела последнего. Меня-то и привлекала гниль. Надо было лишь посмеяться над ней.

Сладкая Фиг стала еще одним предметом мебели в нашем доме. Мне жутко не терпелось увидеть, что из всего этого выйдет. Джолин всегда говорила, что нельзя вписать трех сумасшедших в историю и не раскачать их мирки. В настоящий момент она не была ничем, кроме безделушки. Ее можно переставлять из комнаты в комнату, но она все так же пялится на тебя. Иногда она сидела на кухонном столе, покачивая ножками, бросая колкости быстрее, чем готовил кухонный комбайн Джолин. А иногда она уже уходила, когда я возвращался с работы, проносясь мимо меня разъяренной фурией или останавливаясь, чтобы поздороваться. Взлеты и падения, падения и взлеты. А потом я все это яростно обсуждал с женой. Ее психическая неустойчивость становилась особенно очевидной в соцсетях.

— Ты публикуешь черно-белое фото, она делает то же самое. Ты повязала бандану на запястье — и у Фиг она появляется.

Джолин уже посмеивалась, а я ведь еще не упомянул, что из пяти ресторанов, в которые мы ходили в этом месяце, Фиг побывала в четырех — меньше чем через сутки после наших визитов. Даже для меня это было слишком, а я ведь сталкиваюсь с таким поведением каждый день на работе. На моем диване побывали мирные, скучающие сумасшедшие, а вот сталкеров там давненько не было. Эти и не подозревают, что нуждаются в помощи.

— Да брось ты! Я могу зайти в любой профиль в Инстаграме и найти похожие фото.

Я пожал плечами. Нельзя заставить другого человека увидеть правду.

— Может быть, — согласился я, — но у них не будет такой же банданы, как у тебя, на том же самом месте.

Джолин нахмурилась.

— Эй, у меня хороший вкус!

Иногда я спрашивал себя, принимает ли она хоть что-то всерьез, или жизнь была для нее одним большим экспериментом.

Я знал Фиг. Я наблюдал за ней, пока она наблюдала за нами. Будучи психотерапевтом, я имел привычку ставить диагнозы людям, едва встретившись с ними взглядом. Фиг, смешная, редко смотрела людям в глаза, таков был ее эффективный механизм защиты. Как-то я упомянул, насколько она веселая, и Джолин подняла одну бровь.

— Она ничего особо смешного мне не говорит!

Тогда я понял, что Фиг держит себя по-разному с разными людьми. Для меня она была легкомысленной с ноткой ностальгии. Она слушала истории, которые Джолин запрещала мне кому-нибудь рассказывать, переиначивала мои шутки. Для моей жены она была слушателем, особенно во всей этой истории с Райаном. Они ходили вместе в колледж, и вот недавно он появился будто из ниоткуда, и пошел дальше, чем просто знакомый. Не знаю, откуда об этом прознала Фиг, но она спрашивала Джолин о нем каждый день. Она жаждала узнать, написал ли он и о чем. Она давила на Джолин, чтобы та рассказала, как он выглядит, о его характере, биографии. Я следил за всем с iPad Джолин, который был подключен к ее телефону. Это был мой подарок на Рождество. Новинка была ей интересна где-то с неделю, прежде чем потерялась в стопках бумаг на ее рабочем столе. Она предпочитала читать настоящие книги вместо электронных, а все необходимое она могла делать при помощи телефона и ноутбука.

Но мне повезло — я будто сидел в первом ряду кинотеатра, наблюдая разговор жены с соседкой о парне, на которого она хотела бы записать десяток лет назад, но не запала. За десять лет до меня. Я читал их переписку во время обеденного перерыва, поедая йогурт, купленный Джолин, и пролистывал их сообщения. Фиг и Джолин — сообщения Джолин и Райана были невозможно скучны. Он был весь из себя джентльмен.

*Фиг: Ты только посмотри на его губы! Небось отлично целуется!*

*Джолин: Может, они слишком мягкие.*

*Фиг: Боже мой, да признай уже — он горячая штучка!*

Я уронил йогурт на телефон и не увидел ответ Джолин. Пришло время для следующего клиента.

### **Глава 30. Подтянутая Фиг**

— То есть, ты это признаешь?

— Нет, — прошипела она, — ничего я не признаю.

В ее резком взгляде я прочитал, что мне следует заткнуться, что я и сделал. Я предоставил ей возможность самой все увидеть. Разгадка была на улице Уэст Барретт. Я вспомнил все фильмы о Фредди Крюгере, фильмы Майкла Майерса, которые смотрел. У всех сумасшедших с твоей улицы всегда когти и страшные лица. А у той, что с улицы Уэст Барретт, маникюр и гардероб моей жены.

Мы стояли у окна в гостиной с видом на дом нашей странной соседки. На улице было холодно, даже от окна веяло льдом. Пяти минутами раньше мы ссорились относительно Фиг за обеденным столом. Слишком много вина, да и я так был на взводе после угроз с иском. Джолин настаивала, что Фиг просто никто не понимал. Я же утверждал, что она чокнутая. Не знаю, почему мне было так важно показать ей фальшь Фиг, но я поставил свой бокал на стол и попросил ее проверить свои шаги в приложении Fitbit.

Пару недель назад мы примкнули к пользователям Fitbit, чтобы скинуть пару килограмм к лету. Джо и я, Аманда и Холлис, Гейл и Люк, и, разумеется, Фиг. Мы соревновались между

собой, заносили свои шаги в телефоны вечером. Так мы могли видеть, кто впереди, и продолжать наматывать километры. В конце недели объявлялся победитель, все его поздравляли — кто-то с большим энтузиазмом, кто-то с меньшим — и снова принимались бороться за победу. Наше соревнование работало — я уже потерял чуть больше 2 килограмм.

Джолин, вечно занятая личность, которая никогда не сидела, разве только, чтобы написать роман, любила всех нас пристыдить, проходя вдвое больше шагов уже к обеду. Единственным ее конкурентом была Фиг, похудевшая килограмм на 15 с нашего знакомства. Во время нашего первого соревнования я заметил, что Фиг записывала свои шаги буквально секундами позже Джолин, будто проверяя, опередила ли та ее или нет. Если Джолин лидировала, то свет в гостевой спальне Фиг горел, пока она не обгоняла Джолин. Если Фиг отставала во второй половине дня, то обычно она отправлялась на пробежку по району, с выражением крайней решимости на лице. Я видел, как за день она могла бегать по четыре раза, лишь бы обогнать Джолин. Все знали, что у женщин развит соревновательный дух, но Фиг вывела это на новый уровень психически больного человека. Я ни в коем случае не винил ее. Отсутствие соревновательного духа у Джолин меня ох как злило. Все из кожи вон лезли, чтобы выиграть, она будто не делала никаких лишних усилий. Она узнавала от меня о своих победах, и вместо ликования она лишь бросала «*Круто!*» и продолжала заниматься своими делами.

К моему удивлению, допив вино, она согласилась безо всяких вопросов.

— Напиши всем в групповом чате, что идешь в постель.

Она отправила сообщение, и мы подошли к окну и стояли, наши пальцы переплелись, а ее дыхание пахло вином Мальбек.

Я приоткрыл жалюзи двумя пальцами, и она прислонилась к окну, сосредоточенно смотря вдаль. Я чувствовал ее запах, ее духи с ароматом розы на коже. Мой член вставал, стоило мне только вдохнуть ее аромат — так было с самого дня нашего знакомства. Я посматривал на нее, следя за выражением ее лица. Сейчас, сейчас она все увидит, а я буду прав.

— Вот! Ха! А ты мне не верила! — я торжествующе захолопал.

Она сжала губы и часто заморгала, не веря своим глазам. Затем со вздохом снова наклонилась вперед и посмотрела сквозь щелку в жалюзи. Я торжествовал. Мне было все равно, что я оказался прав, просто было радостно, даже от такого мерзкого повода.

Мы смотрели, как Фиг вышла из дома. На ногах красовались кроссовки для бега, волосы были забраны в хвост. Она наклонилась, чтобы проверить шнурки, потянулась, бросила взгляд на наш дом. Джолин взвизгнула, и мы оба грохнулись на ковер, умирая со смеху. Глаза Джо сверкали от счастья, когда она взглянула на меня. Мы разделили момент, и, смотря на нее, я думал, что никогда не любил кого-либо так сильно. Я улыбнулся и поцеловал ее пальчики. Она посмотрела на наши переплетенные руки и нахмурила бровь.

— То есть, ты хочешь сказать, что с самого начала наших соревнований она хочет меня обойти? Меня — не Аманду, Гейл или тебя?

— Да, что-то вроде того. Ей нравится выигрывать, но ты — самая важная персона, которую нужно обойти. Она помешана на том, чтобы быть на шаг впереди тебя. Она вообще помешана на тебе, но быть на шаг впереди предмета своего помешательства для нее важнее всего.

— Черт, это так странно.

Она отвела взгляд в сторону. Я видел, что ей было не по себе. Джолин ни с кем, кроме

себя самой, не соревновалась. Это и раздражало больше всего в уверенных в себе людях — они не играли в ваши игры.

Она повернулась к окну, но сейчас там не было ничего, кроме дождя.

— Как часто она это делает, когда я лидирую по количеству шагов?

— Она ждет, пока ты занесешь свои шаги в телефон, что обычно бывает достаточно поздно, где-то около 9. Потом она либо занимается на беговой дорожке, либо выбирается на пробежку. Каждый раз.

— Но я-то все равно впереди!

— Да, и это самое смешное.

Как только Фиг скрылась из виду, Джолин вышла из комнаты.

— Ты куда?

— Ты шутишь? Пойду покажу ей, кто тут хозяин.

Еще через пару минут я услышал шум беговой дорожки и ритмичные шаги Джолин. Я улыбнулся. Вся наша жизнь — игра. Прикольно, когда ты — один из активных участников.

### **Глава 31. Металлик**

— Пожалуйста, не проси ее прийти завтра, — попросил я.

Мы были в спальне. Джолин расчесывала волосы перед зеркалом — часть ее вечернего ритуала. Я смотрел, как расческа проходит по всей длине волос, до самых кончиков. Обычно меня это успокаивало, но только не сегодня. Она пробежала восемь километров на беговой дорожке, закрепив свою победу и наверняка доведя Фиг до белого каления.

Фиг частенько жаловалась в сообщениях на Джолин. Естественно, все было в достаточно легкомысленном и игривом духе, чтобы не расстроить мужа, но я чувствовал ее презрение под скрытностью. Я набросил одеяло на колени. Я уже снял трусы, но вдруг мне стало совершенно не до секса.

— Ей сейчас нелегко, — сказала Джолин, положив расческу и повернувшись ко мне. — Мне кажется, она подумывает о самоубийстве. Она часто выкладывает фотографии железных дорог.

— Она манипулирует тобой, — мой член упал. Я уже мастурбировал дважды после фотографии, которую прислала мне Фиг. Видимо, у меня больше нет былой энергии.

Джолин не стала это отрицать и спорить. Вместо этого она принялась приводить порядок в комод, не обращая на меня внимания. В этом вся она — даже если ты абсолютно съехал с катушек, ей все равно не наплевать. Добро пожаловать в брак с потакателем. Я похлопал рядом с собой, и она присела. Ее халатик распахнулся, и моему взору предстали ее загорелые ноги. Мой член затвердел. Поглаживая ее татуировки, я снова заговорил.

— Каждый раз, когда ты ее приглашаешь на ужин, она остается до трех утра, — я не упомянул, что мне приходится сидеть с ней в гостиной, когда она уходит спать. Джолин терпеть не могла, когда я ною.

— У нее нет понимания границ, — я имел в виду большее, чем ее долгие посиделки в нашем доме. — В последний раз Холлис спросил меня, во сколько мы обычно ложимся, а она ответила за меня.

— Ты шутишь? — спросила она. Она была одновременно напугана и позабавлена. В отличие от меня.

— Она сказала Холлису, что мы ложимся между одиннадцатью и двенадцатью, а на мой удивленный взгляд сказала, что окна наших спален находятся прямо напротив друг друга, и она видит, когда мы выключаем свет.

Джолин покачала головой.

— Она так же ведет себя со мной, особенно, когда я приглашаю подруг.

— Она купила платье, как у тебя. Новое. Я видел ее в этом платье вчера.

— Господи. Чудесненько... — вздохнула она.

— Скажи ей, если тебя это беспокоит.

Она покачала головой.

— Нет. Ее психическое здоровье очень хрупкое. Если она хочет меня копировать, да ради бога! Думаю, все это лишь в моей голове в любом случае. Может, у нас просто общие вкусы?

— Я могу доказать, что это не просто у тебя в голове.

— Как? — она скептически посмотрела на меня.

— Помнишь, на прошлой неделе, когда все были у нас на ужине, мы упоминали, что покрасим столовую? — Джолин кивнула. — Она все спрашивала — в какой цвет? В какой цвет? А ты ей так и не ответила.

— Так...

— Выложи в Инстаграм фото любого сумасшедшего цвета, который трудно достать. И пусть это посмотрится, будто это твоя стена.

Она скорчила рожицу и покачала головой.

— Хочешь, чтобы я с ней в игры играла? И где это нормально?

— Я хочу показать, насколько отчаянно она хочет быть тобой.

Я взял ее телефон и положил в ее руки.

— Почему ты это делаешь? За что так ее ненавидишь?

— Я не ненавижу, а просто стараюсь тебя защитить.

— Правда? Меня ли ты стараешься защитить?

Я усомнился в себе. Мне пришлось собраться и попытаться ее убедить. Только разоблачения мне сейчас не хватало. Я просто хочу правильно поступить.

— Я твой муж, и такая у меня работа.

— Я в курсе, — она слабо улыбнулась. — Но ты женился на мне, потому что я та, кто не нуждается в защите.

Я никогда ей об этом не говорил, но так и было на самом деле. Мои последние отношения закончились, потому что девушка стала требовать слишком много внимания. Иногда я забывал, как много видит Джолин.

— То есть ты предпочтешь, чтобы мне было наплевать? Разве не из-за этого ты злилась на Рея? — я прекрасно понимал, что нанес тяжелый удар. Рей был биологическим отцом Мерси. Она ушла еще до рождения Мерси. Он живет на Аляске и никак не участвует в жизни девочки.

— Да, — призналась она. Ее глаза врезались в меня. Она что-то почувствовала? Я знал этот взгляд. — Ты так себя ведешь, когда хочешь меня отвлечь.

Кажется, я побледнел, а там кто его знает. Я чувствовал, как кровь отлила от головы. Она все видела — за это я ее и любил.

— Ты о чем?

— Я обвиняю тебя, а ты меня. Типичный Дариус, — она отправилась в ванную чистить зубы.

— Ты можешь хоть обжиматься с ней, мне все равно. Сделайте себе одинаковые тату — это твоя жизнь! Конечно, зачем верить психотерапевту, который говорит, что твоей новой

подружкой управляют далеко не самые искренние побуждения.

— А что, если я уже знаю об этом? — она нагнулась над раковиной и выплюнула зубную пасту.

Моя жена меня пугала. Мой член снова затвердел.

Снова зайдя в спальню, она протянула мне свой телефон.

— Играй в свои игры. Посмотрим, прав ли ты.

Как спокойно она передала мне телефон! А что, если бы ей пришло сообщение от дебила Райана? Ей было наплевать, что я это увижу? Может, и нет. Не впервые я замечаю, что Джолин легко распрощается со мной, стоит мне переступить одну из ее линий. Я бы не протянул ей свой даже при большом желании. Мой телефон был тикающей бомбой обличения.

Я зашел в браузер и начал искать цвета краски, как вдруг наткнулся на яркий бирюзово — металлический цвет, который был в нашем первом доме. Джолин увидела его в каком-то журнале, и его было чертовски трудно найти. На фото стена была наполовину покрашена, а рядом на лестнице лежал ролик. Стена могла вполне сойти за наш дом. Я сделал фото экрана, обрезал ее, выложил в Инстаграме Джолин с радостной подписью: «Новая краска!» и протянул ей телефон.

— Я не использую восклицательные знаки, — вежливо заметила она. Я удалил восклицательный знак и отдал ей телефон.

— Теперь подожди, что будет, — затем я посадил ее на колени и позволил ей меня оседлать. Не пропадать же хорошей эрекции, даже если ты боишься, что твоя жена еще более сумасшедшая, чем ты.

## Глава 32. Губы Райана

Я сидел в офисе и следил за перепиской между Фиг и моей женой на айпаде. Это было как просмотр реалити-шоу — никогда не знаешь, что произойдет дальше и каковы будут реплики героев. Сейчас они обсуждали преимущества отношений с Райаном, каким пронизательным он был. Каким чувствительным и в то же время мужественным. Как прекрасны были его губы. Я пролистал его фото в соцсетях и, признаться честно, ничего этого не увидел.

К чести Джолин, она несколько раз пыталась сменить тему, но Фиг была непреклонна. Я наблюдал за перепиской со смесью гнева и удовольствия. Фиг Коксбери, будучи профессиональным манипулятором, обрабатывала мою жену так же упорно, как и меня. Затем они переключились на выздоравливающего отца Джолин. Мне становилось скучно, но Фиг и тут нашла, как упомянуть Райана в разговоре.

*Что ты будешь делать, когда твой отец умрет? Дариус не то чтобы поддерживает тебя в последнее время. Тебе нужен кто-то, кто поможет тебе в эмоциональном плане.*

Джолин не отвечала несколько минут. Я представлял, как она складывает свежестирную одежду или готовит себе коктейль. Ей нравилось пить посреди дня, когда рядом не было никого, кто смог бы ее осудить.

*Я думаю, что он просто много работает. Занят. Он не знает, как поддержать меня так, как это нужно мне. У каждого из нас свой язык любви, знаешь?*

*Он гребаный психотерапевт! Разве он не должен знать все языки наперечет? Слабенькое оправдание. Я понимаю твои чувства. У тебя есть другой человек, который спрашивает, как ты, и знает, что сказать. Кроме того, он потрясающе выглядит. Да и вообще, мне кажется, ты пугаешь Дариуса.*

Джолин долго не отвечала, а потом сменила тему, никак не отреагировав на слова Фиг. Меня разозлило, что она поддерживает такой разговор. Она принадлежала мне, черт возьми! Она должна показывать верность мне, нашим отношениям. Несмотря на ее игнорирование слов Фиг, я знал, что они пустили корни. Моя жена восприимчива к чувственному шепоту. Если она вас любила, то считала, что это взаимно, и имела самые лучшие намерения. Я всегда находил эту наивность крайне милой. В этом же случае Фиг использовала ее, играя с чувствами Джолин. Она ведь совсем не знала Райана, но семена сомнения росли — я видел, как она стала смотреть на меня. Раньше это было обожание, но с недавних пор я стал видеть раздражение в ее взгляде. Потом начались вопросы. *Почему ты не спрашиваешь, как у меня дела? Почему ты уверен, что у меня все хорошо? Я уязвима, даже если по мне не видно.* В другое время я бы старался исправиться, но Джолин была права — я был отвлечен, а она никогда не показывала своей слабости — и я ее не искал. Как я мог догадаться спросить, как у нее дела? В то время как Фиг твердила, что Джолин нужен кто-нибудь получше, со мной она играла роль сексуальной и флиртующей подружки. Фиг в шутку называла Джолин диктатором, а я не спешил ее поправлять. Меня это устраивало. Быть может, Фиг была той личностью, которая могла дружить с нами обоими, видеть уникальную точку зрения каждого и не становиться ни на чью сторону.

Когда я предложил романтическую поездку в Париж, Джолин колебалась. Она не хотела уезжать, когда ее отец был сильно болен.

— Тебе нужна эта поездка. Ты не сможешь стать лучшей версией себя для Мерси или своего отца, когда тебе самой нужен отдых. Всего пять дней романтики.

Она улыбнулась, и в ту же ночь мы купили билеты. Вскоре пришло злое сообщение от Фиг.

Франция? Ты едешь с ней во Францию? Да вы едва ладите, как ты выдержишь отдых с ней?

Я пропустил это заявление мимо ушей, а также последующие сообщения, где она притворялась, что вовсе не рассердилась, и переводила все в шутку. За пару дней до нашего отъезда она заявила к нам домой с диким взглядом, выстреливая реплики, полные сарказма, в адрес Джолин.

После ее ухода я решил поговорить с Джолин.

— Почему ты позволяешь ей так себя вести? Скажи это кто-нибудь другой, ты бы их уже по стене размазала.

Моя жена удивленно взглянула на меня. Или нет, будто ее что-то забавляло. Я заботился о ней, а она смеялась?

— Такая уж она у нас. Это ее защитный механизм, доктор.

Мне не нравилось, как она возвышала себя надо мной, подразумевая, что я не владею информацией, как надлежит человеку моей профессии.

— Но она правда агрессивна в твой адрес!

Я наблюдал, как Джолин копалась в шкафу и наконец, извлекла розовую ночную рубашку из шелка, мой подарок на нашу годовщину.

Джолин пожала плечами.

— У меня толстая кожа. Думаешь, все эти колкости Фиг меня ранят? Она так не уверена в себе, поэтому и кажется, что она иногда обозлена.

С этим не поспоришь.

— Это дело принципа. Ты упорно терпишь оскорбления от нее.

— Я терплю их и от тебя! Ты просто завидуешь, что кому-то кроме тебя сходит с рук мерзкое отношение ко мне?

Мою кожу будто укололи тысяча иголок. Неужели она знала? Она смотрела на меня так, будто знала о чем-то. Да нет, она просто была собой. Играла словами, чтобы сбить меня с толку.

— Мне это не нравится, — сказал я, касаясь ее лица. Мягкость всегда ее подкупала. Прикосновения наполняли ее мягкостью. Я был застигнут врасплох ее резкими карими глазами.

— Тогда не позволяй ей.

Я убрал руку.

— Если тебе не нравится, как она со мной разговаривает, скажи что-нибудь.

Она прошла мимо меня в спальню, не оглядываясь. Наверно, она думала, что Райан бы сразу бросился на ее защиту. Будучи Весами по гороскопу, я был прирожденным посредником в переговорах. Мне нравилось держать весы сбалансированными, не склоняясь ни на чью сторону. Джолин и Фиг придется разобраться во всем без моего участия. Я туда не поеду. Я пошел в гараж и достал чемодан для нашего путешествия. Я подобрал время идеально, чтобы не быть в городе, когда будут оформляться документы. Я нанял адвоката неделей ранее, и планировал рассказать Джолин о лжи Мейси во Франции. Она поверит мне, потому что любит.

### Глава 33. Подмигивание

От первой девчонки, которую я поцеловал, пахло кофе. Все произошло в школьной кладовке, где я помогал ей расставлять школьные принадлежности. Она придавила меня к дешевой пластмассовой полке, сверху на нас падали рулоны бумажных полотенец, и ее губы коснулись моих. Я ненавидел кофе до этого момента. После нашего поцелуя она отвезла меня домой. Она была моей учительницей английского в десятом классе. А еще через три недели я потерял девственность на заднем сиденье ее Шевроле. Она была настолько влажная, что я думал, не обмочилась ли она. У нас был секс еще три раза после этого — в спальне у меня дома, в ее спальне, пока ее мужа с детьми не было дома, и в городском парке, когда у нас почти закончился бензин на обратном пути.

Психотерапевт однажды сказал мне, что меня совратили в малолетнем возрасте. Сам будучи психотерапевтом, я согласился. Я бы добавил, что расцветал в тайных отношениях, от манипулирования ранимыми душами. Мы все — продукты наших самых ранних опытов, мы копируем то, как нас научили любить, трахаться, взаимодействовать с другими. Некоторым удалось вырваться из прошлого, но не все оказались столь умными.

Джолин изменяет мне с Райаном. Не физически, а еще хуже — эмоционально. У меня настоящая проблема, заболевание. Она просто устала от меня, и от этого еще больнее. Пять месяцев назад она отправила Райану свое фото в бикини. Сначала она отправила его мне, а я забыл ответить. Через несколько часов я проверил айпад и все увидел. Конечно, я промолчал, потому что она сразу догадается, где я его увидел. Я хотел сохранить свое окошко в ее тайную жизнь. И вот, я борюсь за наши отношения, покупаю ей цветы, готовлю ужины, пишу записочки — а она мутит с другим мужчиной.

Несмотря на все мои мольбы, вернувшись домой на следующий день, я увидел Фиг на кухне. Она смотрела, как готовит Джолин.

— Доктор Сьюс дома! — громко объявила она.

Джолин подняла глаза на меня и слабо улыбнулась. Я вопрошающе посмотрел на нее,

но она пожалала плечами. *Что ты от меня хочешь?*

Ничего. Пару раз Фиг приглашала себя на наши свидания. Никаких границ.

Заиграла песня, и они обменялись взглядами.

— Что за песня? — спросил я как бы между прочим, наливая себе выпить. Я узнал ее, одна из тех, что Райан отправлял Джолин. Конечно, Фиг ее знала. Она весь день требовала от Джолин новостей о Райане.

— Она нам обеим нравится. — Фиг улыбнулась Джолин. Моя жена посмотрела в сторону, явно ощущая себя не в своей тарелке.

— Неплохая песня, — сказала она.

— Где ты ее услышала? — я намеренно придирился.

Джолин отвернулась. Фиг подошла ко мне и взяла бутылку с джином, взглянув на меня.

— Ну... Она играла где-то.

— Правда? — *лживые суки.*

Я рассердился. Они днями разговаривают о другом мужике и слушают песни, которые он присылает. Просто отвратительно.

После ужины Фиг помогла Джолин навести порядок на кухне, обвиняя Джолин в больших запросах. Моя жена все отрицала, а я тихонько посмеивался.

— Она упорно все отрицает! — заметил я.

— Оставим ее с мыслью, что она — совсем простушка. — Фиг подмигнула мне.

Джолин раздраженно взглянула на нас.

— Почему бы вам не налить мне еще, а я пойду наберу ванну моей дочери? — сказала она.

*Не оставляй меня с ней! Не оставляй!*

Мы выпили лишнего, и Джолин пошла спать. Я умоляюще взглянул на нее, когда она стояла, подняв руки над головой. Ее грудь поднялась, и я видел очертания ее сосков сквозь футболку. Она поймала мой взгляд и подмигнула. Это стало чем-то вроде игры для нас — кто останется один на один с Фиг вечером. Мы оба не могли предложить ей уйти, поэтому один из нас оставался с ней, пока она не решала отправиться домой. Я возразил, что мне рано вставать на работу, но Джолин поднялась наверх с Мерси намного раньше меня.

Я отправился на кухню и налил себе и Фиг выпить. Она устроилась на диване и спокойно наблюдала за мной, не моргнув.

Что мне нравилось в Фиг, так это то, что ей даже не надо было говорить — достаточно просто быть рядом с другим человеком. Говорил в основном я, что было для меня крайне непривычно. В отличие от Джолин, ей не нужна была глубина разговоров. Мы касались самых глупых тем, шутили, выстреливали цитатами из фильмов. Я говорил о сущей чепухе, что только ни приходило на ум, а она сидела и слушала. Джолин бы сразу приказала мне заткнуться, но Фиг просто нравилось слушать мой голос. Нравилось, что мне есть что ей сказать.

За одним бокалом последовал второй, а, осушив третий, мы были настолько пьяны, что, когда ее рука коснулась моей груди, я не остановил ее. Мне было приятно осознавать, что кто-то хотел меня столь сильно. Мне даже ничего не пришлось делать, чтобы это заслужить — даже если она хотела меня, только потому, что я был мужем Джолин. Интересно, осознавала ли она, насколько глубоко зашла ее одержимость, или же продолжала оправдываться. Она все еще касалась меня, когда мы целовались сквозь запах алкоголя, ее рот был мокрым и податливым. Я поразился ее миниатюрности. Я чувствовал ее косточки,

когда мои руки пробежали по ее телу. Она забралась ко мне на колени и стала тереться о меня. На ней были шорты, и я почувствовал, какая она была мокрая, а еще отсутствие трусиков. Я немного отодвинулся, чтобы снять ее шортики и увидеть ее маленькую киску. Я засунул палец в нее, и она приняла меня, сведя с ума. Я поднял ее футболку и коснулся губами ее сосков, и мой язык почувствовал металлические кольца пирсинга. Кто бы мог подумать, что у нее проколоты соски?

Джолин могла выйти из спальни и застать нас в любой момент. Эта мысль должна была меня напугать и заставить оттолкнуть ее. Напротив, я сдернул с нее шорты и подвинул бедра ближе к своим губам. Я хотел узнать ее на вкус, пока мои пальцы были в ней. Она ничего не говорила, лишь тяжело дышала, держась руками за стену позади дивана, наблюдая за тем, что я делаю. В ней не было никакой застенчивости. Она раздвигала ноги еще шире, пока не кончила. Затем она села на диван рядом со мной и натянула шорты.

Никто из нас не проронил ни слова, когда она обулась, и я проводил ее до двери. Она не смотрела на меня, и я не был уверен, стесняется ли она того, что только что произошло, или у нее нет никаких сожалений. Я даже не знал, к чему отношусь сам. Одно дело трахать незнакомок, а другое — подругу собственной жены.

— Пока, — сказала она, шагнув на крыльцо.

Я едва поднял руку, чтобы помахать. Не было никакой причины в моем поступке, лишь мое собственное желание. Я мог бы зайти в спальню и трахнуть свою жену, безо всяких претензий и жалоб с ее стороны. Джолин всегда была не против, секс с ней всегда был отличным. Вместо этого я засунул пальцы в женщину, которую обвинял в преследовании моей жены, и довел ее до оргазма. Я провел рукой по лицу. Ее запах остался на моих пальцах. Я был самым большим ничтожеством планеты Земля.

### **Глава 34. Стих**

— Ты написал стихотворение для меня? Охренеть!

Ее волосы были забраны наверх и совсем не падали на лицо, обнажая шею. Прекрасную, одну из самых любимых.

Я сжал ее колено.

— Люблю твой грязный язычок.

Мы сидели в моей машине, которую Джолин называла стариковской тачкой, в основном из-за цвета. Мы собирались в ресторан во Фремонте, где еще никогда не были. Нам нравилось бывать в новых местах, а сегодня у нас было свидание. Я старался изо всех сил — новая одежда (для меня), цветы (для нее), и да, я написал для нее стихотворение. Она прочитала несколько строк вслух.

*Темнота почти покорила меня*

*Так близко я к ней был*

*Но ты*

*Несравнимый огонь*

*Выбрала обжечь и спасти меня.*

*Я всем обязан*

*Только тебе*

*Моей любви*

*Моей жизни*

*Всему на свете*

*Я был так близок*

*К безжизненному существованию*

*Но ты*

*Несравнимый огонь*

*Прожгла путь к моей душе*

Джолин терпеть не могла свои книги. Ее реакция на собственное творчество напоминала мне Злую Ведьму Запада (*прим. пер. — могущественная ведьма из страны Оз*). Дважды в год ей нужно было одобрять голоса для аудиокниг, а она каждый раз отказывалась. Не могла слышать, как кто-то читает написанное ей. Вместо нее выбирать приходилось мне. Чувство ответственности приходилось мне по душе, да и у меня самого был голос, идеальный для радио.

— Хорошо получилось, правда? — спросил я. — Днями над ним работал. Знаешь, а ведь я выиграл приз за стихотворение в старшей школе — не только за стих, но и за рассказ о ложке. Мой учитель говорил, что я самый талантливый ученик за ее карьеру.

Я повернулся, чтобы посмотреть на ее реакцию, но она просто уставилась на меня.

— Что?

— Ничего, — она отвернулась.

— Нет, говори, — я искоса взглянул на нее, она была явно рассержена.

— Ты всегда так! Делаешь что-то для меня, а на деле выходит, что для себя.

— Ты о чем?

— В прошлом году ты написал мне романтическое письмо. Оно было прекрасно, как и все, что ты в нем сказал. Но после того, как я его прочитала, ты еще минут двадцать разглагольствовал о том, какой красивый у тебя почерк.

Так и было, я помню чувство удовлетворения. У меня и правда был самый красивый почерк из всех, что мне доводилось встречать.

— А что мне нужно было сказать? Я уже высказал все, что чувствую, в письме. Ты хотела это обсудить более детально? Если уж ты называешь меня нарциссом, то просто сама хочешь больше говорить о себе.

— Возможно, — сказала она, склонив голову на бок. — Или ты мне сказал о том, что я хочу, чтобы ты почувствовал?

— Какого черта это значит?

Ее улыбка была самой холодной из всех, что я видел. В ее глазах не было ни тени убеждения.

— Ничего. Это ничего не значит. Кстати, ты видел новое фото ребенка Келли на Фейсбуке? Так мило!

Внезапная смена темы. Темные волосы и черты эльфа. Я уже было ответил, но вдруг понял, куда она ведет, и рассмеялся.

— Ну ты и дурочка!

Она сделала недоуменное личико, но я видел, что она старается изо всех сил не рассмеяться. Она вечно смеялась, что я выкладывал слишком много своих детских фотографий в Инстаграме.

— Ты даже не выкладываешь фото своей дочери! — обычно говорила она. — Но явно помешан на собственных детских снимках.

Всякий раз, когда проскальзывала тема детей, я упоминал, каким хорошеньким ребенком был. Может, и странно так говорить, но хотя бы это чистая правда.

Она погладила меня по затылку.

— Все хорошо, просто у нас здесь неизлечимый случай нарциссизма, — проворковала она. Я наслаждался ее прикосновением, несмотря на то, что она смеялась надо мной.

Я и вправду страдаю нарциссизмом. Не настолько, как некоторые, но достаточно, чтобы при каждом упоминании Джолин я не смог бы его отрицать. Кто здесь психотерапевт, в конце концов? Лучше уж быть нарциссом и осознавать это, чем психопатом и не иметь об этом понятия.

Мы сели ужинать, и я проверил телефон. Мне нравилось притворяться, что я проверяю, есть ли сообщения о Мерси, но на самом деле мне надо было убедиться, что мне не присылают что-то, что моей жене видеть не следовало. Я не всегда горжусь собой, но у каждого своя борьба. Оторвавшись от телефона, я поднял глаза на Джолин и увидел, что она смотрит на экран своего с легкой улыбкой.

— С кем ты переписываешься? — бросил я.

— С кем ТЫ переписываешься? — выстрелила в ответ она.

Мы все еще сидели, уставившись друг другу в глаза, когда официант подошел к нашему столику. Очевидность того, как она переписывается с Райаном, сидя на свидании со мной, по-настоящему меня разозлила.

— Давай купим Мерси щенка, — произнесла она вдруг. — На Рождество.

— Может, лучше велосипед?

Я все еще смотрел на ее телефон. Надо будет проверить айпад позже и посмотреть, о чем они там воркуют.

— Дариус, — сказала она, сузив глаза, — Мы любим собак. Два собачника против одного ненавистника.

— Я не то чтобы их ненавижу... Ладно, ты права.

— Хочу хаски! Это собака моей мечты. У меня всегда были маленькие собачки, но я хотела большую.

Моя голова вдруг дернулась, и я впервые за десять минут посмотрел ей в глаза.

— Ты кому-нибудь об этом говорила?

— Думаю, да. А что? — она недоуменно посмотрела на меня.

Я провел рукой по лицу, качая головой. Я бы рассказал ей, но она все равно не будет слушать.

— Ты, правда, хочешь знать?

— Это касается Фиг? — она посмотрела на стол и взяла вилку. Она явно скучала и устала от моих разговоров о ней.

— Забудь об этом.

— Нет! — она коснулась моей руки. — Извини. Все, кажется, хотят поговорить о Фиг и ее помешательстве. Я понимаю, это очень утомительно. Единственный человек, который об этом не имеет никакого понятия, — сама Фиг.

— Она знает. На каком-то уровне, но знает.

— Что она учудила на этот раз?

— Она сказала то же самое про хаски, что и ты.

— Кому?

— Это случилось на дне рождения Мерси. Я подслушал, как она рассказывала об этом агенту недвижимости, твоему другу.

— Да, думаю, я ей рассказала, — это все, что она сказала.

Я снова подумал про придурка Райана. Он притворялся ее другом, притворялся, что ему

не все равно. Что ж, у меня был его номер.

### Глава 35. Выиграть Оскар

Она снова приглашала себя на наши свидания, описывая свои горести в сообщениях, чтобы Джолин стало ее жалко. Меня это порядком раздражало, а мой запотевший стакан так и стоял нетронутым. Мы должны были поехать на ужин в Бельвью, а потом в кино. Я пытался убедить Джолин посмотреть фильм, номинированный на «Оскар», но она ненавидела Роберта Редфорда. Обычно я мог быстро убедить ее посмотреть фильм, который хотел увидеть я. Все шло отлично. Мы сидели в баре одного из любимых ресторанов Джолин, ее колени касались моих, и я наслаждался запахом ее духов — моих любимых. Мы смеялись и целовались, споря об оscarовских номинациях этого года, когда загорелся экран ее телефона. Она читала сообщение, и выражение ее лица становилось все грустнее. Я знал этот взгляд.

— Фиг? — спросил я.

Она кивнула. Улыбка исчезла с ее лица, как и все настроение вечера. Клянусь, эта женщина может высосать радость из целой комнаты.

— Это все просто потому, что у нас свидание. Ты правда назовешь совпадением, что она превращается в депрессивную алкоголичку каждый раз, когда мы куда-то выезжаем вдвоем?

— Ты всегда видишь худшее в людях, — она нахмурилась, глядя на меня как на врага. — У нее тяжелые времена, а я просто пытаюсь ей помочь. Я хочу показать ей, что жизнь может быть хорошей. У нее никого нет, а Джордж совсем ушел в себя.

Я бы мог ответить в более приятном тоне, понизив голос, но мне настолько все надоело. Я не мог насладиться обществом собственной жены раз в месяц, не имея возможности высказаться, контролировать себя.

— Черт побери, Джолин. Прекрати быть такой дурой!

Бармен взглянул в нашу сторону с другой стороны бара.

В глазах Джолин был холод. Я перешел черту. Ей не нравилось быть пристыженной, а я поднял на нее голос на публике. Она встала, не сказав ни слова, и вышла из ресторана, оставив меня одного за столиком. Выругавшись, я достал кошелек и бросил две двадцатки на стол. Все пошло совсем не так, как я планировал. Я хотел, чтобы мы отлично провели вечер, а по пути домой можно было бы упомянуть судебный иск после многочисленных упоминаний о том, насколько мы созданы друг для друга. Я хотел рассказать свою душещипательную историю. Та девушка пришла ко мне, я ее отверг, а она посчитала, что я должен за это заплатить. А разве не так все было на самом деле? Джолин могла все разрушить своей переменной настроением. Я хотел, чтобы у нас получился прекрасный вечер вместе, а она не смогла проявить ко мне уважения, просто сбежала, как ребенок.

Я не собирался ее искать. Она наверняка захочет затеряться в торговом центре или отправится выпить в другой ресторан. Я поймаю такси домой, а машину оставляю для нее здесь. Я зашел в другой бар, где на меня никто не смотрел из-за того, что я поднял голос на собственную жену. Я выпил два коктейля, и, выходя из бара, уже забыл, почему мы поссорились. Я достал телефон, чтобы написать ей, но вдруг увидел ее, когда проходил мимо ресторана морепродуктов. Она сидела в баре с мартини. Я долго смотрел на нее, прежде чем открыть дверь и войти. Все складывалось явно не в мою пользу, и мне нужна была ее помощь. В противном случае мне негде будет жить, а лишение лицензии не позволит мне продолжать практику.

— Джолин, — сказал я, подходя к ней сзади, — прости меня. Я эгоист. Просто иногда я

хочу, чтобы ты принадлежала только мне.

Она повернулась ко мне. Было заметно, что она плакала.

— Ты козел!

— Ты права.

Я взял ее личико в свои руки и поцеловал ее в лоб. Она все еще вела себя скованно, будто не верила мне. Мне всегда приходилось прилагать дополнительное усилие, массировать ее плечи, гладить по волосам.

— Джо, я хочу помочь Фиг. Правда. Я просто очень устал. Пригласи ее сюда.

Я уже было подумал, что она снова заплачет, но она сдержалась и покачала головой.

— Она плачет где-то на парковке.

Я хотел закатить глаза, но вместо этого сочувственно покачал головой и помассировал ее шею.

— Я знаю твое сердце. Делай как считаешь правильным, дорогая, — я пожал плечами.

Когда впервые понял, что хочу Джолин, я все еще встречался с ее лучшей подругой. Я смотрел на нее. Мужчины смотрят на женщин, даже если отрицают это. Мы — сексуальные существа. Длинные ноги, очертания сосков на легкой ткани, округлости попки в джинсах — мы смотрим, и наши члены твердеют. Так уж мы устроены. Некоторые из нас большие лицемеры, эдакие праведники, которые утверждают, что не смотрят. Они говорят, что избегают появления зла, то есть женщин, от которых у них твердеют члены. В моем случае это вовсе не женщины, а моя способность контролировать их эмоции.

Джолин другая. Она вышла за рамки моих игр. Когда мы были просто друзьями, она смотрела мне прямо в глаза и говорила мне, что я лгу. Она спрашивала, как у меня дела, и ей действительно было интересно услышать ответ. Иногда мне внезапно приходило сообщение от нее с вопросом, как поживает мое сердце. Это было ее фишкой в то время — «Как твое сердце?» — и можно было пытаться соврать, притвориться, но она всегда знала, как все обстоит на самом деле. Признания походили на рвоту. Джолин была вашим пальцем в горле, прощупывающим поверхность, пока не осталось ничего кроме рвотного рефлекса. Правда вышла быстро и больно. Думаю, я просто подсел на эту реакцию, которую она вызывает, как наркоман. С ней можно быть собой, рассказать ей о своих самых уродливых сторонах, а она даже и глазом не моргнет. Она была настоящим психотерапевтом, я лишь притворялся. Я оборвал свои десятилетние отношения и бросился за ней, с той силой, к которой не привык. Мне было наплевать, что она была беременна от другого, что моя бывшая невеста была от нее без ума. Любовь нельзя засунуть в игольное ушко, ее нужно принимать в любой форме. Она пришла ко мне в форме сильно беременной, сильно запретной — Джолин Эйвери. Женщине, которая видела все и ничего.

### Глава 36. Скукота

Я не могла писать. Я смотрела на стену, на клавиатуру, на свои руки, которые то восхищали меня своей красотой, то отпугивали своим уродством. Я попыталась сконцентрироваться, напечатала предложение, и сразу же удалила его. Я ущипнула себя в районе запястья — моя привычка с самого детства. Я всем говорила, что пишу, но это была ложь. Я вздыхала с облегчением, когда звонил будильник в три как напоминание того, что надо было забрать Мерси из детского сада. Все лучше, чем таращиться на стену.

Где же правда? То, что любовь меня прикончила? Убила мою жажду творчества? В этом есть доля истины. До появления в моей жизни Дариуса я была словно вскрытая вена. Мне не нужно было выдавливать из себя слова, они хлестали, словно фонтан. Печаль очень выгодна,

друзья. Но я ведь больше не грущу? Впервые в жизни я окружена безопасностью и любовью. Мужчина, которого я любила и которым восхищалась, взял под свое крыло меня и моего еще не родившегося ребенка и подарил нам дом. Сильные руки, мягкие прикосновения — и мы уже попали под его чары. А еще, он психотерапевт! Он всегда знал, что надо делать. Наконец-то я смогла расслабиться в окружении любви и доверия. Очень привлекательная перспектива.

Но мне стало скучно.

Нет, жизнь, эта одновременно красивая и уродливая штука, мне не наскучила. Как и моя карьера, потому как сейчас она была на пике. Не наскучило мне и материнство, оно слишком сумасшедшее.

Что же такое любовь? У большинства нет ни малейшего понятия на этот счет, потому что родители снабдили нас паршивыми примерами: ханжеские, невербальные, жесткие, или, напротив, хаотичные, свободные от обязательств, непостоянные. Или просто разведенные. И вот мы, повзрослев, пытаемся найти ответ — через романтические комедии или порно. *Любовь — это цветы! Любовь — это широкие жесты! Любовь — это путешествия в Париж, держась за руки! Любовь — это когда она открывает рот пошире, чтобы ты засунул туда свой член.*

Любовь — это все, что вы захотите, а если вы смотрите на все через узенькое окошко — у вас будут проблемы.

Но потом ты становишься матерью, и все меняется. Любовь была самопожертвованием для другого. Материнство сделало меня лучшей женой. Моя личность полностью изменилась, и Дариус пожинал плоды этих изменений.

Дариус не был скучным, напротив. Но после трех лет вместе я поняла, что наши отношения — подделка. Он оказался совсем не таким, как я ожидала. Я была одновременно заинтригована и в ужасе. Мое разочарование было тяжелым камнем в желудке. Я много читала в интернете о социопатах и была почти уверена, что мой муж был одним из них. *Берете ли вы этого социопата в законные мужья...*

Однажды я спросила, не диагностировал ли он у себя ничего. Он засмеялся, отрицательно покачал головой и добавил, что считает меня социопатом. Типичное поведение социопата — они поворачивают ситуацию и обвиняют во всем тебя. Bravo! Дариус манипулировал умами людей, а я — словами, поэтому друг другом манипулировать мы не могли.

Я все равно его любила. Как можно любить несчастного разрушителя? Мы любим себя, разве не так? Нет, мы помешаны на себе! Все, что мы ненавидим, мы также ценим. Если не верите мне, обратите внимание, насколько ненавидите себя. Девяносто процентов времени вы проводите в поиске новых причин для ненависти к себе. Вы помешаны на этом.

Двигаемся дальше...

Я перепробовала многое, чтобы вернуть его — вечерние свидания, домашняя еда (без глютена), гибкое тело, киска без единого волоса и всегда мокрая. Ничего не помогало избавиться от его отсутствующего взгляда. Я начала задавать вопросы.

*«Почему ты изменил Дани? Дело было в тебе или в ней?»*

*«Ты чувствовал себя виноватым?»*

*«Хотел ли ты когда-нибудь изменить мне?»*

Каким-то образом он умудрялся не ответить ни на один вопрос. И тогда я поняла. Он что-то скрывал. Кажется, на прошлой неделе я взяла его телефон, а он сразу же его забрал и

вцепился в него, пока я не отпустила?

Так, так, так...

Но мне было скучно.

По крайней мере раз в неделю Дариус приносил мне цветы. Романтичный жест, не принесение в жертву. По четвергам он готовил — что ж, надо же ему что-то есть. Иногда он клал записки в мою сумку. Я искала какую-нибудь упаковку бумажных салфеток или кошелек и натыкалась на ярко-розовые или зеленые бумажки. Снаружи они выглядели очень слащаво — парочка детей держится за руки, сердце из ткани, пронзенное стрелой. Внутри он писал свои версии любовных записок. *До тебя я бродил, потерянный, по жизни. Я вижу только тебя. Я хочу состариться с тобой. Ты — огонь в моей душе. Я думал, что моя мать — эталон женщины, пока не встретил тебя.*

Красиво, но это всего лишь слова.

Меня всегда интересовало, если у человека с огнем в душе изо рта валит дым.

Я не верила этим запискам, меня не подкупали ни его слова, ни цветы, которые вяли и умирали в вазах, обсыпая стол лепестками. Я брала засохшие лепестки и держала в руках, спрашивая себя, что же случилось с нами. Мои средства не достигали желаемого эффекта. Я хотела, чтобы он смотрел на меня. Мне не нужны были цветы, ярко-розовые записки, морские гребешки с киноа. Все это пахло дерьмом, и мы оба это знали.

### Глава 37. Золотистый фикус

— Я рассказывал тебе когда-нибудь о золотистом фикусе (*прим. пер. — здесь игра слов stranger fig — золотистый фикус и имя Фиг*)? — спросил Дариус.

Я скорчила рожицу. Дариус вечно делился со мной случайными фактами. На прошлой неделе он без устали вещал про гусей. Гусей! На самом деле, было очень интересно, особенно по сравнению с позапрошлой неделей с бесконечными историями про Папу Римского.

— Рассказывай, а я, так уж и быть, послушаю вполуха.

Он шлепнул меня по попе, затем наклонился и нежно поцеловал шею, в то время как его руки поглаживали меня.

— Золотистый фикус растет на дереве-хозяине, которое он медленно душил, — он немного надавил, я поморщилась. — Живое доказательство того, что даже умные приспособленцы отлично ладят, будь то человек или растение. К тому времени как дерево-хозяин мертво, золотистый фикус становится сильнее и может быть сам по себе, оцепив безжизненное, пустое дерево.

Закрыв глаза, я прижалась к нему, наслаждаясь теплотой его тела.

— В чем на самом деле смысл этого урока? — спросила я.

— Говорят, человек соответствует своему имени, — моя шея приглушала его голос.

— Понятно. Фиг — сумасшедшая, Фиг высасывает из меня жизнь. Фиг...

Он был просто помешан на Фиг Коксбери! Постоянно предупреждал меня о ней, об всех ее странностях. *Не думай, что я не знаю, кто ты есть, Дариус. Я знаю, что у тебя встает на сумасшедших.*

Всю последующую неделю я старалась держаться подальше от нашей новой соседки. Мне было непривычно, что подруга жила так близко. Настолько близко, что я чувствовала, что должна приглашать ее к себе, если она бродила между розовых кустов с грустным личиком. В отличие от остальных, она не вызывала у меня таких бурных чувств, но мне уже стали надоедать постоянные предостережения. Что же они видели, а я нет? Мне нравились

люди и мне хотелось им помогать, но не ценой отношений с другими. Они были в чем-то правы — она переехала шесть месяцев назад и все больше и больше становилась на меня похожа. Она даже выкрасила волосы в черный, как я. Я бы и думать об этом забыла, но на следующей неделе я зашла в свой салон и мой стилист рассказал, что Фиг потребовала использовать тот же состав краски, что и у меня. Расстояние, вот что мне нужно! Меня угнетало, что кто-то следит за каждым моим движением, будь то сквозь жалюзи или на улице. А потом раздался звонок. У отца были проблемы со здоровьем. Я купила билет на самолет. Мысли мои были далеки от Фиг, Дариуса и золотистых фикусов.

Мой отец был при смерти. Все началось два года назад, и я уже потеряла счет моим прощаниям. Я вылетела в Финикс, арендовала машину в аэропорту и поехала в больницу в Месе. Рак — абсолютно ужасная штука, монстр, который медленно поедает людей. Однажды он был мужчиной, а сейчас — просто тень. Ребенку сложно это осознать.

В день моего приезда он схватил мою руку после продолжительного сна, его глаза резко открылись, и он сказал: — Дариус... Неправ. Плохой.

Я отбросила его слова. Отцу всегда нравился Дариус. Видимо, ему просто приснился кошмар. Но, когда в твоём разуме уже поселилось сомнение, эта фраза видится... пророческой. Я спросила его об этом еще раз, когда ему было лучше и он согласился поехать.

— Дариус? Что? Что я сказал?

Я медлила с ответом.

— Что он неправ... плохой.

Отец удивленно поднял брови.

— У него явно проблема с сексом. По нему видно. Но он неплохой парень. Ты меня знаешь, люблю я дегенератов.

— Что это вообще значит? — нахмурилась я.

— У всех есть свои демоны, куколка, — он погладил мое колено, и усталость от такого простого жеста сразу отразилась на его лице.

— Хорошо, пап. Хорошо.

Через два дня он плакал. Мы плакали по очереди. Так всегда бывает, когда не знаешь, в последний раз ли ты видишь этого человека. Я уже начинала привыкать к прощаниям.

— Не думаю, что он — тот самый, — сказал отец, когда я поцеловала его на прощание.

— Кто, пап? — спросила я.

— Дариус.

— А... — я не знала, что сказать. Есть ли смысл спорить с умирающим, или оставить все как есть?

— Будет еще один, но уже после моей смерти.

— Папа! Я согласна на «еще один», но без «после моей смерти».

— Мы все умираем, Джоджо, — с грустью в голосе заметил он. — Все мерзкие людишки.

В самолете я постоянно возвращалась к его словам. Мой отец не понимал, что говорит. Своей карьерой я обязана тому эмоциональному хаосу, которым он меня окружил в детстве. Но обычно он всегда прав. Он многое предвидел, видел людей насквозь. Он не верил в шестое чувство и говорил, что физика *«лизет яйца Сатаны ради куска хлеба»*, но я всегда считала, что он был рожден с даром предвидения. К тому времени, когда я забирала чемодан с ленты, я убедила себя, что *пыталась* возбудить дело против Дариуса. Это было по-детски и очень оскорбительно. Я представила, насколько его это ранит. Мне нужно остановиться.

Дариус — лучший мужчина в моей жизни, я его сильно любила. В тот самый момент я получила сообщение от Райана.

— Иди к черту, Райан, — пробурчала я. Всякий раз он будто знал, когда у меня в душе неразбериха. Он сводил меня с ровного пути. Но никогда ничего не выпытывал, спасибо ему за это. Он всегда знал, что сказать и как. Можно подумать, что мой муженек-психотерапевт был таким, но увы. Может, с кем-нибудь другим, но не со мной.

*Твой отец?*

Прямой выстрел в самую рану.

*Умирает.*

*Я могу тебе помочь? Как ты?*

Я не ответила. Проверила сообщения от Дариуса. Этих вопросов там не значилось. От него не было никаких сообщений за последние сорок восемь часов, только «*Ты уже приземлилась?*» И потом: «*Где зубная паста Мерси?*» Звонков тоже не было.

*Что тебе от меня нужно?*

Можно было подумать, что я шлю тексты пьяная, и, наверно, с Райаном я чувствовала себя такой, но с меня хватит.

*Это не совсем уместный вопрос.*

Я рассмеялась. Только Райан может меня рассмешить в такое время. Я спрятала телефон и вступила в холодный город.

Дариус ждал меня у тротуара. Он положил мой чемодан в багажник и подошел к пассажирской двери.

— Здравствуй, — он подошел и поцеловал меня в щеку, несмотря на то, что я рассчитывала на поцелуй в губы. Он выглядел отстраненным, избегал моего взгляда. Возможно, он был раздражен, что я уехала в Финикс, а ему пришлось отменить все сеансы, чтобы сидеть с Мерси.

— Что случилось? — я спросила, когда мы выехали на трассу.

— Ничего, я просто устал, — он выдавил из себя полуулыбку. Я заскрежетала зубами. Мне не хотелось с ним ссориться, я была эмоционально истощена. Мне просто нужно, чтобы кто-то обращался со мной мягко, спросил меня, как я, заботился.

— Мерси у твоей мамы?

— Да.

Я достала телефон.

*Ладно, непробиваемая девчонка, у которой нет чувств и не хочет, чтобы кто-то заботился о ней. Я знаю, что ты страдаешь. Я рядом. Мне не все равно. Поговорим позже.*

Черт, Райан.

— Отец ел, когда я ушла. Немного супа, но все же лучше, чем ничего, — я посмотрела на него, чтобы увидеть его реакцию.

— Хорошо, очень хорошо.

*ОК.*

— Когда ты отвез Мерси к матери? — спросила я, рассматривая пейзаж из окна машины. Небо моего любимого цвета — темно-серое. Дождь в такое время лил легкой дымкой, как будто ты стоишь внизу сильного водопада.

— После того как ты уехала.

Мне хотелось что-нибудь сказать. Я была на взводе. Почему он отправил ее к матери, когда у него была прекрасная возможность побыть с ней один-на-один? Я представляла, как

они вместе смотрят фильмы, лежа на диване, или играют в чайную церемонию у нее в комнате.

— Тогда почему ты спрашивал о ее зубной пасте?

— Чтобы положить в ее сумку.

— Чем же ты занимался? — я старалась, чтобы мой голос звучал нейтрально, старалась не смотреть на него, но в моей голове словно звучали сирены.

— Работал, Джолин. Чем еще?

Лгун. Какой же он лгун!

### **Глава 38. Хочу, хочу, хочу**

На следующей неделе я уже собиралась поработать над рукописью в офисе, но все изменило уведомление, что Фиг опубликовала новую фотографию в Инстаграме. Это был скриншот песни. Это ведь хороший знак, правда? Люди, которые слушали музыку, должно быть, пребывали в хорошем настроении. Я уже собиралась закрыть Инстаграм, когда заметила стикер с поездом под фото. Я послушала песню, она оказалась грустной. И если бы не стикер с поездом, я бы подумала, что ей просто нравится текст песни. Я сразу же отправила сообщение большими буквами: «ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?»

*В моей жизни происходит столько всякого дерьма. Каждый день. Мне тяжело заставлять себя просыпаться по утрам. Функционировать. Работать.*

*Что происходит? Расскажи.*

Я взглянула на рукопись своего романа. Разговор обещает затянуться.

*Со мной все будет ОК. Я медленно, но верно двигаюсь вперед. Стараюсь быть достойным человеком.*

*Ты опубликовала стикер с поездом! Перестань отнекиваться и расскажи, что происходит.*

*Я думаю, у него другая. Я кое-что нашла на его компьютере.*

Я надела свитер и вышла из дома. Изо рта у меня валил пар. Осталось четыре дня, подумала я. Через четыре дня я должна сдать рукопись. Как же я ее закончу?

Если не сдам вовремя, то жутко разозлю редактора.

Я никогда прежде не стучала в дверь Фиг. По той или иной причине, она всегда приходила к нам. Нужно стараться быть хорошей соседкой. Она приоткрыла дверь. Я сразу увидела ее красные распухшие глаза с потекшей тушью — она явно плакала.

— Пошли! — объявила я.

Она вытерла нос, оставив следы от соплей на руке.

— Куда?

— Ко мне. Пошли! Я сделаю тебе коктейль!

Она пожала плечами и кивнула.

— Хорошо, только штаны надену.

Я мысленно меняла планы на следующую неделю. Займусь корректурой в какой-нибудь другой день. Может, я поплачусь издательству и мне дадут еще неделю на то, чтобы закончить роман. Фиг нуждалась во мне. Люди важнее книг, писателей, и всего прочего. Подойдя к входной двери, я почувствовала облегчение. Я найду выход. Мама Дариуса (или моя) может посидеть с Мерси. Не самое лучшее решение, но что поделать. Это всего лишь на неделю. Я смешивала ром и колу в столовой. Десять минут спустя появилась она, без звонка или стука. Я просто услышала, как открылась дверь. Она расчесалась и накрасила губы блеском. Я посмотрела на ее штаны и протянула ей коктейль.

— Рассказывай!

Она рассмеялась.

— Ты точно не мастер светской беседы.

— Не хочется сейчас тратить время на пустые разговоры.

Она сделала глоток своего коктейля и поморщилась. В этот раз я сделала их покрепче.

— Черт, ты что, всю бутылку туда вылила?

— Да! Тебя можно разговорить, только когда ты выпьешь.

Я допила свой коктейль и пошла делать новый.

— Этого следовало ожидать. Он вечно сердился на меня. Вечно орал. Ему не нравится, что я прихожу сюда.

— Что? Почему?

Она пожала плечами.

— Идиот. Мужчины такие свиньи!

Я притворилась, что набиваю ему морду. Я ожидала большего от него. Мне всегда казалось, что он по-настоящему увлечен Фиг. Не то, чтобы я много с ним общалась, напротив. Казалось, что он прикладывает усилия.

— Мне не верится, что он так с тобой поступил! Я так зла.

— Не злись. Таковы мужчины. Такая психологическая война... Сегодня они хотят нас, а завтра уже нет. Если мы недостаточно их удовлетворяем, мы им быстро наскучиваем.

Я задумчиво покачала головой. Все было совсем не так. По крайней мере, не всегда. Возьмем меня — Дариус не то что бы выиграл в лотерею. Все, что у него было — брошенная женщина, которая обожглась, и ребенок от другого мужчины.

Я заметила странное припухшее красное пятно на ее руке, чуть ниже запястья. Оно выглядело так, будто кто-то впился в кожу и сжимал ее руку, пока не пошла кровь. Она заметила мой взгляд, сразу же спрятала пятно и отвернулась.

— Ты моя подруга. Я постелю тебе у нас сегодня. Тебе нельзя быть одной, — она пыталась отказаться, но я лишь отмахнулась. — Мы будем смотреть фильмы и есть всякую дрянь.

— Как и всегда, — заметила она.

— Скажу Дариусу, чтобы отвез Мерси к его родителям и остался там ночевать.

— Нет, нет, не стоит, — выпалила Фиг. — Мне нравится, когда они дома. Ты же не можешь выпроводить его из собственного дома.

— Хорошо, — осторожно сказала я, — ты не возражаешь, если я расскажу Дариусу, что произошло, или хочешь держать все в тайне?

Она подошла к бару и стала переставлять бутылки.

— Мне все равно. Что произошло, то произошло. Мне нечего скрывать.

Она краем глаза посмотрела на меня, и в какой-то момент мне показалось, что она *хотела*, чтобы я рассказала Дариусу обо всем.

Следующие пару часов мы посвятили разговорам о Джордже. Как оказалось, он знакомился с девушками через приложения, где нужно листать профили кандидатов и приложение подбирает пару на основе лайков.

— Он тебе сам об этом рассказал или ты сама обнаружила?

Фиг покраснела и отвернулась.

— Мне пришлось пошпионить, — призналась она. — Он начал лайкать и комментировать все фото одной девушки в Инстаграме, и я поиграла в детектива, а потом

поговорила с ним.

— Он во всем признался?

— Да...Нет... Окольными путями.

У нее отлично получалось не отвечать на вопросы. Она изменяла направление разговора, переходила на другую тему. Я внимательно за ней наблюдала, думая о том, что вот бы Дариус сейчас пришел домой и помог бы. Ее глаза постоянно бегали, будто она что-то скрывала.

Сегодня очередь Дариуса забирать Мерси из садика. Еще до того, как входная дверь распахнулась, я услышала ее, и не могла не улыбнуться. В этом заключалась магия детей — освещать собой любую, даже самую мрачную ситуацию. Увидев сидящую на диване Фиг, Дариус остановился как вкопанный. Мерси сразу подбежала к ней, и Фиг посадила ее к себе на колени. Я выразительно посмотрела на него, пока она занималась Мерси, и он чуть заметно кивнул.

— Привет! Я начну готовить, а вы пока болтайте.

Я благодарно кивнула, а он подмигнул в ответ.

Фиг уже проснулась, когда я варила кофе на следующее утро. Я слышала щелчки клавиатуры и приглушенную музыку, доносящуюся из ее наушников. Когда кофе был готов, я принесла ей чашку.

— Спасибо. Где твой муж?

— Скоро встанет. Как ты?

— Готова засунуть голову в духовку, — улыбнулась она.

— Окей, Сильвия Плат (*прим. пер. — здесь имеется в виду самоубийство американской писательницы и поэтессы Сильвии Плат, когда она открыла газовый кран и засунула голову в духовку*)

Она подняла рукав кофты и показала мне татуировку, которую я раньше у нее не видела. Мне пришлось наклонить голову набок, чтобы прочитать надпись.

— Я хочу.

— Да, это отсылка к фразе из ее книги «Под стеклянным колпаком» — «*Я есть, я есть, я есть*». Меня в любой ситуации выручает мысль о том, сколько всего мне еще стоит испытать. Я хочу путешествовать, пробовать новые блюда, целовать красивых мужчин, покупать красивую одежду. Я хочу жить, потому что я все еще много чего хочу.

Я слабо улыбнулась, вспоминая Дариуса, рассказывавшего мне, как сильно Фиг хочет мою жизнь.

— Пошли с нами в парк! — предложила я. — На улице так хорошо.

Я отодвинула штору, впустив в комнату яркий солнечный свет. Фиг поморщилась, притворяясь, что свет ее обжигает.

— Нельзя светить с утра пораньше!

Она отползла в сторону. Ее кофта немного задралась наверх, и я разглядела выступающие кости позвоночника. Сколько же килограмм она сбросила? Я пыталась вспомнить, как она выглядела, когда только переехала.

— Сначала завтрак! — объявила я, двигаясь по направлению к кухне. *Много масла, бекона и сметаны.* Мерси вбежала в комнату в пижаме, и я предложила ей помыть фрукты.

Она поколебалась с минуту, но потом весело закивала.

### **Глава 39. Третий лишний**

Когда Дариус работал допоздна, я вела Мерси в парк поездов, крошечное местечко,

окруженное деревьями, у подножия холма. Мерси была еще слишком мала, чтобы играть на турниках или взбираться на ярко окрашенные скульптуры, как это делали другие дети. Когда-нибудь в будущем. А пока что мы гуляли среди кустов и мягкой травы. Там же была песочница, в которой Мерси могла торчать часами — в основном она ела песок или терла им глаза, а потом визжала. Этот парк был нашим потаенным местом. Были парки и ближе, но именно этот стал нашим любимым. В этот раз я решила отвезти туда Дариуса. Оглядываясь назад, не знаю, чего я ожидала от него в тот день. Внезапной любви к месту, с которым его ничего не связывало? Простой реакции? Возможно, я думала, что мы все обретем там особую связь — в таком случае, мне не стоило брать с собой Фиг.

— Палк поездов! — пролепетала Мерси с заднего сиденья. Меня передернуло. Поезда приняли совсем другое значение для меня с тех пор, как Фиг переехала в дом по соседству. Я больше никогда не смогу смотреть на них, как прежде.

— Хорошо, что ты ее позвала, — Дариус взглянул на меня искоса. Его пальцы постукивали по рулю в такт песне, играющей по радио.

— Но... — начала я.

— Сегодня наш семейный день. Я думал, это означает, что мы должны проводить время с членами нашей семьи, а не с чокнутыми, которые хотят ее украсть.

— Какого черта, Дариус? — я слегка толкнула его в грудь рукой и засмеялась. *Он это серьезно или Фиг стала нашей дежурной шуткой?*

— Хорошо, она не так уж плоха.

Дариус посмотрел в заднее окно. Фиг по-прежнему следовала за нами в своем сверкающем белом авто.

— Она слегка назойлива, — признала я.

— У нее отсутствуют социальные границы, она обожает копаться в своей голове...

— Хорошо, — сказала я, — но, по крайней мере, ей не все равно. У нее доброе сердце.

— Что ты понимаешь под добрым сердцем?

— Да брось ты! Разве ты не должен быть тем самым, кто видит сквозь дерьмо других? Кто находит человечность?

— Это так, но она просто носит маски. Можно годами копать, но ты все равно не узнаешь, какая она на самом деле. Она сама себя не знает. И именно поэтому она так помешана на тебе.

Дариус всегда говорил, что женщины липнут ко мне, потому что знают, кто я и хотят узнать все подробности. Будто у меня есть какой-то тайный рецепт, которым я могу с ними поделиться. Я-то знала, кто я, но не имела понятия, кто они.

— Ладно, — согласилась я, — это я могу принять. Но мне все равно. Ей от меня что-то нужно, и я хочу помочь.

Он подвинулся ко мне и сжал мое колено.

— Ты — последний хороший человек на планете.

— Сомневаюсь, — ответила я. В душе я сияла от комплимента.

Час спустя я сидела на траве и наблюдала, как они... Как бы это назвать? *Играли?* Что же тогда не давало мне покоя? Тот факт, что он только что говорил о ней гадости в машине, а сейчас вел себя, будто они на свидании? Или это было странное чувство, которое я пока что не могла понять? Я вытянула ноги и протянула Мерси лопаточку, на которую она указывала.

— Слова, малышка, вместо того, чтобы указывать на вещи.

— Шпасибо!

— Ты такая воспитанная! Мама тебе об этом говорила?

— Да! — ответила Мерси, не глядя на меня — она была слишком занята песком.

Слишком занята... *глядя на что-то другое.*

Я снова стала за ними наблюдать. Дариус бросал мяч Фиг. Он изогнул руку, как показывают по телевизору, поднял ногу. Она запрокинула голову и рассмеялась. Он настоял, чтобы мы взяли с собой битку, и он смог научить Мерси технике удара. Однако, он ни разу не взглянул на нее с тех пор как мы вышли из машины. Химия между ними была такой странной. Я наблюдала, как Фиг выгнулась, держа битку в руках. Она улыбалась, что было для нее так нетипично. Ее, казалось, окружала атмосфера легкости. Я никогда не смотрела ни одной баскетбольной игры в своей жизни, но даже я была уверена, что игроки не выставляют свои задницы, как это делала она.

— Фу...Что вообще происходит? — пробормотала я сквозь зубы. Я никогда не была ревнивой, что раздражало Дариуса. Иногда он хотел, чтобы я обрушила на него бурю эмоций, совсем как он. Ему нужно, чтобы мы были квиты.

— Фуууу! — Мерси не смотрела на меня, пока возилась с песком, повторяя слово снова и снова, пока я не засмеялась. Если бы Дариус услышал Мерси, он бы ни за что не замаял этот разговор. *Если бы услышал, но это невозможно, потому что он слишком занят флиртом с женщиной, которую называл чокнутой. Что он там говорил про семейный день?*

К чему же все это сводилось? Дариус любил тех, кто любил его? Большую часть времени он напоминал щенка, вечно нуждающегося во внимании. В отличие от меня, он не видел в этом слабости. Люди, которых он ненавидел еще пять минут назад, становились его лучшими друзьями, после того, как называли его красивым и умным. А чего стоит его выбор профессии, эдакий всезнайка-доктор, который видит вас насквозь. Пациенты его боготворили, а он сидел в своем кресле винного цвета, которое я купила для его кабинета, и смаковал их слова. Будь мужиком, а? Не изменяй себе, перестань купаться в восхищении.

Но Фиг — Фиг была умной. Она поняла его удовольствие от оказанного ему внимания. Она играла его верностью ко мне, всегда принимая его сторону и изображая меня большим и страшным волком. Я уже не знала, кто управлял нашими жизнями. Уж точно не мы.

Дариус заметил мой взгляд и помахал.

— Поиграй с нами! — позвал он. Я улыбнулась и покачала головой, указывая на Мерси. Фиг посмотрела на меня. Я продолжала улыбаться. Не позволю ей увидеть мою реакцию на ее поведение, не покажу своей слабости. Какого черта? В жопу такой семейный день. Он хочет, чтобы я оставила ее в песочнице одну и присоединилась к их игрищам? Я закрыла глаза и глубоко вздохнула. *Ты просто принимаешь все слишком близко к сердцу*, сказала я себе. Но так ли это на самом деле?

— Эйвери терпеть не может спорт, — заявила Фиг. Я уже почти встала и пошла играть с ними, но поняла, что мне не нужно никому ничего доказывать. Мое сердце отозвалось болью, когда Дариус рассмеялся ей в ответ. Я была поводом для их шуток. Меня затошнило от этого. Я была в его команде. Членов своей команды не пристало выставлять на посмешище.

Я старалась сдерживать слезы, когда пришло время звать их на обед. Сколько они играли в баскетбол? Сорок минут? Час? Фиг смотрела на Дариуса как кот на сметану. Я заметила, насколько облегающим был ее топ, как ее крохотные сиськи проглядывали через ткань. На ней не было лифчика. Расставляя контейнеры с едой, я прокручивала в голове все малейшие

детали и притворялась, что все в порядке. Нет, это не плод моего большого воображения. Они смеялись, прикасались друг к другу, обменивались взглядами, будто это они были на свидании, а я была третьей лишней. Они сели на траву, их громкая болтовня притягивала взгляды других. Я не могла на них смотреть, поэтому сосредоточилась на еде для дочери. Нужно поговорить с друзьями об этом, мне необходим свежий взгляд на ситуацию. Они мне сразу скажут, если я вообразила черт знает, что. У меня было много вопросов. В какой момент я стала третьей лишней? Как давно они трахаются?

#### Глава 40. Свет тела

— Что происходит? — спросил он, как только мы зашли домой.

Я покачала головой, с трудом сдерживая слезы и стараясь не разбудить спящую на моих руках Мерси. Я не произнесла ни слова всю дорогу домой, просто смотрела на проносящиеся мимо машины. Знаю, знаю, очень по-взрослому. Когда я зашла на кухню, он уже стоял там, уставившись на свои ноги. *У него такие маленькие ступни*, с горечью подумала я. Мне было смешно от моих детских мыслей. К примеру, если Фиг трахалась с ним, то могла бы выбрать и получше... в длине и ширине. Да и вообще, куда подевался Джордж? Разве он не должен приползти к ней, моля о прощении?

— Твою мать, Дариус, что это было? — заорала я. Изначально я собиралась усадить его в кресло и спокойно все обсудить — так делали взрослые в случае конфликта. И вот я, вся красная, стою на кухне и ору. Типичная я. Я представила Фиг, подслушивающую снаружи, и смягчила свой тон. Боже мой, как мы дошли до такой жизни? Когда моя жизнь стала чужой?

— О чем ты? — он выглядел сбитым с толку.

— Ты и Фиг, вы весь день флиртовали друг с другом.

— Ты сошла с ума! — сказал он. Он знал, *знал*, как я ненавижу эти слова. Это был прямой удар. Я бросила бутылку с водой ему в голову, но он повернулся, и бутылка пронеслась буквально в дюйме от него. Черт, надо поработать над меткостью.

— Не называй меня сумасшедшей. Если назовешь, то я отрежу твой член, пока ты спишь, и покажу тебе, что такое сумасшествие! — он вытаращился на меня. — Я не слепая. То, как ты поступил, совершенно неприлично и оскорбительно.

— Что? Ты о нашей игре в бейсбол? Я приглашал тебя поиграть с нами!

— А я не хотела. Но это не означало, что ты можешь вот так избавиться от своей семьи и провести весь день, флиртуя с женщиной, которую ты называешь чудачкой.

Его лицо полностью изменило свой цвет. Оно позеленело, приобрело цвет гниющей киски, выдумывающей все новые и новые отговорки.

— Ты права. Я заигрался. Я люблю бейсбол, и мне нечасто удастся выбраться и поиграть.

Я моментально смягчилась. Вот всегда так со мной — вся жизнь была микроволновкой, а я — гребаным куском сливочного масла.

— Извини. Она флиртовала с тобой. Просто... кое-что из твоего прошлого...

— Знаю, — признал он, — но я никогда не причиню тебе боль. Ты — мое все. Я никогда не изменю тебе, Джолин.

Он обнял меня. Чувство вины было столь сильным, что я заплакала. Что со мной не так? Вспылить вот так... обвинить Дариуса.

— Ты устала, слишком много работаешь. Я рад, что ты почти закончила книгу и можешь взять перерыв.

Он был прав. *Я устала.*

Я себя вымотала. Нужно поговорить с моим издателем, сказать, что мне нужен перерыв перед тем как я начну работать над следующей книгой, побыть с семьей. Он гладил меня по спине до тех пор, пока я не перестала плакать.

— Она влюбляется в тебя, Дариус. Если уже не влюбилась.

— Ты не представляешь, как неудобно мне от этой мысли. Я больше не буду с ней переписываться, Джо. Я пытался быть вежливым с ней...ради тебя, потому что она тебе нравится.

Я знала, что он не лжет. Он никогда не был супер-общительным. Он старался ради меня, но в глубине души был интровертом и домоседом. В этом не было его вины, только моя. Я вечно находила людей, нуждающихся в помощи, а моя семья страдала от этого.

Я глубоко вздохнула и кивнула.

— Не делай ей больно, не заставляй ее чувствовать себя покинутой. Но что-то точно должно измениться.

Мне хотелось ущипнуть себя за запястье, но я удержалась. Я — взрослый человек. Я могу справиться со всем сама. Дариус пошел в нашу спальню.

— Думаешь, Джордж знает? — спросила я, но он уже ушел, осторожно закрыв за собой дверь.

Я поставила кофе и подошла к моему макбуку. Часы, привезенные из Лондона в прошлом году, тикали над раковиной. Думай, Джолин. Я взглянула на экран компьютера. На моей заставке было фото Мерси,двигающееся из верхнего правого угла в нижний левый. Я дотронулась до мышки, и Мерси исчезла. Вместо нее появилось множество вкладок, оставленных мной с утра. Мне нужно было поработать, но я не могла ни на чем сконцентрироваться. Мой мозг задышался, работал на износ, но все же... что-то в этой истории не сходилось. *Что?*

Музыка, которую я слушала утром, осталась поставленной на паузу на экране компьютера. Я снова включила ее и налила себе кружку. И тогда мне пришла в голову идея зайти на профиль Фиг. Она была у меня в друзьях, но я никогда не интересовалась им. Означало ли это, что я самовлюбленная или слишком занята? *Ничего это не означало! Ты просто не шпионишь по чужим страничкам.* Следить за Фиг в соцсетях было делом Дариуса. Я всего лишь слушала его нытье. Ее фотография профиля осталась неизменной — корона из цветов из Снэпчата, кожа будто припорошена золотом. Она слушала песню, пока я прогуливалась по ее профилю, что-то из Барбры Стрейзанд.

У нее было много плейлистов, по крайней мере десятков. Я нажала на несколько самых новых, сделанных с тех пор как она переехала в соседний дом, и стала листать песни. *Келли Кларксон!* Разве она еще популярна? Я думала, она теперь счастлива — замужем, с парочкой пухлых младенцев. Фиг была заядлой фанаткой попсы, особенно плаксивых женских голосов с электронным битом. Я прочитала тексты некоторых песен, которые были мне незнакомы. Мне это быстро наскучило, но вдруг пара строк завладела моим вниманием. Туман наивности ушел, и в моем мозгу что-то переключилось, словно кубик Рубика, когда делаешь последнее движение и вот все цвета там, где им надлежит быть. У каждой песни была одна и та же тема. Тема, которая мне не то чтобы нравилась.

*Я влюблена в тебя*

*Не знаю, что делать, ведь ты принадлежишь другой*

*Уйди от нее, будь со мной*

*Мое сердце разбивается, когда я вижу тебя с ней рядом*

*Может, в другой жизни...*

И так далее, и так, твою мать, далее. Я с силой захлопнула Макбук, подняла чашку остывшего кофе к губам, так к нему и не притронувшись. Я представляла, как широко, должно быть, были открыты мои глаза сейчас, словно открытые окна. Я именно так и напишу об этом «вау» моменте в книге. Я загружала эту непрошенную информацию в свой мозг, кусочки пазла тихонько складывались в единое целое. Я ведь следила за ней, когда она была с ним рядом, разве нет?

Женщины могли одним взглядом рассказать целую историю. Приглянувшись, можно все увидеть — блеск, пустая чернота, медленное моргание, быстрое. История, целый экран эмоций... Глаза могут давать либо хорошее, либо плохое предчувствие. Что говорил Дариус о глазах Фиг? Вы когда-нибудь наблюдали, как влюбляется психопат? Сплошной идеализм, пьяные эмоции, они видят лишь то, что хотят видеть. Я следила, как она смотрит, разговаривает и смеется, когда знала, что он на нее смотрит. Это было однозначно помешательство, никак не любовь. Я чувствовала себя виноватой, ведь Фиг говорила, как мне повезло. Я видела серьезность в ее глазах, когда она говорила, как будто спешила со мной этим поделиться. Меня беспокоило, что у меня есть что-то, чего она лишена. Любовь, внимательный муж... Разве Джордж не был постоянно таким... отсутствующим? Мне не хотелось хвастаться ей в лицо. Я и не прикасалась к Дариусу, моему собственному мужу, когда она была рядом и пялилась, словно хищник. Мне не хотелось ранить ее и сыпать соль ей на рану. Невозможно же контролировать, в кого влюбляешься. *Я знаю, что ты думаешь, но не виню тебя* — что-то вроде того.

Рассказать Джорджу? Нет, я не так уж хорошо его знала. Он никогда не появлялся, даже когда мы его приглашали, а его реакцию на мои мысли предугадать было и вовсе сложно. Фиг почти не говорила о нем, а при малейшем упоминании сразу меняла тему. Иногда мне казалось, что она хочет разграничить нас и Джорджа. В любом случае, это касается исключительно Дариуса и меня. Да, я жена с гиперактивным воображением. Я громко рассмеялась. Глаза... Невозможно узнать чью-то историю, посмотрев им в глаза? Или...?

## **Глава 41. 212**

Я корила себя за свою реакцию в парке. Дариус вел себя с ней по-другому. Когда она приходила в гости, он выходил из комнаты. Он проигнорировал мой совет и резко изменил отношение к ней. Она прямо спросила меня однажды, чем она его обидела.

— Не обидела, — ответила я, — у него просто сейчас много стресса. Он так привык к облегчению ситуации других, что не знает, что делать с собой.

Мне не хотелось, чтобы она чувствовала себя одинокой. Мне бы хотелось, чтобы он немного улучшил свою тактику общения с ней. По правде говоря, Фиг следовало научиться полагаться на свой круг людей, а не на мой.

В четверг утром Фиг пригласила меня на чай. Чай! Очень по-британски. Мерси начала ходить на полдня в маленькую частную школу, а я заканчивала редактировать новый роман. Я никогда не была у нее дома, и мне было до жути любопытно. Я набросила любимый кардиган из серой шерсти, достающий мне до колен, и вышла через заднюю дверь. Я была рада отвлечься. Я словно сидела у телефона и ждала звонка о моем отце, которому становилось только хуже в последние пару недель. Я повторяла его слова про себя снова и снова, надеясь получить какое-то успокоение. Все умирают. Смерть была частью жизни, то, с чем рано или поздно сталкиваются все.

Щеколда от ворот в сад Фиг заржавела. Мне потребовалось толкнуть ворота, чтобы они

со скрипом открылись. Дверь во двор дома Фиг была стеклянная, и за секунду до того, как она заметила меня, я увидела, как она стояла, опираясь на столешницу, и смотрела куда-то на пол. Меня посетила мысль, что она, возможно, инопланетянка, а не человек, но я лишь посмеялась над собой. Это влияние Дариуса с его пропагандой против Фиг. Именно Дариус рассказал мне, что каждый раз, когда я рядом, Фиг смотрит на меня нереально широко открытыми глазами, не мигая. Я никогда этого не замечала, а теперь мне было не по себе, как будто она загружала информацию в свой мозг. С нашей стороны было так жестоко разговаривать о ней за ее спиной. Она мне нравилась, но уж больно точными и смешными были наблюдения Дариуса. Она, наверно, и не подозревала, что кто-то считает ее странной, а может, и подозревала. По ней никогда не скажешь.

— Привет! — сказала она, открыв дверь. — Подкрадываешься ко мне, словно сталкер.

Я рассмеялась, потому что... Вообще-то...

На кухне было тепло. Я сняла кардиган еще до того, как она закрыла за мной дверь и повесила его на спинку стула. В раковине виднелись две чашки, тарелки и ложки.

— Джордж?

— Вегас, снова работа.

Ее слова звучали обрывисто. Я решила не продолжать этот разговор. Мне нравилось, когда люди рассказывали мне о том, что любят. Джордж был большим пятном в ее жизни. Она притворялась, что ее муж не существует. Дариус тоже думал об этом. Каждый раз, когда речь заходила о Джордже, они смотрели на меня пустым взглядом, будто не знали, о ком я говорю. Бедняга Джордж, он казался не таким уж плохим.

Я уже собиралась спросить ее о сайтах, над которыми она работала для моих друзей, но вдруг остановилась как вкопанная. Прошла всего лишь доля секунды, но Фиг уже что-то почувствовала. Она чувствовала запах перемен подобно лисе. Ее глаза увеличились, она стала теребить кувшин с молоком, который держала в руках.

— Какой чай будем сегодня пить? — радостно спросила я, повернувшись к ней. Ее остренькие маленькие плечи напряглись, в то время как взгляд бегал по моему лицу. Я улыбнулась и сделала комплимент ее кухонному столу, который, к счастью, был на другом конце комнаты рядом с...

Моей жестяной коробкой, моей кулинарной книгой, и тремя маленькими вазами с розовым цветком в каждой. Совпадение? Ха! Мое сердце бешено стучало, но я кивнула, когда Фиг предложила мне тур по дому, который включал в себя:

мою несуразную башню Спейс-Нидл в ее гостиной

мой стул с анималистичным принтом в ее фойе

мой каменный череп на ее книжной полке

мою металлическую корзину с одеялами

мой кремовый мягкий плед на стуле

мою лампу

мою кровать

картины из моей гостиной у нее на стенах.

Когда мы дошли до гостевой ванной, меня чуть не вырвало. Дариус был прав насчет краски. Ее ванная была покрашена в металлический цвет морской волны, того же самого цвета, что и фальшивая картинка из Инстаграм, которую он опубликовал. Может ли это быть совпадением? Сколько раз можно на него ссылаться, прежде чем поймешь, что здесь что-то большее? Финальный удар обрушился на меня, когда мы дошли до ванной комнаты в ее

спальне. Ее душевая занавеска была точной копией моей. Я делала свою на заказ и, насколько мне было известно, таких больше не выпускали. Удар от кита, плавающего под водой и готового проглотить корабль, был смягчен одеколоном Дариуса на полочке. У меня перехватило дыхание. Она видела мои глаза, побледневшее лицо, и, клянусь, я могла почувствовать ее мысли в этот момент, выходящие из-под контроля. Я ждала лжи, отговорки — чего угодно — но Фиг выбрала молчание. Она вывела меня из спальни через холл обратно на кухню, где закипал чайник. Я прислонилась к столешнице, не зная, что делать дальше. Притвориться больной? Остаться и притвориться, что все в порядке? Устроить разборки здесь и сейчас? Я совсем запуталась.

Она изображала занятость на другом конце кухни, склонившись над чайными пакетиками и чашками. Я слушала позвякивание фарфора несколько секунд, а потом сказала:

— Фиг, что делает одеколон Дариуса у тебя в ванной?

Она замерла, собираясь взять чайник. Она повернулась с улыбкой, замершей на лице.

— Одеколон Дариуса?

— Да, бутылочка «212», которую я там заметила.

Она продолжила колдовать над чаем.

— О, это Джорджа. Я нашла ее под раковиной. Мы были в *Nordstrom* (прим. пер. — сеть американских магазинов класса люкс) когда-то давно, и кто-то раздавал бесплатные образцы. Ему понравился запах, и он захотел одеколон. Я не знала, что у Дариуса такой же.

Она отвернулась, оставив меня обдумать ее слова. Я точно знала, что в *Nordstrom* этот одеколон не продается. Вообще-то, я заказала его для Дариуса из европейского онлайн-магазина. Почему же она врала?

По моей спине пробежал холодок. А вдруг это одеколон Дариуса? О, боже. Я взяла кружку чая дрожащими руками. Я покупала его годами. «212» определенно не увидишь в каждом магазине.

— С тобой все в порядке? — спросила Фиг, наклонив голову на бок. — Ты дрожишь как я после химиотерапии.

Она рассмеялась. Отвлечение внимания! Отлично!

— Да, просто переживаю за отца. Ты ходила к врачу? Что он говорит?

Каждый раз, когда я касалась темы рака, она отказывалась смотреть мне в глаза. Она смотрела на пол и отчаянно пыталась не отвечать на вопросы.

— Ну, знаешь, все по-старому...

— А результаты анализов хорошие? Или они что-то обнаружили?

— Что-то будет всегда — мне так сказали. Но я буду в порядке, буду бороться. Вообще-то, большую часть времени я не в порядке, просто пытаюсь выжить. Я много думаю о смерти...

Ее голос оборвался, и она уставилась в свой чай. Если бы я не привыкла к ее словам, я бы точно купилась. Она использовала эту прекрасную тактику отвлечения внимания в любой ситуации. И вот вы уже отвлеклись на переживания о ней, что забыли о том, что она не ответила на ваш вопрос.

— Опухоль доброкачественная? — я решила попробовать что-то более прямое.

— Мне еще предстоит анализы в следующем месяце.

— И тогда скажут, доброкачественная ли опухоль?

Она пожалала плечами. Я взглянула на часы.

— Мне пора. Спасибо за чай.

## Глава 42. Преследуя сталкера

Вернувшись домой, я закрыла дверь на задний двор на замок. Раньше меня это не волновало, и Дариус нередко напоминал мне об этом. Он говорил что-то вроде «Кто-нибудь возьмет и зайдет сюда и...»

«И что?» — отвечала я. Никто не хотел вслух произносить слова вроде «изнасилование». Я знала, что он был прав, просто всегда отличалась упертостью. Я решила закрыть дверь на замок не из-за страха насильников или воров. Я заперла ее, потому что не знала, что только что произошло. Что мы впустили в нашу жизнь.

Я была очень ранима в детстве. Мама называла меня «нежное сердечко», а отец сажал к себе на колени после того как я заливалась слезами, увидев бездомного на улице. Никто меня не укрывал от мира, они хотели, чтобы я все видела сама. Когда я спрашивала о причине страданий, они отвечали одно и то же — потому что у всех свои недостатки, а справедливости не существует. После этого я выискивала трещинки в людях, все то, что делает мир несправедливым. Мне так хотелось избегать таких людей, если вдруг и мне передастся их несовершенство и несправедливость. Это и было моей собственной трещинкой. Я искала недостатки в других, а это и было несправедливо, в то время как у меня была целая куча. Вместо этого я решила смотреть на хорошее, милое и чистое. Если присмотреться, то всегда можно найти что-то хорошее, за что можно любить людей. Я была ребенком с принципами. Лет с шести до шестнадцати у меня их была целая куча, но самым близким была поддержка тех, у кого нет друзей. Да, садись рядом со мной. И все садились, потому что людям важно сидеть с кем — то рядом. А вскоре люди сели мне прямо на шею. Жить становится все тяжелее, особенно когда люди осознают, что ты хочешь взять на себя часть их ноши.

Лучшим способом справиться с этим было бы отстраниться от всех. Нет, не садись рядом, мне нравится быть в одиночестве. Я так и поступала какое-то время. Люди чувствуют твою доброту, даже когда ты ведешь себя как идиот, чтобы отпугнуть их. Дариус был первым, кому я разрешила сесть рядом, он бросил мне вызов, поэтому деваться было некуда. После этого рядом садились и другие, но на шею никто не садился в этот раз. Я снова кое-как переместилась в зону дружбы, но никто этого не заметил. К тому времени как Фиг переехала в соседний дом, я снова впустила в свое сердце ту девочку с принципами. Я разрешила ей присесть рядом. Я всего лишь хотела взять на себя часть ее груза и дать ей понять, что все будет хорошо.

Но ситуация вышла за рамки нормальной. То, что я увидела в соседнем доме, нельзя назвать нормальным.

Я достала телефон, чтобы позвонить Дариусу. Он не брал трубку, и я отказалась от этой идеи. Может, все это просто в моей голове. Я — писательница. Возможно, мне просто стало скучно, и я кое-что преувеличила. Может, я сошла с ума, но потом память вернула меня в тот день в парке, песни, которые я нашла в ее плейлистах. Я больше не могла игнорировать эту ситуацию, как бы мне этого не хотелось.

Я открыла ее аккаунт в Инстаграме, прокручивая профиль вниз в поисках фотографий, на которые мне указал Дариус, а потом и Аманда с Гейлом. Я игнорировала их слова, но не потому, что сама не видела сходства, а потому что мне было наплевать. Мы же сами постоянно кого-то копируем, разве не так? Мы видим фотографии знаменитостей в джинсах с высокой талией и покупаем такие же. Мы скачиваем музыку, которую слушают наши

друзья. Мы — поколение «увидел, захотел, купил». Но здесь все было по-другому, более зловеще. Я дошла до самых первых ее фотографий два года назад — зернистые, бежевые фото, что-то очень депрессивное. Ничего страшного, не все начинали с высокохудожественных фото в Инстаграме. После ее переезда в соседний дом ее Инстаграм полностью изменился. Она изменила стиль своего профиля в подражание мне, у ее фотографий были такие же белые рамки. Копировала она и ракурсы — половина Колеса Обозрения Сиэттла в верхнем правом углу, фруктовые ларьки на Пайк-Плейс-маркет (*прим. пер. — общественный рынок в Сиэттле, одна из туристических достопримечательностей города*), фотография редиса, снятая вблизи, закаты, фото блузки, которую я заприметила в магазине, желтое здание, впереди которого мы устраивали семейную фотосессию, медуза в аквариуме... В ее Инстаграме было все, и каждая фотография сделана спустя пару дней после моей. Но почему? Она вообще осознавала, что делает?

Когда Дариус пришел домой в тот вечер, я рассказала ему обо всем, начиная с безделушек у нее на кухне и заканчивая его одеколоном.

— Ты уверена, что такой же, как у меня?

— Дариус, ты им пользуешься вот уже четыре года. Я тебе его купила. К тому же, мне приходится его заказывать с чертовых куличек!

Я мерила шагами гостиную, положив руки в задние карманы брюк. Резко обернувшись, я посмотрела на него, ожидая увидеть его реакцию. Он сидел на диване, опустив голову, болтая руками между ног.

— Мне сейчас до того неудобно, что я не знаю, что сказать, — он взглянул на меня, и я почувствовала себя виноватой. В этом нет его вины. Я подумала о своих сомнениях относительно него, какой злой и обвиняющей я становилась. Я была неправа, обвиняя его за то, что сама привела в дом.

— Сейчас тебе станет еще более неудобно, — сказала я, подняв палец вверх.

Я подошла к своему Макбуку и нашла плейлист, который составила. Я хочу проиграть каждую песню, чтобы он, наконец, все понял.

— Послушай! — я проиграла все песни, Дариус сидел рядом и внимательно слушал.

— Думаешь, эти песни обо мне? — отрывисто спросил он.

Я кивнула.

— Слова, Дариус. Все эти песни о том, что она влюблена в кого-то, кто ей не принадлежит. Она думает, что я — корень всего зла, и тебе нужен кто-то лучше — а именно, она. Добавь сюда одеколон, ее поведение, когда ты рядом, ее Инстаграм! Посмотри — она опубликовала четыре фотографии с тобой. Только с тобой. Меня нет ни на одной фотографии. Почему же она размещает фото с чужим мужем в своем профиле? Это ненормально.

Он не ответил. После того, как месяцами Дариус твердил, что Фиг копирует каждое мое движение, я рассчитывала на другую реакцию. Что-то здесь было нечисто.

— Дариус, что произошло между вами? Скажи мне правду.

Он выглядел встревоженным. Задетым? Я только что сделала то, что еще пять минут назад пообещала себе не делать. Что за неразбериха творится у меня в голове! Я сразу же извинилась. Нельзя вот так продолжать его обвинять. Я заплакала.

— Прости меня. Такой странный день... Твой одеколон...

Он обнял меня прежде чем я смогла закончить предложение.

— Все в порядке. Она сошла с ума, и я не виню тебя за твое состояние. Но это не я, Джо.

Она хочет обладать всем, что принадлежит тебе, а я лишь продолжение списка.

Я кивнула, вдыхая его запах. Я обожала его запах, без одеколona. Как я могла сомневаться в нем? Он так хорошо относился ко мне и Мерси. Воздействие Фиг Коксбери было едва заметным, но, когда чье-то присутствие влияет на ваши семейные отношения, пора это прекратить.

— Что ж, приятно чувствовать свою правоту относительно краски, — сказал он. Я слегка толкнула его в ребра. — Помнишь, когда пришла посылка с занавеской для душа, она спросила, что ты заказывала, потому что увидела коробку у двери?

Я кивнула.

— Ты отправила ей фотографию занавески. Я сказал тебе не делать этого, потому что она купит такую же...

Я смутно это помню. Я не сказала ей, где купила занавеску, а просто отправила фотографию, когда повесила ее. Я рассказала об этом Дариусу, а он лишь покачал головой, будто я была такой наивной.

— Джо, можно гуглить по фото. Просто вставить картинку — и вуаля!

— Она могла посмотреть, что за фирма, когда зашла к нам.

— Тоже верно! — согласился Дариус.

— С ума сойти, Дариус! На сайте, на котором я заказала душевую занавеску, есть пять тысяч изображений китов, но ей понадобилось купить именно эту!

Он пожал плечами.

— Потому что у тебя такая же? Потому что она не знает, кто она, и использует тебя в качестве карты желаний.

— Карта желаний... С ума сойти.

— Тебе нужен перерыв. Не приглашай ее какое-то время. Ты сейчас все равно занята. Твой отец болеет, нам предстоит путешествие. Забудь о Фиг. Не преследуй сталкера. Пусть будет сумасшедшей, только на расстоянии.

Он погладил мое лицо, а я кивнула. Он был прав. Я не могла позволить себе сейчас связаться в эту эмоциональную чепуху. Мне нужно сосредоточиться.

### **Глава 43. Геймер**

Одним дождливым днем я встретила с Дариусом в супермаркете во время его обеденного перерыва. Нам предстояло выбрать велосипед для Мерси на Рождество. В этом и заключалось одно из самых прекрасных качеств быть родителями — нашей малышке уже нужны колеса. Я увидела его, когда подбегала ко входу в магазин — дождевик я оставила дома. Его воротник был поднят, он положил руки в карманы и смотрел в сторону парковки. Я почувствовала себя такой счастливой и влюбленной. Мы выдержали столько бурь, мы так много боролись за право быть вместе. В нашей любви было столько достоинства. Зайдя внутрь, мы бродили между рядов, бросая в тележку ненужные мелочи. Мы были в хорошем настроении. Уже на кассе мы обнаружили, что забыли про велосипед.

— Это все твоя вина! — пошутила я.

— Да-да, разумеется. Это я увидел диванные подушки и забыл обо всем на свете.

Я рассмеялась.

Дариус заканчивал оплату карточкой, когда я услышала ее голос позади меня.

— Вы так и будете притворяться, что не увидели меня?

Я обернулась и увидела Фиг и ее тележку, уже набитую пакетами. Я подумала, что она шутит, но на ее лице не было и следа улыбки. На ней не было макияжа, а волосы свисали

сосульками и выглядели немытыми.

— Теперь я тебя вижу, — сказала я, улыбнувшись, — Привет!

Ее взгляд был направлен на Дариуса. Я взглянула на него, крепко сжав мой стаканчик из Старбакса. Он что, увидел ее и проигнорировал?

— Ты увидела меня, но притворилась, что нет.

Теперь она смотрела на меня.

— Я не заметила тебя, извини.

Я повернулась к Дариусу.

— Ты ее видел?

Он ставил пакеты в тележку, даже не взглянув на меня.

— Дариус?

Он тряхнул головой.

Обернувшись, я не увидела Фиг, лишь пустое место. Я посмотрела на дверь, и увидела, как она выходит из магазина.

— Что за чертовщина?

— Она сошла с ума, — ответил он, нахмурившись.

— Ты ее видел?

— Нет, — твердо сказал он. — Вообще не видел.

— Зачем она так поступает? Вы что, поссорились?

— Нет.

— Дариус, хватит!

Он остановился прямо посреди улицы.

— Что между вами произошло?

— Слушай, я не могу объяснить действия тронутой женщины. Спроси у нее. Все, что я знаю — она бомба замедленного действия.

— Да уж...

Я снова повторяла ее слова про себя. Слова, ее личная история, ее мнения о других. Сначала я подумала, что увидела агонию в ее глазах. Ей нравилась Сильвия Плат, и она находила между ними много общего. Кто, как не маниакально депрессивные личности, мог находить общее с Плат? Суицидники? Никакой агонии и в помине не было, вдруг осознала я. Все это было напускное. Страдание придавало ей важности в ее глазах. Все раны были тщательно отрепетированы, как и ее личность. Она дарила цветы, но сделаны они были из пластика. Такие настоящие, такого чудесного цвета, что ты уже почти веришь в эту ложь. Взамен она брала самую мелочь, мелкие кражи, которые едва заметишь — плейлист, например — все, чтобы сформировать особую связь с тобой. Все думали, что я не видела ее стиль, но это неправда. Я видела и хотела наблюдать за ней. Этим занимаются все писатели — хорошие, по крайней мере. Мы наблюдаем и узнаем что-то новое о всяческих ляпах человеческой природы. Как изящно люди теряют контроль, будто потрепанные края гобелена. Я подумала о головных болях Фиг — они достигали ее всякий раз, когда Дариус был рядом. Какими-то десятью минутами раньше она смеялась, но как только Дариус входил в комнату, ее лицо искажала кислая гримаса боли, будто ей кто-то проткнул висок ножом. Дариус ничего не замечал, но я указывала ему на это позже.

— Серьезно? — обычно спрашивал он. — Как ты думаешь, почему она так меняется в лице?

— Ты у нас психотерапевт.

Он погладил свое лицо.

— В этом ее фишка. Она хочет казаться ранимой, чтобы мы проявили к ней внимание.

— Похоже, это работает.

— Будь осторожней с тем, что ты ей рассказываешь, — сказал он, нахмурившись. —

Она...

— Она что? — лягнула я, о чем тут же пожалела. Он пытался помочь, это я слишком критична. Да и вообще — он психотерапевт. Если он считает, что Фиг слишком серьезно относится к моим словам, значит, так оно и есть. Я подумала о том, что я ей рассказывала о Райане, и меня передернуло. Она подталкивала меня к Райану, потому что хотела заполучить Дариуса? Я видела, как она смотрит на него и как пытается разделить нас, когда мы все вместе. Например, когда мы играли в настольные игры, даже в присутствии своего мужчины Фиг каким-то образом оказывалась в одной команде с Дариусом, и вот эти двое уже затаились на другом конце стола, выдумывая свой план действий. Сначала я думала, что это очень мило. У них одинаковое чувство юмора, цитаты из фильмов, сарказм. Для меня было практически облегчением, что мне больше не нужно притворяться с Дариусом, выискивая цитату из кино, чтобы ответить ему. Насмешки им отлично удавались. Если мне хотелось почувствовать связь с Дариусом, я должна достичь его уровня. У него же не было понятия, как добраться до моего. Фиг, будучи ловким игроком, создавала эмоциональные команды, объединяя других игроков против меня. До сегодняшнего дня меня ее поведение раздражало, но сейчас я увидела ее в новом свете, свете Дариуса, и меня затошнило. Однажды мы были на ужине с Амандой и Холлисом, и я была объектом для шуток — смеялся даже Дариус. Аманда встретила со мной взглядом и сменила тему. После ужина она взяла меня за руку и прошептала: «Какого черта?»

Позже, уже дома, я вспомнила тот день, когда мы встретили Фиг. День, когда она разговаривала с Мерси в саду. Она была совсем непохожа на теперешнюю себя, с излишним весом и мышинными волосами, ревностная во всем, что она делала. Я пригласила ее к себе, потому что увидела что-то в ее глазах.

После того как Дариус, как обычно, вырубился на диване, я позвонила Аманде.

— Джо, я тебе с самого начала говорила, что что-то с ней не то. Она просто помешана на тебе. Даже Дариус так думает.

— Да, — слабо ответила я, — я просто подумала, что ей нужна подруга, понимаешь...

Я слушала, как сама ее оправдывала, и поморщилась.

— Она тебе не подруга!

— Что ты имеешь в виду? Ты о чем-то знаешь? Рассказывай!

Аманда вздохнула.

— Слушай, я не хочу ни во что вмешиваться. Я знаю, как ты любишь своих протеже. Когда ты была во Франции с Дариусом, она пришла сюда.

— Помню...

Я смутно помнила фотографии у бассейна перед домом Аманды. Фиг выглядела пьяной, и Аманда посмеивалась над ней.

— Она говорила о тебе. Часами. Можешь спросить Холлиса, если мне не веришь. Она все говорила и говорила о том, что вы с Дариусом не должны быть вместе. Я понимаю, она выпила лишнего. Но потом она заговорила о какой-то ложке, которую нашла на пирсе. Что-то про Дариуса и историю, которую он ей рассказал. Она возомнила, что ложка — это знак... Не знаю, это все дурдомом пахнет.

Я налила себе бокал вина, ровно до верху. Бокал был настолько полон, что мне пришлось чуть-чуть наклониться и отпить, чтобы не разлить вино.

— Так знаком чего была ложка?

— Что все будет хорошо? Что все будет так, как она этого хочет? Кто ее знает, эта сучка совсем слетела с катушек.

Я вздохнула. Аманда — моя самая здравомыслящая подруга. Дариус — мой муж. Если оба называют Фиг сумасшедшей, то, видимо, они правы. Так ведь?

Я выпила залпом весь бокал вина. Жуть как элегантно.

— Джолин, пообещай мне кое-что.

— Что?

— Никогда не оставляй ее наедине с Мерси, хорошо?

По моей спине пробежал холодок. Я никогда не оставляла Мерси с кем-то, кроме моей матери, но Фиг так об этом просила, умоляла. Она упорно хотела посидеть с моей дочерью.

— Хорошо, — слабо согласилась я, — но мы же не знаем ничего наверняка, так?

— Джо, она показала нам видео, как ты ругаешься с Дариусом. Она записала тебя на видео.

— Какого черта?

Я вдруг почувствовала огромную усталость. Ради такого нужно разбудить Дариуса. Он должен знать.

— Мне нужно сказать Дариусу. Все становится слишком странно. Я позвоню тебе завтра, идет?

Я повесила трубку, и направилась в гостиную, где Дариус по-прежнему спал на диване.

— Дариус!

Он шевельнулся, открыл глаза и улыбнулся.

— Дариус, нам нужно поговорить. О Фиг.

#### **Глава 44. Змеи**

Дом действовал на меня удушающе. Я отключила отопление, открыла окна. Дариус любил, когда дома жарко. Ощущение холодного воздуха на моей коже помогло ненадолго, но затем беспокойство снова обрушилось на меня, гуляло по комнатам, грызло ногти и ждало, когда что-нибудь произойдет. Но почему? Мне было не по себе, потому что соседка зашла слишком далеко? Даже для писателя звучало слабовато. Может быть, мне просто нужна смена пейзажа, нужно замедлиться. Дариус предложил мне работать над книгой в кофейне, поэтому в четверг я положила макбук в сумку и проехала пять миль до Венецианского Кафе. Движение по пути туда было ужасным, но мне так нравились полы, уложенные сверкающей плиткой, и строгий хозяин, ругающий посетителей за использование терминологии «Старбакса». Я раньше писала здесь, когда Дариус только начал принимать клиентов, просто чтобы быть с ним по соседству. Он обычно заходил в кафе во время обеда, и мы ели один яблочный пончик на двоих перед его возвращением на работу. Тогда наши отношения были совсем зелеными. Я целую книгу написала в Венецианском Кафе, и мне хотелось повторить былой успех. Я припарковалась у входа и вошла, предвкушая легкий блеск и расслабленную атмосферу, которая всегда помогала мне писать. Вместо этого, я чуть не врезалась в Фиг, которая несла кофе к своему столику. Она выглядела крайне удивленной, затем быстро овладела собой и поприветствовала меня своим коронным «Ну привет!»

— Что ты здесь делаешь? — спросила я.

Она подошла к столику, где был раскрыт ее ноутбук.

— Работаю. У них лучшие яблочные пончики!

— Правда? — сказала я, облизнув губы. — Надо будет попробовать.

— Ты говорила с Дариусом? — спросила она. Была ли в ее выражении лица некая неуверенность, или мне все привиделось?

— Ну да. Я все время с ним говорю, он мой муж.

— Он только что вышел отсюда, — быстро сказала она. — Взял кофе с собой.

Она убрала прядь волос с лица, и тогда я заметила браслет на ее запястье. Обычный круглый браслет, который сейчас носили все, но меня привлек кулон — маленькая серебряная змея, готовая к нападению.

Фиг не любила змей. Я слышала от нее об этом раз десять. Почему? Потому что мы с Дариусом разговаривали о его бывшей, которая до смерти боялась змей. Фиг тогда сказала: «В этом ничего такого нет, я сама никогда их не любила».

Ее слова звоном отдались в моей голове, пока я смотрела на маленький кулон, побрякивающий на ее запястье. Кто любил змей, так это Дариус! По всему нашему дому были разбросаны тяжелые роскошные издания о змеях. Он предложил купить маленькую змею для Мерси пару месяцев назад, а именно майсового полоза, показывая мне фотографии. У меня была татуировка змеи, дань миру Гарри Поттера и Слизерину в частности. Именно она привлекла внимание Дариуса много лет назад в колледже. Мы были любителями змей, а Фиг — нет. Так почему же на ней был этот браслет? Моей первой мыслью было — потому что она сама змея. Или, возможно, была в нее влюблена.

Я посмотрела на здание, где находился офис Дариуса. Может, мы ошиблись, и она была помещена вовсе не на мне. Она не могла не знать, что он работает поблизости, и пришла сюда ради него?

— Думаю, найду к нему на работу ненадолго, — сказала я, беря сумку.

— У него клиенты до пяти, — сказала она, — он не сможет с тобой увидеться.

Меня это задело.

— Не знала, что ты нанялась ему в секретарши.

Ее поведение сразу изменилось. Она отвела взгляд, начала копаться в словах.

— Ну...Он просто сказал мне, как занят будет сегодня. Я просто так сказала. Уверена, что ради тебя он отменит все сеансы. Только спешу... — она попыталась отшутиться, но я услышала власть в ее голосе. Я вышла из кафе, ничего не ответив, и отправилась к Дариусу.

Он стоял у стойки ресепшен, когда я вошла, держа в руках бумажный стакан кофе. Он выглядел удивленным, увидев меня, но затем выражение сменилось улыбкой. В приемной никого не было. Я подошла к нему и поцеловала. Он принял поцелуй с несколькими колебаниями, и улыбка исчезла с его лица.

— Работаешь по соседству?

— Да. Я только что столкнулась с Фиг. Это ты рассказал ей о Венецианском Кафе?

Что за эмоция только что отразилась на его лице?

— Да, должно быть, как-то упомянул о нем в разговоре.

Он отвернулся и пошел к своему офису. Секретарша смотрела на нас с легким интересом.

— Получается, ты говоришь, что она тебе не нравится, что она сумасшедшая сталкерша, а сам кофеек с ней попиваешь каждый день?

Он запер дверь, и я кинула свою сумку в единственное свободное кресло.

— Я никогда не говорил, что она мне не нравится.

— Не говорил, как же? Значит, ты хочешь, чтобы она не нравилась мне? Есть ли этому какая-то причина?

— Ты что, пришла сюда закатить скандал? Тебе это помогает писать?

Получается, что так. Я проводила ногтем большого пальца над верхней губой и смотрела на него. Вперед-назад, вперед-назад.

— Нет, это помогает мне узнать правду, которую ты что-то не спешишь мне открыть, не так ли?

Дариус посмотрел на часы. Я ему не позволю просто так избавиться от меня. Я подошла к его столу, и он последовал за мной.

— Я думала, у тебя клиенты до пяти. Фиг сказала.

— Отменились.

Его телефон лежал на рабочем столе. Я смотрела на Дариуса и нажала на экран. Целый экран сообщений, и все — от женщин. Среди них я увидела Фиг.

— С кем это ты переписываешься? Я думала, вы с Фиг пока что не общаетесь.

Он продолжал смотреть в сторону.

— Как долго она приходит сюда... работать?

— Я не собираюсь с тобой разговаривать в таком тоне.

— В таком тоне? — я рассмеялась. — Ты имеешь в виду, когда я собираюсь тебя раскусить?

Может, я слишком остро реагировала. Может, я наказывала его за то, что он не поддерживал меня после визита к отцу. Он по-своему пытался — купал Мерси по вечерам, приносил мне бокал вина — просто мне этого было мало. Я была эгоистична, хотела, чтобы люди прогибались и давали мне всю любовь, в которой я нуждалась, а не ту любовь, которую они могли мне дать.

— Хорошо.

Я подошла к двери. Мне нужно было напоследок ужалить его еще раз. В этом была вся я. Я знала, что первоначальная реакция скажет всю правду.

— Слушай, какой у тебя пароль к электронной почте?

Он уставился на меня.

— Ты знаешь мой пароль...

Его лицо превратилось в каменную маску. Мне хотелось бросить что-нибудь ему в лицо и посмотреть, не разобьется ли оно на кусочки. Совсем докатилась. Я отвернулась, прежде чем он смог увидеть мое лицо. Если он мне его не даст, догадаюсь сама.

## Глава 45. Стоматолог

Вот некоторые мысли на приеме у стоматолога:

Он определенно знает, что я не пользовалась зубной нитью с моего последнего визита.

Черт. Я буду чувствовать себя виноватой.

Почему он разговаривает со мной, в то время как мой рот широко открыт?

Что это за острая штука?

Обещаю, что буду пользоваться зубной нитью каждый день.

Ненавижу это место!

Мне дали халявную зубную нить!

Которой я никогда не буду пользоваться...

К черту зубного, серьезно. Разве есть люди, которым нравится, когда у них во рту ковыряются пальцы в перчатках? Наверно — я уже ничему не удивлюсь в наши дни. У меня

есть правило — если ты засунул какую-то часть своего тела ко мне в рот, пусть это лучше закончится моим оргазмом. Да и вообще, когда у меня в последний раз был оргазм? Мы с Дариусом не разговариваем со ссоры в его офисе. Я уже была в постели тем вечером, когда услышала поворот ключа в замке. Я прижалась поближе к Мерси, которой я разрешила спать со мной, лишь бы его не было со мной в одной постели. Зайдя в нашу спальню, он увидел, что она спит рядом со мной, и вышел. «Скатертью дорожка», — подумала я. Мне нужно больше времени. Я не могла ему позволить выйти сухим из воды. Мне нужно было подумать.

Этим я и занималась вот уже несколько дней. А еще я подбирала пароль к его электронной почте. Ничего не подходило. Я чувствовала, что что-то тут не чисто.

Кабинет стоматолога был в двадцати минутах от моего дома. Увидев полную парковку, я отругала Райана сквозь зубы. Именно Райан записал меня к стоматологу, узнав, что я не была там аж два года. Узнай об этом Дариус, он бы точно сошел с ума. За все годы моего знакомства с Райаном, он никогда не приставал ко мне, но Дариус терпеть его не мог, как и присутствие любого мужчины в моей жизни. Он никогда не записывал меня к стоматологу, хотя, подозреваю, было время, когда он хотел отправить меня к психотерапевту.

*Почему именно там? Стоматологов полно на каждом углу, а ты хочешь, чтобы я ехала к черту на кулички!*

Я отправила сообщение Райану, увидев адрес кабинета стоматолога. Он знал, что я ненавидела водить машину.

*Он мой приятель. Сходи, все будет отлично. К стоматологу нужно ходить всего пару раз в год. Хватит жаловаться.*

И я прекратила. Если бы Дариус сказал мне прекратить жаловаться, я бы обязательно подкинула ему повод пожаловаться. А с Райаном я прекратила. К черту все. Что вообще происходит в моей жизни?

Генри Ву был молодым азиатом, только что выпустился из зубного колледжа, или где там их обучают. Он сам пришел за мной в приемную и показал дорогу в кабинет, насвистывая саундтрек из «Декстера». Очень успокаивает, чего уж там. Усадив меня в кресло, он поведал мне, что это самый первый его кабинет, а его дядя дал ему для этого денег в долг. Я поняла, что все-таки не зря проделала такой путь и подумала, что надо будет поблагодарить Райана.

— Откуда вы знаете Райана? — спросил он. Я заметила, как его взгляд блуждал по моему обручальному кольцу.

— Мы познакомились в колледже, но не общались там. Мы подружились уже после окончания. А вы?

— Мы вместе работали в закусочной Logan's. Пиво, орешки, чаевые в два доллара всю ночь.

Я честно попыталась представить Райана-официанта, но не могла.

— Он никогда не разносил еду со своих столиков, и мы все его терпеть не могли, — сказал Генри, и мы рассмеялись. *Это* я могла представить.

Час спустя не было обнаружено кариеса, и Генри спросил, чем я зарабатываю на жизнь. Я колебалась с ответом.

— Я писательница.

Я по-прежнему нехотя признавала свой род занятий. Я ненавидела рассказывать о себе. Сказать кому-то, что занимаешься творческой профессией — все равно, что обнажиться. Или признать, что сидела в тюрьме. Сначала на тебя смотрят, будто ты шутишь, а потом

хотят узнать, в чем ты провинилась. Потом начинают странно себя вести, не понимая, должны ли они тебя бояться или выглядеть впечатленными. Доктор Ву снял маску и удивленно поднял брови. Я больше не могла так делать — слишком много ботокса.

Я думала, что он стандартно отреагирует и, возможно, задаст пару вопросов о том, что я пишу, но вместо этого он выпалил:

— Уже вторая писательница! Ничего себе!

— В этом районе? — спросила я, выпрямившись. Я могу пересчитать писателей, живущих в Сиэтле, на пальцах одной руки.

— Да, она тоже из Сиэтла. Не знаю, как она меня нашла, я не поинтересовался.

— Как ее зовут?

Мне стало дико интересно. Наверно, какая-то знакомая писательница. Только пара авторов знали мое настоящее имя, и меня такое положение дел абсолютно устраивало.

— Не могу вам сказать, в соответствии с Законом о данных страхования граждан.

Меня это расстроило.

— Она хоть известная?

— Без понятия. Она упоминала туры в поддержку книг, поэтому, наверно, она знаменита. Пишет под псевдонимом.

— Да бросьте!

Я стала вспоминать имена авторов из Сиэттла: Сара Джо, Айзек Марион, кое-кто из Вашингтона, напримен С.Стивенс, С.Л.Дженнингс. Как же я могла пропустить нового автора?

— Она, наверно, постарше, — предположила я. Писательница старшего возраста без аккаунтов в соцсетях — уже похоже на правду. Те, у кого были аккаунты, быстро находили друг друга.

— Нет-нет, она вашего возраста. И выглядит прямо как вы.

Он снял перчатки и надавил на педаль мусорного ведра ботинком.

— Выглядит как я?

Все дело в температуре в кабинете или это у меня по спине пробежал холодок?

— Темные волосы, одевается в похожем стиле, — он посмотрел на мои ботинки. — На ней были ботинки «Доктор Мартенс». Наверно, такая фишка у писателей, потому что они уже сто лет как вышли из моды.

— Похоже, они возвращаются! — улыбнулась я. Осталось проверить одну деталь.

— Она родом из Вашингтона?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет. Сказала, что переехала сюда со Среднего Запада.

Теперь мне стало по-настоящему холодно. От пяток до самого сердца, которое внезапно бешено забилося. Я подписала чек, улыбнулась, записалась на следующий визит. Оказавшись в машине, я бросила сумку на пассажирское сиденье и набрала Аманду.

— Это Фиг! — сказала она, после того как я закончила свой рассказ.

Я с облегчением выдохнула. Я так и думала, но боялась сказать это вслух.

— С ума сойти! — недоумевала она. — Я позвоню и представлюсь ей, чтобы выяснить, действительно ли она ходит к этому врачу.

Я не успела возразить, как она уже повесила трубку. Я сидела в машине, и на меня обрушилась волна тошноты. Почему? Ей так хотелось жить моей жизнью, что она пошла к тому же стоматологу! К тому моменту, когда имя Аманды высветилось на экране телефона,

мне совсем поплохело.

— Алло?

— Она пациентка. Я записала ее мерзкий рот на чистку.

Я съехала на обочину.

— То есть ты говоришь мне, что Фиг Коксбери ходит к *тому же* стоматологу — к Ву?

— Ага.

— Хорошо, хорошо, — сказала я, паркуя машину. Я прижалась лбом к рулю. — Но, быть может, это все совпадение, так ведь? Может же быть какая-то другая писательница, которая ходит к тому же стоматологу, Сиэтл ведь большой город!

— Нет, не такой уж большой. Слушай, прекрати уже притворяться душой! Она хочет твою жизнь. У нее даже стоматолог твой! Пора просыпаться, Джо.

— Хорошо, положим, я проснулась. Что дальше?

— Продай дом. Переезжай в другое место. У нее не все в порядке с головой.

— Я не могу просто так взять и продать дом. Я ведь первая сюда приехала!

— Думаю, она купила дом по соседству, потому что уже тогда была на тебе помешана.

Мы обе замолкли. Что за абсурдная ситуация? Но что, если абсурд окажется правдой?

— Я, я... Мне надо поговорить с Дариусом. Посмотрим, что он скажет. — Я повесила трубку с чувством вины. Я и не собиралась разговаривать об этом с Дариусом. Было несколько важных решений, которые мне следовало принять.

#### **Глава 46. Социопат**

Иногда у тебя словно появляется шестое чувство, что что-то не так. Оно сидит в твоём желудке, словно мешок с камнями. Ты постоянно осознаешь, что оно там, но как-то учишься жить с ним. Ты не хочешь быть права. Вместо этого ты скажешь себе, что просто сошла с ума, станешь алкоголичкой, и будешь засыпать каждую ночь со слезами на глазах. Что угодно, лишь бы не столкнуться лицом к лицу с правдой, с собственной правотой. Что он и правда изменяет. С каких пор легче стать сумасшедшей, чем той, кому изменяют? Дело в том, что просто приятнее быть сумасшедшей, чем нелюбимой.

О чем же мы спорили, когда моя жизнь окончательно рухнула? Ах да, о Райане. Чертов Райан! Я не говорила с ним уже несколько недель. Он встречался с какой-то блондинкой и ставил хэштег #свидание под всеми своими фото. Мартини со льдом на блестящей барной стойке. Мне этого хватило, чтобы уйти в тень. Я никогда не скажу кому-нибудь перестать писать мне, потому что я в отношениях, но сама не буду писать кому-то, кто состоит в отношениях. Я слишком любила женщин, чтобы дурачиться с их мужчинами. Я делала кофе на кухне, когда Дариус показал мне фото, которое Райан опубликовал в своем Инстаграм.

— Он это для тебя выложил? — спросил он. Его лицо было зеленоватого оттенка, будто у него была температура. Он держал телефон прямо передо мной и потряс им.

— Это не снежный шар, Дариус, — сказала я. Я взяла его за запястье и стала рассматривать фотографию. Райан сидел на траве рядом со своей племянницей. — Подожди-ка... Ты спрашиваешь, не запостил ли Райан фото с собой и ребенком для меня?

— Не прикидывайся дурочкой, Джолин, — ответил он. Это на самом деле сейчас происходит со мной?

— Думаю, это я живу с глупцом, — бросила я, отвернувшись. Он взял меня за плечо и резко повернул назад.

— Белая рамка на фото... Это твой стиль фото.

— Мой и еще миллиона пользователей Инстаграм. Какого черта фото Райана имеет

отношение ко мне? И почему ты следишь за ним?

— Он в тебя влюблен, — Дариус вытер пот со лба ладонью. Он выглядел как наркоман.

— Спрашиваю еще раз — какое отношение это имеет к его племяннице?

Он не остановил меня, когда я вышла из кухни. Я слышала его шаги, туда-сюда, туда-сюда. Он открывал и закрывал ящики — типичное поведение Дариуса, когда он взволнован. В чем дело?

Я уже однажды видела его в таком состоянии, когда он расстался со своей невестой и моей подругой. Он выглядел перевозбужденным, будто принял какие-то наркотики. Одну минуту он плакал, другую — был рассержен, а потом начинался словесный понос, о содержании которого он потом пожалеет. Его поступки были вне здравого смысла и логики, как фотография Райана.

Через несколько часов я складывала свежестиранные вещи в нашей спальне. Я не знала, который час. Полночь? Час ночи? Он открыл дверь и медленно, почти на цыпочках, вошел. Выглядело очень комично — он старался не шуметь, чтобы меня не разозлить.

— Прости меня, — сказал он. — Этот парень сводит меня с ума. Я видел ваши сообщения. Я читал их все это время.

Я посмотрела на него, но он отвел взгляд.

— Ты сам себя сводишь с ума. Ты читал мои сообщения? Да уж, ничуть не жутко...

Я положила свое белье в ящик и, закрыв его, перешла в гардеробную. Мои движения были уверены и спокойны, в отличие от моих мыслей, которые летали вокруг, словно дротики, и били по больному. У него были все мои пароли, контроль над айпадом — последнее не было для меня сюрпризом. Я никогда не старалась от него что-то спрятать. А он совсем сошел с ума и начал за мной шпионить — интересно, сколько это продолжалось? Несмотря на все это, у меня не было ни одного из его паролей. Как так получилось? Я слишком доверяла ему или пустила все на самотек? Я имела представление, на что он был способен.

Он поплелся за мной, и я сразу же пожалела, что пошла в гардеробную — теперь я окружена.

— Ты не хочешь ничего мне сказать? Я только что сказал тебе, что видел всю вашу переписку.

— Остановлюсь на моем изначальном предложении — это жуть.

Он открыл рот.

— И все?

— Ты знал, что мы переписываемся. Я никогда этого не скрывала. Боже, да я его постоянно динамила! Что ты хочешь этим сказать?

— Ты не должна с ним переписываться, ты — замужняя женщина.

— Я не пишу ему первая. Я отвечаю на его сообщения. Давай лучше поговорим о том, кто пишет тебе, Дариус. Я увидела столько разных имен в твоём телефоне, когда пришла навестить тебя на работе.

— Я думаю, что ты социопатка, — заявил он.

— Вот как? Наверно, ты прав.

Я вытолкнула его из гардеробной в спальню. Скорей бы он ушел. Мне больше нечего ему сказать.

— Почему же, когда я говорю о тебе, ты переводишь стрелки на меня?

Я больше не знала, как спрятать свой шок. Я теряла самообладание, и теряла его с

бешеной скоростью.

— Ты говоришь мне, что я не должна переписываться с мужчинами, потому что я замужем, но сам переписываешься с несколькими женщинами! Ты признаешь себя лицемером или все же социопатом?

— Я позвоню Райану и расскажу ему, как ты называешь его глупцом.

— Райан хороший человек. Не знаю, влюблен он в меня или нет. Я никогда не спрашивала, и мне наплевать, потому что я-то влюблена в тебя. Поэтому звони, если так этого хочешь, но не будь уродом.

Лицо Дариуса смягчилось. Он положил телефон на комод рядом со мной, и его большой палец скользнул по кнопке загрузки фото в Инстаграм. Маленькая ошибочка, движение пальца. Вдруг открылся фотоальбом, и я все увидела. Сиськи, сиськи, больше сисек. Были и киски, но все же больше сисек.

Какое-то время мы просто смотрели друг на друга. Два сердца бились так быстро, что их почти можно было услышать в тишине. *Предательство*. Вот как это происходит:

*Черт*

*Черт*

*Черт*

*Черт*

*Черт*

*Черт*

*Черт*

В то мгновение я осознала, что все мои подозрения подтвердились. Сиськи на фото не принадлежали мне, как и киска. Он трахался на стороне. Дариус будто пытался найти слова, и его руки были вытянуты по направлению ко мне. И тут я ударила его в лицо. От удивления он упал и ударился о комод. Мои бутылки с духами посыпались на пол. Запахло цветами и мускусом. Фото Мерси тоже полетело на пол, и стекло разбилось. Дариус держался за место, куда я его ударила, и в его глазах мелькнул страх. Мысль о Мерси вывела меня из себя. Обманывая жену, ты также обманываешь ее детей.

— Кто они? — спросила я, а потом мой голос поднялся до крика. — Кто они, твою мать?

— Никто! Они никто!

— Сколько?

— Не знаю...

Я снова полезла на него с кулаками.

Не просыпайся, Мерси, не просыпайся. Маме нужно это сделать.

А потом я внезапно перестала. Я устала, но не физически. Я могла бы лупить его всю ночь. Я просто устала от жизни. Такое обычно случается с другими, но не со мной. У моего мужа не могло быть дюжины фото голых женщин на телефоне, рядом с фото моей дочери. Мой муж хотел только меня. Он любил меня достаточно, чтобы отрицать собственные сломленные частицы, которые могли разрушить нашу любовь. Любил? Нет. Что за трус! Я посмотрела на него с презрением.

— Почему? — спросила я.

— Это все ты, со своим Райаном. Я видел фото, которое ты отправила ему в прошлом году. Ты эмоционально мне с ним изменяла, признай это!

— Ты изменил мне из-за фотографии в бикини, которую я отправила Райану. Очень

логично. Поговорить со мной о поступке? Зачем, когда вместо этого можно просто начать трахать других баб?

Он просто смотрел на меня, просто смотрел.

— Когда мы себя хорошо ведем, мы отличная пара. Да и плохие мы в одинаковой степени.

— О чем, черт возьми, ты говоришь, псих? Ты мне изменил!

— Ты плохо отзываешься о моей семье. В этом столько же твоей вины, сколько моей!

Мне вовремя подвернулась чашка кофе, и я швырнула ей в него. С попаданием в цель у меня не очень, поэтому чашка разбилась рядом с его головой.

— Ты совсем тронулась! Социопатка!

— Как скажешь. Убирайся из моего дома. Даю тебе десять минут.

Я вышла из комнаты, с прямой спиной, ноющим сердцем и слезами на щеках.

## **Глава 47. Смена жанра**

Горе мне хорошо давалось. Некоторые прячут боль, притворяясь, что все в порядке. Таким храбрецам нужно вручить медаль. У меня никакой отваги и в помине не было, но рыдания — вот мой конек. Они исходили откуда-то из живота и сотрясали меня, пока я не могла дышать. Я плакала в душе или поздно вечером, чтобы Мерси не услышала. Когда мне стало совсем худо, я позвонила своей матери, чтобы она забрала Мерси к себе. Добро пожаловать в следующую стадию горя — уставиться на стены. Сколько дней я так провела? Два? Три? Я не ела и не пила, и будто замерла на одном месте. На этой стене я видела последние три года моей жизни — ухаживания, глубокие сообщения вроде «Я хочу дать тебе то, чего у тебя никогда не было. Испытать то, чего ты никогда не испытывала. Я хочу, чтобы ты почувствовала то же, что чувствую я.» Нерешительный первый поцелуй, и мягкая ранимость последующих дней. Страстное ожидание надежды и будущего. Вспоминались первые дни с памперсами и бутылочками — будни очень уставших молодых родителей, которым было так хорошо посреди хаоса. Я помнила нежность, с которой он смотрел на меня, когда я возвращалась домой после очередной встречи с читателями или путешествия — как загорались его глаза на выдаче багажа, и как он сжимал меня в объятии. Я помнила ощущение безопасности и покоя, то, как я любовалась этим прекрасным мужчиной. На стене словно проигрывалась пленка из многочисленных Дней Благодарения, рождественских каникул, дней рождения и отпусков. Подготовка, еда, пьяные поцелуи у костра и последующие трепетные занятия любовью. Один, два, три года лжи. Как я могла быть такой глупой? Неужели я была настолько сломлена, чтобы, не замечая очевидного, пытаться сохранить что-то настолько ненастоящее?

Так и случается, когда твое сердце разбито. Сначала вспоминаешь хорошее, то, по чему будешь скучать. А когда ярость отступает, начинает играть новая пленка. Твои мысли из романтической комедии превращаются в психологический саспенс. Смена жанра. Между хорошими воспоминаниями вклиниваются ссоры, сообщения, разногласия. Вспоминаешь, какой одинокой ты себя ощущала, и мрачные кусочки пазла становятся все более заметными. Они сдвигали хорошие воспоминания в сторону, пока не уничтожали их совсем. И вдруг ты ловишь себя на мысли: «Так вот почему он тогда отстранился. В тот день у него не встал, а на тот День Благодарения он выглядел таким рассеянным.» Круг сомкнулся. Трудно осознавать, что твоя жизнь была вовсе не чудесной, а сомнительной и полной тайн. А человек, которого ты больше всего на свете любила, наносит тебе удары, которые ты еще не прочувствовала.

Он звонил. Отправлял километры сообщений, моля простить его. Для меня оставалось загадкой — зачем молить о прощении того, к кому ты настолько наплевательски относился? Вскоре его мольбы превратились в обвинения — он пытался сделать меня во всем виноватой. Он не мог во всем признаться, даже когда я указала ему на все улики. Я узнала о судебном процессе, о клиентке, с которой он переспал, и которая его вывела из себя. Он трахал этих баб с самого переезда в мой дом, еще до рождения Мерси. Их истории это подтверждали. Когда я рассказала об этом ему, он обрушил на меня свой гнев и сказал, что я намного хуже него.

— Ты пытаешься найти что-то, чтобы уравновесить то, что ты делала с Райаном! — орал он в трубку.

— Что я делала с Райаном, Дариус? Я и пальцем его не касалась! Ты начал свои похождения задолго до того, как Райан появился на горизонте!

— Тебе не нужно прикасаться к нему, чтобы завести интрижку.

Он использовал Райана, указывая, что причиной его действий послужили мои отношения с Райаном. Он отправил мне фото в бикини, которое я отправляла Райану в прошлом году, чтобы напомнить мне о моей неверности. Когда я вспомнила о целом слайд-шоу из кисок и сисек в его телефоне, он сказал, что я не могу признать собственные проблемы. А потом мы спорили о Райане минут пятнадцать, я защищалась, а он обвинял. В конце концов, я поняла, что это просто уловка Дариуса. Он продолжал уклоняться от ответа, а я попадала в его ловушку.

Я перестала отвечать на звонки и перестала звонить. Есть тоже. Сбросила пять килограмм за десять дней. Чудо-диета! Мама привезла Мерси домой и побледнела, увидев меня.

— Я схожу в магазин и куплю чего-нибудь на ужин, — сказала она. Я слышала, как она звонит отчиму и говорит, что останется на пару дней.

Мерси стала спрашивать о нем. «Где папочка? Папочка придет домой? Почему папочка со мной не попрощался? Папочка меня любит?» Что я могла ей на это ответить? Как я могла объяснить? Я просто обнимала ее, пока она плакала, и проклинала ее отца, проклинала Дариуса, и всех мужчин, которые ранили ее. «Это была ошибка.»

Я была в бешенстве. Он не просто ужасно поступил со мной, он ни во что не ставит мою дочь. Мне не удалось ее защитить. Я пустила в дом чудовище и дала ему бразды правления. Зачем? Зачем ломать что-то, настолько прекрасное? Он причинил боль всей нашей семье.

Какая следующая стадия после ярости? Я ждала принятия — отличная стадия. Двигаться вперед и перестать страдать... Я все еще жду.

## **Глава 48. Парад**

Я уже несколько месяцев не разговариваю с Фиг. Два? Три? И почему вообще мы больше не общаемся? А, точно, потому что я думала, что она влюблена в Дариуса. Сейчас все кажется таким неважным. Я знала, я чувствовала, что с Дариусом было что-то не так. Я просто смотрела не на того человека. Мне нужно было сделать шаг назад, даже после того как я изменила свое мнение относительно влюбленности Фиг.

Она была странной и в то же время чрезмерно контролирующей. Было время, когда она была у нас дома пять дней в неделю, приходила, когда хотела, приносила Мерси какие-то сумасшедшие подарки, тайком давала ей сладости. Фиг делала сайты для моих знакомых писательниц. Потом она стала парковать свой белый джип в гараже, вместо того, чтобы

парковаться рядом с домом, как делали все в нашем квартале, и я не могла понять, дома она или нет.

Впервые за месяц я накрасилась. Одежда сидела на мне мешковато. Я сбросила пять килограмм с тех пор как мой брак подошел к концу. Исчезли даже мои сиськи.

Вечер выдался чудесный, теплый и светлый. Я одела ботинки и пошла к воротам в саду, закрыв его осторожно, чтобы не хлопнуть. Не знаю, зачем мне понадобилось втайне шнырять по ее саду. Я не хотела быть замеченной, чтобы она притворилась, что ее нет дома. Мне казалось, что она прячется. Может, потому что у меня это отлично получалось. Когда работаешь дома, паркуешься в гараже, закрываешь окна занавесками и никогда не встречаешься взглядом с соседями. Я слегка постучала в заднюю дверь. Сегодня было теплее, чем вчера, я заметила почки на деревьях. Должно быть, я застала ее врасплох, потому что как только ее лицо показалось в окне, ее ротик образовал букву «о». Когда она отперла дверь, я почувствовала знакомый запах. Запах моего дома. Пора бы уже перестать удивляться.

— Привет! Как дела? — спросила она. На ней была спортивная одежда, а на лице были видны капельки пота, как будто она занималась на беговой дорожке. Господи, до чего же она худая. Худее меня, худее любого нормального человека.

— Ты знала, что он мне изменяет? — выпалила я, удерживая взгляд на ее лице. — Он тебе рассказывал?

Цвет ее лица поменялся на белоснежно молочный.

— Дариус... что?

Слезы полились у меня из глаз. Я думала, что со слезами покончено, что у меня все под контролем, и вот я разревелась на ее заднем дворе. Фиг быстро подвинулась, чтобы впустить меня в дом. Она подвинула стул, и я тут же опустилась на него, закрывая лицо руками и пыталась собраться с силами.

— Что, черт возьми, случилось? — ее глаза были широко раскрыты.

— Он встретил ее на конференции. Она журналист.

— Что? — ее голос будто сломался. Она села на соседний стул и наши колени столкнулись.

— Кто? Когда?

— Ее зовут Николь Мартин, — сказала я, беря у Фиг бумажную салфетку. Ее глаза гуляли по комнате, и я подумала, что она, наверно, пытается понять, кто это. У нее всегда так было с именами — она сначала просила повторить имя, а потом сама его проговаривала. Дариус шутил, что она идет домой и ищет человека на Фейсбуке. — Она фрилансер.

— Как ты узнала?

— Что именно?

— Об измене...

— Из его телефона, — сказала я, прикрывая рот. Фотографии все еще преследовали меня, каждый раз, когда я закрывала глаза. Парад из сисек и кисок. — Он показывал мне что-то в телефоне, нажал не на ту кнопку и появился фотоальбом. Я увидела... фотографии женщин.

— Больше чем одной? Больше чем... этой Николь?

— Да.

Сначала она ничего не говорила, просто уставилась на свои руки, сжимавшие край стола.

— Боже мой!

Если бы она уже не сидела, ей бы точно потребовалось присесть.

— Где он?

— Я заставила его уйти несколько недель назад. Я не знала, что делать.

Интересно, знала ли она? Его машины не было на обычном месте, а она за всеми наблюдала.

— Как Мерси?

— Не очень.

Сказать «не очень» значило ничего не сказать. Мерси замкнулась в себе, постоянно ссорилась с детьми в саду. Каждый вечер она просила, чтобы он почитал ей перед сном.

Я дотронулась до висков, где уже зарождалась головная боль.

— У тебя болит голова? — спросила она. — Подожди...

Она пошла в ванную и принесла аспирин.

— Как долго это продолжается? — спросила она, наливая мне стакан воды.

— Больше года, — ответила я, проглатывая лекарство. — Она даже не знала, что он женат. Он просто четко все разграничил...

— Откуда тебе знать, что она не лжет?

Я могла понять, что люди могут так подумать. Из другой женщины часто делают большего злодея, чем из изменника.

Эти женщины ничего мне не должны. Я их не знала. Возможно, им следовало следить за собой, но именно Дариус должен мне верность и жизнь.

— Я позвонила ей. Она плакала и во всем призналась.

Я отправила ей сообщение на Фейсбуке после поиска ее имени (которое Дариус с неохотой мне сообщил). Она сразу же отправила мне свой номер. Когда она ответила, ее голос дрожал, и мы обе плакали какое-то время.

— Мне так жаль, — говорила она, — может, я о чем-то догадывалась и понимала, что это темная история, но не хотела это видеть. Я должна была знать!

Он сказал ей, что разведен, а что она могла знать, если у него нет социальных сетей?

— Ты слишком легко доверяешь, Джолин, — мягко сказала Фиг.

— Но не она клялась мне в верности, Фиг, а он. Мне неважно, знала ли она, женат ли он, прежде чем она на него набросилась. Ему надо было самому об этом рассказать и сказать ей нет. Защитить наши отношения и удержать свой член в штанах.

Фиг неохотно кивнула.

— Боже, как я могла быть такой душой? Посиделки в офисе допоздна, его рассеянность... Я-то думала, это он из-за моих дедлайнов и моего отсутствия.

— Вы просто не подходите друг другу, — твердо заявила она. — Не пойми меня неправильно, его поступок абсолютно мерзок. Я просто не понимаю, как можно кого-то обманывать так долго? Он точно мастер делать непроницаемое лицо.

У меня случился шок. Она защищает его? И не радость ли я услышала в ее голосе? Меня затошнило. Не нужно было сюда приходить. Вот всегда так — я говорю себе, что просто воображаю себе все странности Фиг, но как только я рядом с ней, то сразу хочу уйти.

— Не могу поверить, что он вот так уехал и больше не вернется, — заметила она.

Да, черт. Я тоже так думала. Он же мой муж, в конце концов, и только смерть должна разлучить нас.

Я посмотрела вокруг, ища какой-нибудь ключ, подтверждение того, что я чувствовала.

— Джордж дома? — спросила я. — Извини, я не подумала, что вы можете быть заняты...

Она отмахнулась.

— Он съехал две недели назад.

Теперь настал мой черед открыть рот в изумлении.

— Почему? О, господи, прости. Это совсем не мое дело.

Она покачала головой.

— Просто не сошлись характерами. Мы не влюблены друг в друга.

Джордж был влюблен в Фиг. У него это было на лице написано, в том, как он смотрел на нее, в том, с чем ему приходилось иметь дело. Он прогибался под ее нужды. Частенько мне было его жаль. Она отмахивалась от всего, что он делал, и делала вид, что его нет.

— Мне нужно забрать Мерси из сада, — сказала я, вставая. Если поспешить, то можно быстренько всплакнуть перед выходом. Я посмотрела на кучу бумажных салфеток на столе, но Фиг схватила их прежде чем я успела среагировать.

— Не стоит, иди! Я принесу ужин вечером, чтобы облегчить тебе жизнь.

Улыбнувшись, я вышла через заднюю дверь в сад. Когда мы обнялись на прощание, у нас обеих стояли в глазах слезы.

### **Глава 49. Подмигни 1986**

По утрам я писала. Книга должна была быть о любви, но я не была слишком уверена в своих познаниях в этой области. Пальцы не спешили печатать слова, но слова и были моей работой, моим хлебом. Я писала о том, во что больше не верила, создавая персонажей, слишком идеальных для реальной жизни. Мужчины боролись за женщин, говорили правильные слова. Были ли все мужчины трусами? Были ли у меня хорошие примеры? Мои подруги советовали писать о любви, которую я хотела бы видеть в своей жизни.

В полдень пришло сообщение от Райана. Он спрашивал, как у меня дела. Я ничего ему не рассказала, поэтому он все еще думал, что у меня сказочная жизнь.

*Все нормально. Пишу все утро.*

*Как дела у вас с Дариусом?*

Как ему это удавалось? Он всегда находил меня, сжавшуюся в клубок в углу, или во время ссоры, или чувствующую себя последним лузером в мире. Между нами будто была струна, и он чувствовал давление на противоположном конце. Я смотрела на его сообщение и потянулась за чашкой кофе, которой не было рядом со мной. Разве я не заварила кофе? Он никогда не спрашивал прямо о Дариусе. Я могла сказать пару обтекаемых фраз, но мы старались держаться подальше от личной жизни друг друга. Правило, но как оно возникло? Может, нам просто не нравилось слышать об этом.

*С нами все в порядке.*

Мне не хотелось ему врать. Райан был единственным, кто мог дать мне ценный совет.

*Правда?*

Я долго смотрела на сообщение. Я без понятия. Правда?

*Какого черта, Райан?*

Через секунду номер Райана появился на экране, и я почувствовала жар где-то в области шеи. Я никогда не говорила с ним по телефону. Я даже не помнила, какой у него голос. Я уже думала не отвечать, но мы только что обменивались сообщениями, и он сразу меня раскусит.

— Алло? — где моя чертова чашка кофе?

— Привет! — у него был сексуальный голос. Я закрыла лицо рукой.

— С каких это пор ты мне звонишь?

— С таких! Как дела?

— Так же, как и две минуты назад, когда ты прислал мне сообщение.

Он рассмеялся, и мне тут же захотелось сидеть на стуле в углу комнаты, тихо раскачиваясь. Какого черта, Джолин?

— Я в порядке, — я слышала оттенок мрачности в своем голосе, поэтому расслабилась и добавила: — Все по-старому.

— Ничего ты не в порядке.

— Это просто мой голос. Такая уж я уродилась.

Если бы только мой голос не дрогнул в конце предложения... Райан набросился на мою печаль подобно ищейке.

— Что он натворил?

Я все ему рассказала. В конце моей речи он по-прежнему не издал ни звука, и я уже подумала, не повесила ли я случайно трубку.

— Алло?

— Я тут. Хочешь послушать, что я думаю?

— Да, — призналась я. У меня из глаз полились слезы от его глубокого, хриплого успокаивающего голоса.

— Он наобещал тебе с три короба. А тебе было нужно, чтобы обещания стали реальностью. В ваших отношениях возникло непонимание — не знаю, откуда оно идет и какова его причина, но он знал, что тебя нельзя подвести. Но он не смог этого сделать.

Черт. Я продолжала плакать, сидя на телефоне с мужчиной, который и стал толчком тому, чтобы я узнала об изменах Дариуса.

— Я должен кое-что тебе рассказать, — сказал он после того как я успокоилась, — кое-что весьма странное произошло на прошлой неделе.

— Странное? Ты звонишь, чтобы рассказать мне о чем-то странном?

— Да, и это связано с тобой.

— Со мной? — повторила я.

— Да. Ты. Все всегда о тебе.

ЧТО ОН ИМЕЛ В ВИДУ? БОЖЕ, О ЧЕМ ОН?

— Слушаю.

Я слышала, как он перекладывает телефон с одного плеча на другое. Интересно, чем он сейчас занимается.

— На мою электронную почту пришло письмо. Адрес сомнительный — *подмигни1986*. Подчеркивание тоже где-то было.

— Хорошо... — я услышала шипение, а потом звук металла. Он готовил.

— Это все так неловко... Подожди минутку. — Когда он снова заговорил, шипение прекратилось, а его голос стал более сосредоточенным. — В письме были видео, и на них, как я понимаю, твой муж.

— Дариус? Что за видео?

Он откашлялся.

— Сексуального плана.

Кровь прилила к моему лицу. Я зажмурилась и покачала головой, несмотря на то, что меня сейчас никто не видел.

Нет, нет, нет, нет.

— Слушай, я могу тебе их отправить, но не уверен, что ты захочешь их смотреть. Не знаю, зачем кому-то отправлять их мне, и как у них оказался мой электронный адрес.

— Как ты понял, что это он? — поспешно спросила я.

— Это он.

— Хорошо. Отправляй.

— Ты уве...

— Отправляй.

Я повесила трубку, не дождавшись его ответа. Затем я открыла страницу Райана в соцсетях и увидела, что его электронный адрес был публичным. Кто же их отправил? Кому это было выгодно? Уж точно не Дариусу.

Через минуту пришло уведомление, что Райан21 прислал мне письмо на электронную почту. Я налила себе выпить перед просмотром. К письму без темы были прикреплены три файла.

Я нажала на первый. Дариус — это было ясно, как день — сидит в туалете в запасной ванной, и видна только нижняя часть его лица. Мои глаза прикованы к его члену. Его губы шевелились, он что-то говорил. Я включила звук.

— У тебя самая красивая киска.

*Самая красивая киска.* Боже мой.

В следующем видео он мастурбировал. Я закрыла его, не досмотрев. Я просто не смогла. В последнем он говорил с девушкой — Николь, или кому еще он отправлял видео. Я снова включила звук. Он тер область, где был его член, и, прикусив нижнюю губу, говорил: «Она ушла. Приходи. Я хочу снова быть внутри тебя.»

Все к этому и шло, он мне изменял. Он нарушил свою профессиональную клятву. Линии были размыты, он совсем не знал границ. Он просто использовал женщин. Кто же мне отправил эти видео? Кому нужно было, чтобы я их увидела? И зачем вмешивать в это Райана?

## **Глава 50. Мона Шлюха**

В начале июня мне пришло сообщение от Джорджа с приглашением на кофе. Пару минут я просто пялилась на экран телефона, пытаюсь понять, откуда у него мой номер. Я с неохотой согласилась на встречу, не имея понятия, чего ожидать. Я не видела ни Джорджа, ни Фиг с тех пор как у нас с Дариусом все пошло к чертям. Занавески в их доме были задернуты, машины стояли в гараже, будто они вдруг пытались от кого-то спрятаться. А мне было ни холодно, ни горячо. Мне нужно было оставаться подальше от всякой драмы.

В день нашей встречи лило как из ведра. Я достала резиновые сапоги и дождевик, и отправилась в замызганную маленькую кафешку под названием «Оловянная булавка». Я приехала раньше Джорджа, заплатила за свой чай и понесла чашку к облезлому столику в углу, на котором кто-то выцарапал «Мона шлюха». Я помешала свой чай и снова уставилась на сообщение. Вот еще один пример того, как общество видит женщин. Никто не тронул ни одного мужчину, который спал с Моной, в то время как вся ненависть обрушилась только на девушку. Я вытащила карманный нож из сумки и нацарапала «как и все мужчины, с которыми она трахалась».

Одна из официанток увидела меня и произнесла:

— Здесь это запрещено.

— Все равно дело уже сделано, надо лишь немного подправить.

Она закатила глаза и вернулась за прилавок.

Я всеми руками за свободу речи, но хотя бы пишите правильно, придурки!

Джордж опоздал на десять минут. Его одежда насквозь промокла. Я помахала ему со столика Моны, поставив стул рядом с собой.

— Привет! — сказал он, снимая пальто.

— И тебе здрасьте.

Он ушел делать заказ, а я допила свой чай. Когда он вернулся за стол со стаканом кофе, я заметила, каким усталым он выглядит. А может, он всегда был таким. Как часто я внимательно смотрела на Джорджа? Он был затворником. Мы лишь иногда приветственно махали друг другу, когда он подъезжал к дому, а я была на улице.

— У Фиг был роман с Дариусом, — сказал он.

У меня в желудке все перевернулось. Я обхватила рукой живот.

— Скажи же что-нибудь! Черт, все так запутано!

Он провел рукой по своим торчащим в разные стороны волосам, ерзая на стуле, как ребенок-непоседа. Я видела, как его взгляд устремился на слова о Моне, в то время как я пыталась переварить его слова.

Что я могла сказать? Была ли я вообще удивлена? *Да, да, вообще-то была.*

— Черт... Ты, должно быть, прикалываешься?

На его лице прочиталось облегчение, что я наконец заговорила.

— К сожалению, нет.

— Когда? Как?

— Когда ты уходила, когда она говорила, что выйдет на пробежку, поедет по магазинам... Не знаю. Они находили лазейки. Такие всегда находят, разве не так?

У меня плыло перед глазами, зрение подводило меня. Он предал меня в моем собственном доме. В который я разрешила ему въехать. В который он завалился, пока росли его долги и против него предъявлялись иски. С тех пор как я узнала об изменах Дариуса, я месяцы потратила на то, чтобы научиться с этим жить, простить и избавиться от горечи, которой было наполнено мое сердце. Я не могла позволить такому мужчине, как он, отобрать у меня надежду. Но сейчас все по-другому. Он принес все это дерьмо домой, в безопасное место, которое я создала для своей дочери. Я отмахивалась от предупреждений, задвинула на задний план свою книгу, дочь, друзей... чтобы помочь ей. Что это за мир, в котором люди, которых ты, как тебе кажется, любишь больше всего на свете, оказываются предателями? Я посмотрела на Джорджа. Он выглядел изможденным и истощенным. Он не мог усидеть на месте. На его щеке виднелся порез от бритвы, а на подбородке была капля засохшей крови.

— Когда ты все понял? В каком месяце?

— В марте прошлого года.

Я поморщилась. Всего лишь через несколько месяцев после их переезда в дом по соседству.

— Я тогда была в Финиксе у отца. Это тогда...?

— Тогда я их поймал. Я увидел его имя в ее телефоне и посчитал странным, что он шлет ей сообщения поздно вечером.

— А что ты увидел, когда прочитал?

Он покачал головой, не сводя глаз со столика. Все было настолько плохо, что он не мог рассказать об этом? Я ведь знала о Дариусе, разве нет? Я видела фотографии у него на

телефоне. Тело Фиг могло быть среди многих других. Их лиц не было видно. Он не хотел видеть в них личностей. Я столько раз писала в своих книгах о «режущей боли, ранящей в самое сердце», но чувствовала ли я ее до настоящего момента? Конечно, нет. Самая ужасная вещь, которую мне довелось пережить.

— Они трахались, когда я уехала навестить моего умирающего отца? Он отправил мою дочь к своей матери и трахал эту женщину в моем собственном доме?

Джордж больше не смотрел на меня, лишь уставился в пустоту. Я была зла на него. Если бы он мне все рассказал, как только узнал об этом сам, я бы все высказала Дариусу и рассталась с ним. Я бы уже начала процесс излечения, вместо того чтобы мучаться с раной в сердце и не иметь ответов на мои вопросы. Он был таким же трусом, как и все они. Мне было его жаль только потому, что он влюбился в такую женщину, как Фиг, пал под властью этой пиявки. Выпроводив Дариуса из дома, я удивлялась ее состраданию. Я-то думала, что она страдает за меня и со мной.

— Ты по-прежнему хочешь с ней быть, так ведь? Ты застал ее за изменой и не ушел. Ты никому об этом не рассказал. Вместо этого ты попытался все исправить.

— Все не так просто. У нее были суицидальные тенденции.

— О, точно! Ты поймал ее на рельсах, или же у нее было что получше?

Он уставился на меня.

— Тебе когда-нибудь приходило в голову, что она использовала суицид, чтобы отвлечь тебя от того, что ты обнаружил? Она просто манипулировала тобой.

— Все не так просто. — Повторил он.

— Нет, идиот ты эдакий, все предельно просто! Твое эго ранено, потому что она не хочет тебя. Она использовала тебя, Джордж. Тебе не станет легче, если ты попытаешься убедить себя, что она все еще тебя хочет. Господи, ну что вы за придурки все!

Я встала, и мой стул громко закрипел.

— Ты мне что-нибудь еще хочешь рассказать? Боюсь, что мне надо бежать отсюда, пока я тебе не врезала.

Он удивленно посмотрел на меня. Мне показалось, что ему хотелось рассмеяться.

— Думаю, это все.

Я взяла сумку и уже направилась к выходу, как мне в голову пришла еще одна идея.

— Кстати, Джордж, ты пахнешь так же, как и мой козел — бывший муж. У Дариуса точно такой же парфюм, который она купила тебе.

Он побледнел.

— Она сказала, что нашла его в *Nordstrom* (прим. пер. — Нордстром — американская сеть универмагов).

— В *Nordstrom* это дерьмо не продают. Она нашла его на моем муже.

## Глава 51. ПТСР (прим. пер. — Посттравматическое стрессовое расстройство)

Мама назвала меня Джолин в честь одноименной песни Долли Партон. Долли могла бы использовать какое-нибудь другое имя — Дарлин, Кейлин, Арлин... Но я стала Джолин, потому что так решила Долли после того, как какая-то рыженькая работница банка флиртовала с ее мужем прямо у нее на глазах. Представьте себе — кто-то пытается увести вашего мужчину, а вы на этом заработали? Долли — это не только огромные сиськи, скажу я вам. Мне всегда нравился ее стиль.

У меня была подруга, которая была слишком глупа и не видела правды, которая находилась прямо у нее перед глазами. Несмотря ни на что, она оставалась глуха и слепа,

будто Хелен Келлер (*прим. пер. — писательница, лектор, активистка, в возрасте 19 месяцев потерявшая зрение и слух*). Я была уверена, что я уж точно никогда такой не буду, раз уж я легко все замечала у других. Что за лицемерие человеческой природы! Видите ли, я всегда стараюсь видеть лучшее в людях. Я влюбилась в образ человека, а потом Хелен Келлер будто вцепилась в мой мозг, и я стала, подобно тем обезьянкам, «ничего не вижу, ничего не слышу», ла-ла-ла. Люди не всегда действовали в соответствии с их образом, и именно так случилось с Фиг. Я училась, пусть и медленно, набирая скорость, подобно поездам Фиг. Теперь я видела правду каждого. Например, отец Мерси был полным дураком, правда, без колпака (*прим. пер. — бумажный колпак надевался ленивому ученику в качестве наказания*). Он просто приходил, бросал свое «идите к черту», и исчезал из моей жизни. Мне не было страшно быть беременной одиночкой. После его ухода я чувствовала лишь облегчение, что мне больше не нужно играть в семью с этим придурком. И вот, я жила своей жизнью, писала книги, и вот, когда мой живот еще даже не был заметен, из ниоткуда возник Дариус, привет из прошлого. Он говорил то, что я хотела услышать, делал все, что я от него хотела. Я все это проглотила и позволила ему надеть кольцо на мой опухший пальчик. Когда родилась Мерси, у меня не было и тени сомнения, что он ее любит. Она была нашей. Но, получается, он ее никогда не любил? По крайней мере, себя он любил сильнее. Никого он не любил больше, чем себя. Хорошо, он ничего не мог с этим поделать, но хотя бы мог думать о своих поступках. Она была столь же отвратительна. Ей нравилось играть в игры и смотреть, сколько она может получить. Не было у нее ни рака, ни суицидальных тенденций. Она пользовалась этим, чтобы контролировать реакции других людей. Она могла быть всем, чем вы захотите.

Дело было прошлой осенью. Я была дома, пыталась убить время до конца учебного дня Мерси. Такой была теперь моя жизнь — я пыталась найти, чем себя занять, пока мой ребенок ест печенье и учит песенки в саду. После смерти отца она перестала спрашивать о Дариусе. Она никогда до этого не видела моих слез, и будто понимала тяжесть принужденного уйти и того, кто выбрал уход.

Я слонялась по комнатам, стирая пыль с книг, переставляла мебель, чувствуя свою бесполезность без истории, которую надо было облечь в форму книги. Вдруг я услышала стук в дверь. Почтальон бы просто оставил посылку у двери, да и я не то чтобы жаждала с кем-то общаться. Но стук не прекращался, а лишь усилился, и я все-таки подошла к входной двери, по-прежнему сжимая тряпку для пыли в руке. Я посмотрела в глазок. На пороге моего дома стояла Фиг. На ее голове была кепка. Она совсем исхудала, одежда висела на ней, как на вешалке, а лицо было четко очерчено. Мой внутренний голос убеждал меня не открывать, но меня разбирало любопытство. Она должна была догадываться, что я все знаю.

Когда я открыла дверь, ее лицо уже было сложено в гримасу. Слова, вылетевшие из ее рта, были будто брошены в меня. Я не могла понять, услышала ли я безумные или агрессивные интонации в ее голосе.

— Мне жаль, понятно? Извиняться ничуть не ниже моего достоинства.

— А за что ты извиняешься?

Может, пришло мое время ударить ее по лицу, обругать, и высказать все, что я о ней думаю, но, как обычно, я погрузилась в ее сумасшествие. Мне было интересно, что творится у нее в голове.

— За то, что я сделала. Это не я, я совсем не такая.

Она притворилась плачущей, но слез я так и не увидела. Она как-то рассказывала мне,

что до переезда в Вашингтон к Джорджу у нее были отношения с мужчиной из ее родного города. То есть, получается, она именно такая. Ложь номер один.

— Дариус первый заговорил со мной. Мне было так одиноко... Джордж был... Ну, ты знаешь, какой он. Он не поддерживал меня.

— Я была рядом, я поддерживала тебя.

Мне было ее жаль. Она так отчаянно пыталась быть кем-то, кем совсем не являлась. Ее глаза были широко открыты и полны слез. Я представила, как она судорожно пытается применить какую-нибудь другую тактику. Я посмотрела на нее, по-настоящему посмотрела. Не с целью найти то, что я хотела бы найти, лишь хорошее. Я смотрела на то как она смотрит, оценивает, говорит, чтобы привлечь к себе внимание. Если ты добрый человек, она будет доброй для тебя. Если ты веришь в спасение окружающей среды, она будет невероятно этим увлечена. Однажды мы пошли в ресторан с Фиг и Джорджем, и я вдруг начала рассказывать им о всяких болячках, которые у меня появились за последние пару лет. Фиг посочувствовала мне, а потом поведала нам о своем свином гриппе, и как ужасно она его переносила. Я верила ей до тех пор, пока не увидела выражение лица Джорджа.

— Когда у тебя был свиной грипп? — спросил он.

— Ну, помнишь... После нашего круиза. Я была неделями прикована к постели...

Джордж отрицательно покачал головой.

— Нет, не помню. Уж такое я бы запомнил.

Дариус смеялся всю дорогу домой.

— Ты думаешь, она хоть понимает, что врет? Или это правда в ее голове?

И вот я смотрю на нее сейчас, когда она снова пытается давить на жалость. Это всегда было ее козырем. Больная, хрупкая, одинокая, с депрессией — все это безотказно работало.

— Джордж был со мной жесток. Я не хотела никому говорить, что боялась его.

Я попыталась представить Джоржа — застенчивого, вежливого, забитого Джорджа — в этой роли. В моем представлении агрессор из него так себе, но откуда мне знать? Фиг пробуждает худшее в людях.

— Он никогда бы не позволил мне рассказать тебе, что я наделала. Он мне угрожал.

— Чем же?

— Что?

— Чем он тебе угрожал? — я ожидала ее ответа. Если бы я услышала что-то разумное, то тогда... Тогда что?

Я улынулась. Какой в этом толк? Если я расскажу ей все, что о ней думаю, она не услышит меня. Фиг была похожа на Дариуса. Люди как они всегда думали о том, какие потери несут именно они.

— Когда все началось? — спросила я. Лучшее, что можно было ожидать от нашего диалога, это поставить точку в этой истории. Дариус будто испарился после того как я его выгнала, сменил номер телефона.

— Я не помню, — поспешно ответила она, — мне кажется, что у меня посттравматическое стрессовое расстройство.

— У тебя посттравматическое стрессовое расстройство? Из-за чего?

— Из-за всего, что произошло. Я не помню. — Повторила она. Сколько раз она уже соврала? Я сбилась со счета

— Могла бы потрахаться с каким-нибудь незнакомцем. Я же его любила.

— Знаю. Я постоянно об этом думаю. — Она смотрела на свои туфли, избегая моего

взгляда.

— Ты была в него влюблена?

Она резко подняла голову и засмеялась.

— Нет, — твердо ответила она. Ее голос звучал несколько снисходительно, но от этого признания мне стало еще больнее.

— Было бы намного лучше, если бы ты ответила да, — мягко сказала я. Мое сердце заныло. — Ты сделала больно мне, моему ребенку, Джорджу — и это все ради пары перепихонов? Ведь это для тебя ничегошеньки не значило.

— Ну, я его любила, конечно, как друга, — поспешно добавила она. — Мы были отличными друзьями. Он уже изменял тебе, плохая... Джолин. Я была не единственной, с кем он переспал.

— Но ты же этого тогда не знала! Ты не можешь это использовать в качестве оправдания. Ты вообще ничем не можешь оправдаться.

— Я и не оправдываюсь! Я пришла извиниться.

— То, что ты пришла, ничего общего не имеет с людьми, которые узнали, что ты натворила! Например, писательницы, для которых ты создаешь сайты?

Она притворилась шокированной.

— Нет! Как ты можешь такое говорить?

— Я много чего могу о тебе сказать, Фиг. Где же ты раньше была? Дариус не живет здесь уже год как.

— Говорю же, Джордж меня чуть ли не в заложниках держит. Я столько раз хотела прийти и извиниться. Кстати, то, что ты рассказала ему о парфюме, сущая неправда! Я сумасшедшая, но не настолько.

— Я любила тебя, Фиг. Любила очень сильно. Ты ранила человека, который тебя по-настоящему любил. Не твой надзиратель Джордж, не мой муж, который тебя использовал против меня. Я любила тебя за то, какая ты есть.

— Ты сказала, что никогда меня не оставишь, — она старательно подбирала слова и снова притворилась плачущей. Такая хорошая актриса должна плакать настоящими слезами.

— Я не оставила тебя, но ты оставила меня.

И тут я поняла, что это она отправила Райану видео.

— Как ты нашла те видео, где Дариус мастурбирует? — я видела по ее лицу, как она пыталась решить, признаться ли ей в этом или нет.

— Он мне их отправил. Я думала, тебе будет легче их воспринять от Райана, что это тебя лишь подтолкнет к нему.

О, боже мой. Как я раньше не замечала? Конечно, именно с Фиг он разговаривал в этих видео, когда он говорил ей прийти после того, как я уйду. Я закрыла лицо руками, пытаюсь подавить ярость.

— Ты пыталась играть в сваху при помощи мерзких видео моего мужа, где он мне изменяет? Ты хоть представляешь себе, какая ты сумасшедшая?

— Я просто пыталась тебе помочь, — сказала она поспешно, побледнев. — Я не знала, что он ушел. Я просто хотела, чтобы ты увидела, какой он на самом деле.

Мне так хотелось вцепиться ногтями ей в лицо и хорошенько ей врезать. Она верила в то, что говорила. Сумасшедшая психованная сука.

— Ты пыталась помочь сама себе. Ты хотела Дариуса, и пыталась убрать меня. Поэтому ты внезапно порвала с Джорджем. Даже если ты не знала, что он ушел, то могла бы не

сомневаться, что все закончится после того как я посмотрю эти видео.

Она отрицательно качала головой, но неубедительно. Черт, вот это сюжетный поворот.

— Психотерапевт сказала, что я не социопат. Я спрашивала. По ее мнению, мне было не все равно, я испытывала сострадание.

Мне хотелось рассмеяться. Дариус психотерапевт, ну или, по крайней мере, был им, а уж он точно был социопатом.

— Любой хороший психотерапевт скажет тебе, что социопаты и психопаты могут кого угодно обвести вокруг пальца, даже их самих. Ты не социопат, Фиг. Ты психопат. Есть разница в терминологии.

Она лишь смотрела на меня и моргала.

— Твои подруги жестокие. Я видела, что они говорили в интернете. Я проконсультировалась с адвокатом. Они занимались виртуальной травлей.

— Вот это поворот! Ты называешь других жестокими? Ты сама жестокая личность, Фиг. Мои подруги просто так не будут злиться.

— Они просто слепы! — ее голос переходил в визг. — Все просто ослеплены тобой, Джолин. Но я-то знаю. Я видела тебя настоящую. Не путай меня с твоими помешанными фанатками.

— Прощу прощения, что?

— Все тебя любят. А ты всего лишь человек. Все думают, что ты такая потрясающая. Они поклоняются тебе, а ты всего лишь такая же, как мы все. Это просто смешно. Ты обычный человек!

— Кого ты пытаешься в этом убедить?

— Уж извини, что у меня отсутствует ген поклонения, как у других.

Я приблизилась к ней.

— Фиг, у тебя есть нечто похлеще гена поклонения, — ее тощие плечики напряглись, и она уставилась прямо на меня. — Это ген сумасшествия. Ты можешь скупить всю мою одежду, есть в тех же ресторанах, пользоваться теми же духами, черт, да ты можешь трахаться с моим мужем, но в конце концов, ты — это по-прежнему *ты*. И это самое худшее наказание на свете. Никакая, отчаянная, несчастная ты.

Она выглядела удивленной. Я бы тоже удивилась на ее месте. Весь прошедший год я была ей лучшей подругой, чем кому-либо еще. Она не привыкла к грубым словам из моих уст.

— Ты не заслуживаешь Мерси. Ты украла ее у меня.

Сначала мне показалось, что я не расслышала. Ее губы были сжаты, а лицо покрылось пятнами. Это она о моей дочери? Украла ее? *О, боже*. Она и правда говорит о моей дочери. Я все еще пыталась переварить ее слова, но ее будто прорвало.

— Ты злая. Ты не даешь ей видеться с отцом ему назло. Он был ей хорошим отцом, и ты не имеешь на это права.

Я смотрела на ее сжатые кулаки, не веря своим ушам. Она просто не знала всей правды.

— Ничего себе, Фиг. Это абсолютно новое дно. После всего, что он сделал с тобой и со мной ты все равно его защищаешь. Я даже не знаю, отвратительно ли это или просто смешно.

— Он ее отец, — повторила она.

— Вообще-то, нет.

Она отступила назад, посмотрела куда-то в сторону, а потом снова на меня, будто не

зная, шучу я или нет.

— Я пустила Дариуса в свою жизнь, так же как я пустила тебя. Ни один из вас этого не заслуживал. Особенно в отношении Мерси. И ни один из вас никогда не будет рядом с ней. Ты меня поняла?

— Ты сошла с ума. Поэтому ты прячешься за псевдонимом, чтобы никто не понял, кто ты есть на самом деле.

Я достала телефон, краем глаза наблюдая за ней и набирая номер.

— Я сейчас позвоню в полицию. Уходи.

Не успела я произнести эти слова, как она повернулась и быстро ушла. Это была жалкая сцена побега. Я наблюдала, как она исчезла в своем доме, представляла, как она в испуге запирает дверь на все замки. Что же она будет делать теперь? Я подумала о рельсах и мое сердце бешено забилося. Что, если она что-то сделает с собой? Была ли я слишком жестока с ней? Я не знала, что делать и кому звонить. Ей нужно...

Я закусила губу и заставила себя остановиться. Фиг Коксбери больше не моя проблема. Мне нужно было ее отпустить.

К прибытию полиции меня так сильно трясло, что офицер дал мне одеяло. Я чувствовала себя жалкой и слабой. Я не ожидала от себя такой реакции. Я была сильной, но год у меня выдался не очень, мягко говоря. Я была убита горем. Ее слова будто застряли в моей голове: «Ты украла ее у меня. Ты украла ее... у меня.»

Она говорила о выкидышах, проблемах забеременеть. Она злилась, что у меня есть ребенок, в то время как ей так хотелось малыша? Она думала, что Мерси принадлежала ей? В какой-то момент она определенно сошла с ума. Я не могла понять, как можно прятать чувства в себе так долго? Мы были подругами. Ну, или по крайней мере были в моем понимании. Все эти месяцы я трахалась с одним врагом и пыталась спасти другого. Моя жизнь превратилась в цирк уродов.

— Хочу оформить запрет на приближение, — внезапно сказала я офицеру. Он покачал головой, будто понимал меня.

— Хорошо, мы можем вам в этом помочь.

— Против двух людей. Двух людей, которые сошли с ума.

## **Глава 52. Глава первая**

В августе я выставила дом на продажу. Я попросила не размещать табличку «Продается» на моем газоне и не включать дом в списки продаж, показывая его только парам, которым, по мнению агента по недвижимости, мог понравиться дизайн интерьера дома. Первая же пара, которая пришла посмотреть на дом, сделала предложение в течение недели. Молодожены-Бройеры купили дом еще через месяц. Я заказала грузовик для переезда в четверг вечером, потому что знала, что Фиг в этот день уехала к сестре. Мне не было грустно уезжать, напротив, я испытывала облегчение. Когда-то я любила этот дом, но потом он стал местом, где меня обманывал мой муж, трахаясь с нашей соседкой, отправлял фото своего члена сразу нескольким женщинам из ванной на первом этаже. Слишком много плохого произошло здесь. Мне хотелось начать все заново с Мерси.

Я купила двухэтажный голубовато-серый дом с широким крыльцом в тихом районе за Сиэттлом. Здесь было много пространства и захватывающий дух вид Каскадных гор, припорошенных снегом. В районе господствовали тишина и покой, отрицающие городскую суету. И пусть это не было моим идеальным вариантом, но для Мерси все было с точностью наоборот. В день переезда она познакомилась с семьей детьми. Вместе с другими

родителями мы жарили гамбургеры и маршмеллоу. Мы ездили на машине до ближайшего рынка. Все было тихо, спокойно, и скучно, и мне это не то чтобы нравилось. Но потом я вспоминала, с кем жила рядом до этого.

Не прошло и двух месяцев после нашего переезда, как одноэтажный дом на нашей улице с голубой дверью и большим задним двором с забором выставили на продажу. Жаль, потому что у пары, жившей в нем, была дочка одного возраста с Мерси. Мы узнали эту новость, когда однажды отправились выгуливать нашу новую собаку породы хаски, которую мы назвали Щербет. Я остановилась у таблички «Продается» и взяла листовку. Мне было любопытно, какой у них был ремонт и как выглядел задний дворик. Листовка долгое время лежала в прихожей, затем Мерси сделала из нее бумажный самолетик, и вот она оказалась на кухне, приобрела круглые следы от чашек кофе, и отправилась в мусорное ведро. Еще через месяц я увидела грузовик рядом с тем домом. Мужчины в голубой униформе заносили сине-зеленую мебель. Я и думать об этом забыла, но прошел еще месяц, и я бежала под дождем до своей машины. Краем глаза я заметила движение в прихожей дома, и я повернулась к окну. Под навесом стояла женщина и смотрела на меня. Ее рука поднялась ко рту, чтобы затянуться сигаретой. Я не сразу ее узнала. Ее волосы отросли, став такой же длины, как мои, и она поправилась.

Наверно, мне следовало разозлиться или начать бояться. Запрет на приближение уже месяц как не действовал. Что ж, она совсем не теряла времени. Я так и стояла под ливнем и смотрела на Фиг Коксбери с восхищением, пока моя блузка не промокла насквозь. Я не сомневалась, что она курила мою марку сигарет, а пахло от нее моими духами. Внутри ее дома были все предметы интерьера, которые я выбрала для своего и идеи, которые, как она бы настаивала, были ее собственными. А уж если кто-нибудь бы посчитал странным, что она купила дом в таком близком соседстве со мной, она бы закатила глаза и объяснила: *«Ой, да бросьте! Я просто влюбилась в дом, в район. Обычное совпадение! Джолин Эйвери тут ни при чем. Она самовлюбленная психопатка.»* Но я-то знала, как все было на самом деле. Знала и сама Фиг. Что поделать? Странная штука жизнь, странные люди. Нужно просто надеяться на лучшее, или умереть. Можно вязать, заниматься скрапбукингом, считать шаги. Мой способ жить — писать.

Я сидела за письменным столом и смотрела на сад. Мои пальцы покоились на клавиатуре. Мне не терпелось начать писать, но я не знала, с чего начать. Я молчала о том, что видела, но я видела многое. Я подумала о Микеланджело, который расписывал Сикстинскую капеллу. Я была там однажды, тихонько стояла под куполом одного из чудес мира, закинув голову назад. Мой мозг жадно впитывал эту красоту. Наш гид рассказывал, что Микеланджело был знаменит своим дурным нравом. В одной из бесконечных драк, в которые он постоянно ввязывался, ему сломали нос. Его прозвали «Ужасным». В течение четырех лет работы над одним из лучших произведений искусства, известных человеку, его не раз критиковали за обнаженность в его фресках. Он спорил и доказывал, что наши обнаженные тела прекрасны, это то, что создал Бог. Самым главным противником Микеланджело был Бьяджо да Чезена, папский камерарий, который пошел к Папе Римскому в надежде остановить роспись капеллы. Папа любил искусство в целом и Микеланджело в частности, и просто отмахнулся от Бьяджо. А сам Микеланджело включил Бьяджо в роспись.

Я впервые услышала эту историю от моей школьной учительницы английского, когда мы рассуждали о мести в искусстве. Я считала, что Микеланджело поступил глупо, запечатлев своего врага в вечности. Разве не проще было бы его проигнорировать,

представить его как слабака и ничтожество, которому не удалось прекратить роспись Сикстинской капеллы? Я поделилась своим мнением с учительницей, которая посмеялась надо мной, а потом поручила мне найти Бьяджо на фреске и рассказать ей свои впечатления. После школы я отправилась прямиком в библиотеку и принялась разыскивать Бьяджо. Когда я наконец его нашла, я смеялась так, что библиотекаря цыкнула на меня. Микеланджело изобразил его в качестве Миноса, короля Ада, и наделил его ослиными ушами и обвил змею вокруг его торса. Самой лучшей деталью было то, что змея кусала его маленький член. Я подумала о тысячах людей, которые хотят увидеть Сикстинскую капеллу каждый год и все они видят врага художника, изображенного на одной из самых знаменитых фресок в мире голым, как идиота. Я поняла, почему Ужасный Микеланджело выбрал эту форму мести. Фингал под глазом исчезнет, а произведение искусства уже нет. Я могу сделать тебя частью чего-то великого, но все равно отразить твою уродливую сущность.

Мои пальцы коснулись клавиш, в то время как мозг уже складывал слова в предложения. Это было моим планом с самого начала. Может, несколько в другом исполнении, но тем не менее. С тех пор как я разглядела нечто, спрятанное от посторонних, в глазах Фиг Коксбери, я поняла, что здесь зарыта история. Она была хаотичной темнотой, которая прикидывалась светом. Обманщица. Но в итоге все обернулось против нее. Я наблюдала, как она пыталась разрушить мою жизнь, и все не зря. Я напишу об этом, о Фиг, Дариусе, Джордже... даже о Райане. Никто не поверит, что так и было на самом деле потому что уж слишком все похоже на сумасшедший дом, а не на реальную жизнь. Я уже видела обзоры, видела читателей, жалующихся на то, как далек от жизни был персонаж Фиг. Я громко засмеялась. А еще будут сравнения с классическим фильмом *«Одинокая белая женщина»*. Но в моей жизни все было совсем не как в кино, это действительно произошло со мной и Мерси. Произошло и разбило мое сердце вдребезги. Мир должен знать о Фиг и ее пустом, завистливом сердце. Фиг, вечной жертве, даже когда она предала тебя. Фиг, ранившей других, потому что она так себя ненавидела. А как же я назову себя, автора? Девушку, которая любила психопата и социопата? Мне всегда нравилось имя Таррин...

***ВНИМАНИЕ!***

Больше книг на сайте — [Knigoed.net](http://Knigoed.net)